

MODERN ORIENTAL STUDIES

СОВРЕМЕННЫЕ
ВОСТОКОВЕДЧЕСКИЕ
ИССЛЕДОВАНИЯ

16+

VOL. 6 , №3

TOM 6 , №3

2024

Востоковедение

Asian-Pacific Region

orientalis

сотрудничество

international cooperation

philosophy

cultural exchange

relations

Publisher of the magazine: ANO "Association of Chinese Language Teachers of the Volga Federal District". Issues of the journal are placed in the RSCI databases (www.elibrary.ru) on the basis of a license agreement with the Scientific Electronic Library, RSL, TASS, Cyberleninka.

Based on the order of the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation dated July 20, 2022 No. 314-r, the journal is included in the List of the Higher Attestation Commission for 5 scientific specialties and relevant branches of science:

- 5.6.2. General history (historical sciences);
- 5.6.7. History of international relations and foreign policy (historical sciences);
- 5.7.2. History of philosophy (philosophical sciences);
- 5.9.6. Languages of peoples of foreign countries (Chinese and Turkish) (philological sciences);
- 5.9.8. Theoretical, applied and comparative linguistics (philological sciences).

Frequency of the journal's publication: 4 issues per year.

The mission of the journal is to integrate and consolidate the scientific potential of orientologists from Russia and abroad.

The main goal of the journal is to highlight the main scientific achievements in the field of oriental philology, history, culture and philosophy of the East.

The objectives of the journal:

- Coordination and popularization of oriental studies.
- Ensuring a wide exchange of ideas, experience, and results of oriental studies.
- Carrying out joint scientific research with leading scientists of foreign centers of oriental studies.
- Organization of joint scientific events (forums, conferences, seminars) with leading domestic and foreign associations and research centers of oriental studies.
- Studying the experience of leading foreign centers of oriental studies.

The journal accepts articles in 8 languages: Russian, English, Chinese, Turkish, Arabic, Japanese, Korean, Vietnamese.

Издатель журнала: АНО «Ассоциация преподавателей китайского языка Приволжского федерального округа». Выпуски журнала размещаются в базах РИНЦ (www.elibrary.ru) на основании лицензионного договора с Научной электронной библиотекой, РГБ, ТАСС, Cyberleninka.

На основании распоряжения Министерства науки и высшего образования Российской Федерации от 20 июля 2022 г. №314-р журнал включен в Перечень ВАК по 5 научным специальностям и соответствующим отраслям науки:

- 5.6.2. Всеобщая история (исторические науки);
- 5.6.7. История международных отношений и внешней политики (исторические науки);
- 5.7.2. История философии (философские науки);
- 5.9.6. Языки народов зарубежных стран (китайский и турецкий языки) (филологические науки);
- 5.9.8. Теоретическая, прикладная и сравнительно-сопоставительная лингвистика (филологические науки).

Периодичность выхода журнала: 4 номера в год.

Миссия журнала — интеграция и консолидация научного потенциала востоковедов России и зарубежья.

Цель журнала — освещения основных научных достижений в области восточной филологии, истории, культуры и философии Востока.

Задачи журнала:

- Координация и популяризация востоковедческих исследований;
- Обеспечение широкого обмена идеями, опытом, результатами востоковедческих исследований;
- Проведение совместных научных исследований с ведущими учеными зарубежных центров востоковедения;
- Организация совместных научных мероприятий (форумов, конференций, семинаров) с ведущими отечественными и зарубежными ассоциациями и научно-исследовательскими центрами востоковедения;
- Изучение опыта ведущих зарубежных центров востоковедения.

В журнал принимаются статьи на 8 языках: русском, английском, китайском, турецком, арабском, японском, корейском, вьетнамском.

Founder: ANO Association of Chinese Teachers of the Volga Federal District (ACTV)

Registered by the Federal Service for Supervision of Communications, Information Technology and Mass Media

Registration certificate: ПИ No. ФС 77 - 76298 dated 26.07.2019

Year of foundation: 2019

Frequency: 4 issues per year

The journal is distributed by subscription. Subscription index — BH018379. Free price.

Distribution territory: Russian Federation, foreign countries

Publisher: ANO Association of Chinese Teachers of the Volga Federal District (ACTV)

Publisher's address: Prospekt Pobedy 226a, Kazan, Rep. Tatarstan, Russia, 420088

The postal address of the editorial office: 420008, RT, Kazan, st. Martyna Mezhlauka, 3, office. 117, tel +7 (843) 22 133 21

E-mail: modernorientalstudies@gmail.com

The journal is placed and indexed in abstract and full-text databases: Russian Science Citation Index (RSCI), Higher Attestation Commission (HAC)

Release date: 00.00.2024. Offset paper. Digital printing. Format A4. The total circulation is 500 copies. Order No. /2024. Printed from finished layout at the «Fen» Publishing House of the Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan

Layout and prepress: Dionis Publishing

Printing house address: Bauman st., 20, Kazan, Russia, 420111

Tel.: +7 (843) 292-49-14

EDITORIAL AND PUBLISHING GROUP:

Editor-in-Chief: Dmitry Martynov, Doctor of History, Professor of the Institute of International Relations, Kazan Federal University, Kazan, Russia

Scientific editor: Ramil Valeev, Doctor of History, Professor of the Institute of International Relations, Kazan Federal University, Kazan, Russia

Chief Editor: Alfiya Alikberova, Candidate of History, Associate Professor, Institute of International Relations, Kazan Federal University, Kazan, Russia

Managing Editor: Rustem Mukhametzyanov, Candidate of History, Associate Professor, Institute of International Relations, Kazan Federal University, Kazan, Russia

Secretary:

Dmitry Balakin, Institute of International Relations, Kazan Federal University, Kazan, Russia

Chairman of the Editorial Board: Elmira Khabibullina, Candidate of Philology, Associate Professor of the Institute of International Relations, Kazan Federal University, Kazan, Russia

EDITORIAL TEAM:

Irina Popova, Doctor of History, Professor, Corresponding Member, Director of the Institute of Oriental Manuscripts, Russian Academy of Sciences, St. Petersburg, Russia

Aleksandr Storozhuk, Doctor of Philology, Professor, Head of the Department of Chinese Philology, Faculty of Oriental Studies, St. Petersburg State University, St. Petersburg, Russia

Artyom Kobzev, Doctor of Philosophy, Professor, Chief Researcher at the Institute of the Far East, Leading Researcher at the Institute of Philosophy, Head of the China Department of the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

Aleksandr Semyonov, Candidate of History, Associate Professor, Professor of the Department of Oriental Languages, Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation, Moscow, Russia

Mariya Repenkova, Doctor of Philology, Professor, Head of the Department of Turkic Philology, Institute of the History of Asian and African Countries, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia

Yakov Grishin, Doctor of History, Professor, Institute of International Relations, Kazan Federal University, Kazan, Russia

Valery Letyaev, Doctor of Law, Professor, Institute of International Relations, Kazan Federal University, Kazan, Russia

Bulat Akhmetkarimov, Ph.D (philosophy), Associate Professor of the Institute International Relations, Kazan Federal University, Kazan, Russia

Apollinaria Avrutina, Doctor of Philology, Associate Professor, Director of the Center for Research on Contemporary Turkey and Russian-Turkish relations, St. Petersburg State University

Aleksandr Lychagin, Doctor of History, Professor, Head of the Department of Oriental Languages and Cultural Linguistics of the Institute of international relations and world history, Nizhny Novgorod State University named after N.I. Lobachevsky, Nizhny Novgorod, Russia

Alfiya Yusupova, Doctor of Philology, Professor Institute of Philology and Intercultural Communication, Director of the Institute Kayuma Nasyri, Kazan Federal University, Kazan, Russia

Emiliya Taisina, Doctor of Philosophy, Professor, Head of the Department of Philosophy of the Kazan State Power Engineering University, Kazan, Russia

Ko Young Cheol, Ph.D (Pedagogics), Professor, Institute of International Relations, Kazan Federal University, Kazan, Russia

Norihiro Naganawa, Ph.D (Regional Studies), Professor at the Center for Slavic and Eurasian Studies, Hokkaido University, Sapporo, Japan

Chun Hyunju, Ph.D (Translation Studies), Associate Professor, Shinhan University, Seoul, Republic of Korea

Kim Jin Young, Ph.D (Sociology), Professor, Jeju University, Jeju, Republic of Korea

Tashansu Turker, Doctor of History, Professor, Ankara University, Ankara, Turkey

Ekrem Kalan, Doctor of History, Professor, Rector of the University of Alanya Alaaddin Keykubat, Alanya, Turkey

Phan Cuog Anh, Ph.D (Cultural Studies), Professor, Ho Chi Minh University of Culture, Ho Chi Minh City, Vietnam

Yang Ke, Ph.D (Russian), Professor, Director of the Institute of European Languages and Cultures, Guangdong University of Foreign Languages and International Trade, Guangzhou, China

Kang Cheng, Ph.D (Comparative Literature), Professor, South China Normal University, Guangzhou, PRC

Учредитель: АНО Ассоциация преподавателей китайского языка Приволжского федерального округа (АПКЯ)

Зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций
Свидетельство о регистрации: ПИ № ФС 77 – 76298 от 26.07.2019

Год основания журнала: 2019 г.

Периодичность: 4 выпуска в год

Журнал распространяется по подписке. Подписной индекс — ВН018379. Цена свободная.

Территория распространения: Российская Федерация, зарубежные страны

Издатель: АНО Ассоциация преподавателей китайского языка Приволжского федерального округа (АПКЯ)

Адрес издателя: Проспект Победы 226а, г. Казань, Респ. Татарстан, Россия, 420088

Почтовый адрес редакции: 420008, РТ, г. Казань, ул. Мартына Межлаука, д. 3, каб. 117, тел +7(843) 22 133 21

E-mail: modernorientalstudies@gmail.com

Журнал размещается и индексируется в реферативных и полнотекстовых базах данных: Российский индекс научного цитирования (РИНЦ), перечень Высшей аттестационной комиссии (ВАК)

Дата выхода выпуска в свет: 00.00.2024. Бумага офсетная. Печать цифровая. Формат А4. Общий тираж 500 экз. Заказ № /2024. Отпечатано с готового оригинал-макета в Издательстве «Фэн» Академии наук РТ

Верстка и допечатная обработка: Dionis Publishing

Адрес типографии: ул. Баумана, 20, г. Казань, Россия, 420111

Тел.: +7(843)292-49-14

РЕДАКЦИОННО-ИЗДАТЕЛЬСКАЯ ГРУППА:

Главный редактор: Мартынов Дмитрий Евгеньевич, доктор исторических наук, профессор Института международных отношений, Казанский федеральный университет, г. Казань, Россия

Научный редактор: Валеев Рамиль Миргасимович, доктор исторических наук, профессор Института международных отношений, Казанский федеральный университет, г. Казань, Россия

Шеф-редактор: Аликберова Альфия Рафисовна, кандидат исторических наук, доцент Института международных отношений, Казанский федеральный университет, г. Казань, Россия

Выпускающий редактор: Мухаметзянов Рустем Равилевич, кандидат исторических наук, доцент Института международных отношений, Казанский федеральный университет, г. Казань, Россия

Ответственные секретари:

Балакин Дмитрий Александрович, Институт международных отношений, Казанский федеральный университет г. Казань, Россия

Председатель редакционной коллегии: Хабибуллина Эльмира Камилевна, кандидат филологических наук, доцент Института международных отношений, Казанский федеральный университет, г. Казань, Россия

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

Попова Ирина Федоровна, доктор исторических наук, профессор, член-корреспондент, директор Института восточных рукописей, Российская академия наук, г. Санкт-Петербург, Россия

Сторожук Александр Георгиевич, доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой китайской филологии Восточного факультета, Санкт-Петербургский государственный университет, г. Санкт-Петербург, Россия

Кобзев Артём Игоревич, доктор философских наук, профессор, главный научный сотрудник Института Дальнего Востока, ведущий научный сотрудник Института философии, руководитель Отдела Китая Института востоковедения, Российская академия наук, г. Москва, Россия

Семенов Александр Владимирович, кандидат исторических наук, доцент, профессор кафедры восточных языков, Дипломатическая Академия Министерства иностранных дел Российской Федерации, г. Москва, Россия

Репенкова Мария Михайловна, доктор филологических наук, профессор, заведующая кафедрой тюркской филологии Института истории стран Азии и Африки, Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, г. Москва, Россия

Гришин Яков Яковлевич, доктор исторических наук, профессор Института международных отношений, Казанский федеральный университет, г. Казань, Россия

Летяев Валерий Алексеевич, доктор юридических наук, профессор Института международных отношений, Казанский федеральный университет, г. Казань, Россия

Ахметкаримов Булат Гумарбаевич, Ph.D (философия), доцент Института международных отношений, Казанский федеральный университет, г. Казань, Россия

Аврутина Аполлинария Сергеевна, доктор филологических наук, доцент, директор Центра исследований современной Турции и российско-турецких отношений, Санкт-Петербургский государственный университет, г. Санкт-Петербург, Россия

Лычагин Александр Иванович, доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой восточных языков и лингвокультурологии Института международных отношений и мировой истории, Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского, г. Нижний Новгород, Россия

Юсупова Альфия Шавкетовна, доктор филологических наук, профессор Института филологии и межкультурной коммуникации, директор Института Каюма Насыри, Казанский федеральный университет, г. Казань, Россия

Тайсина Эмилия Анваровна, доктор философских наук, профессор, заведующая кафедрой философии Казанского государственного энергетического университета, г. Казань, Россия

Ко Ен Чоль, Ph.D (педагогика), профессор Института международных отношений, Казанский федеральный университет, г. Казань, Россия

Норихиро Наганава, Ph.D (регионоведение), профессор Центра славянских и евразийских исследований, университет Хоккайдо, г. Саппоро, Япония

Чон Хенджу, Ph.D (переводоведение), доцент, университет Шинхан, г. Сеул, Республика Корея

Ким Джин Енг, Ph.D (социология), профессор, университет Чеджу, г. Чеджу, Республика Корея

Ташансу Тюркер, доктор исторических наук, профессор, университет Анкары, г. Анкара, Турция

Экрем Калан, доктор исторических наук, профессор, ректор университета Аланья Алааддина Кейкубата, г. Аланья, Турция

Фан Куог Ань, Ph.D (культурология), профессор, Хошиминский университет культуры, г. Хошимин, Вьетнам

Ян Кэ, Ph.D (русский язык), профессор, директор Института европейских языков и культур, Гуаньдунский университет иностранных языков и международной торговли, г. Гуаньчжоу, КНР

Кан Чэн, Ph.D (сравнительное литературоведение), профессор, Южно-Китайский педагогический университет, г. Гуаньчжоу, КНР

SECTIONS

HISTORICAL SCIENCES

<i>Xu Juan.</i> The current state of “Chuang-Tzu” studies in China	6
<i>Varova E.I.</i> The Specifics of Taoist Temple architecture in China: History and Modernity	22
<i>Akhmetova A., Glushkova S., Park S. J.</i> The Role of Iron on the Cultural Development of the Gaya Confederacy	37
<i>Khrenov V.V., Nigamadianova T. B.</i> The Evolution of the Environmental Policy of the Republic of Korea in 2000-2023.	49
<i>Kharitonova A.M.</i> Archimandrite Peter (Kamensky) and his contribution to the process of acquiring and systematizing Chinese books	68
<i>Martynov D.E.</i> Kang Youwei biography from “Qing shi gao”.	84
<i>Skorokhodova T.G.</i> Historiographical experience of young chemist: an essay “India before and after sepoy mutiny” by Prafullachandra Ray	97
<i>Silakova-Makarova S.A., Han Yong, Liu Xu.</i> Dokyo mirrors as an example of the influence of China and Korea on bronze production in Japan during the Kofun period	118
<i>Skrypnik E.S.</i> The White Sun and the Magic Mountain: Reign of Wu Ze-tian as Reflected in the Five Phases Chapter of the Old Book of Tang	131
<i>Zavidovskaya E.A.</i> Review of the Historical Sources on the South and Southwest of Yunnan Province	150
<i>Liqiu Liu, R. M. Valeev, R. Z. Valeeva, G. Inalcik, R. V. Kurochkin.</i> The chronicle of Kazan Turkology of the late 19th – early 20th century: «I am currently compiling a comprehensive index of literature about the Chuvash people» (letters of N. F. Katanov to N. I. Ashmarin, 1903–1921)	167

REVIEW

<i>Martynov D.E., Martynova Yu.A.</i> Review of the book: Kryukov V.M., Kryukov M.V. (2023) Neizvestnyj Sun Yatsen. Tom I (1866-1913) [Unknown Sun Yat-sen. Volume I (1866-1913), ed. by A.I. Kobzev. Moscow: Institut vostokovedeniya RAN, 2023. 552 pp. (Uchenye zapiski Otdela Kitaya IV RAN; Vyp. 45). ISBN 978-5-907543-75-7. Kryukov V.M., Kryukov M.V. Neizvestnyj Sun Yatsen. Tom II (1913-1925) [Unknown Sun Yat-sen. Volume II (1913-1925), ed. by A.I. Kobzev. Moscow: Institut vostokovedeniya RAN, 2023. 512 pp. (Uchenye zapiski Otdela Kitaya IV RAN; Vyp. 46). ISBN 978-5-907543-75-7.	188
--	-----

Information for authors

Information for authors	197
Article formatting sample	202

РАЗДЕЛЫ

ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ

<i>Сюй Цзюань. Современное состояние исследований «Чжуан-цзы» в Китае</i>	6
<i>Варова Е.И. Специфика даосской храмовой архитектуры в Китае: история и современность</i>	22
<i>Ахметова А.И., Глушкова С.Ю., Пак С. Д. Роль железа в развитии культуры конфедерации Кая</i>	37
<i>Хренов В.В., Нигаматьянова Т.Б. Эволюция экологической политики Республики Корея в 2000-2023 гг.</i>	49
<i>Харитонова А.М. Архимандрит Петр (Каменский) и его вклад в процесс приобретения и систематизации китайских книг.</i>	68
<i>Мартынов Д.Е. Биография Кан Ювэя из «Цин ши гао»</i>	84
<i>Скороходова Т.Г. Историографический опыт молодого химика: эссе Профуллочондро Рая «Индия до и после Восстания сипаев»</i>	97
<i>Силакова-Макарова С.А., Хань Юн, Лю Сюй. Зеркала-докё как образец влияния Китая и Кореи на производство бронзы в Японии периода Кофун</i>	118
<i>Скрыпник Е.С. Белое солнце и волшебная гора: сведения о правлении У Цзэ-тянь (624–705) в главе «Пять фаз» «Старой книги [об эпохе] Тан»</i>	131
<i>Завидовская Е.А. Обзор исторических источников по югу и юго-западу провинции Юньнань</i>	150
<i>Лю Лицю, Р. М. Валеев, Р. З. Валеева, Г. Иналджик, Р. В. Курочкин. Из летописи казанской тюркологии конца XIX – первых десятилетий XX в.: «Я ныне составляю большой указатель литературы о чувашах» (письма Н. Ф. Катанова Н. И. Ашмарину, 1903–1921 гг.).</i>	167

РЕЦЕНЗИИ

<i>Мартынов Д.Е., Мартынова Ю.А. Рецензия: Крюков В.М., Крюков М.В. Неизвестный Сунь Ятсен. Том I (1866- 1913) / Отв. ред. А.И. Кобзев. М.: Ин-т востоковедения РАН, 2023. 552 с., ил. (Ученые записки Отдела Китая ИВ РАН; Вып. 45). ISBN 978-5-907543-75-7. Крюков В.М., Крюков М.В. Неизвестный Сунь Ятсен. Том II (1913-1925) / Отв. ред. А.И. Кобзев. М.: Ин-т востоковедения РАН, 2023. 512 с., ил. (Ученые записки Отдела Китая ИВ РАН; Вып. 46). ISBN 978-5-907543-75-7</i>	188
---	-----

Информация для авторов

Информация для авторов	197
Образец оформления статьи	202

The current state of “Chuang-Tzu” studies in China

Современное состояние исследований «Чжуан-цзы» в Китае

Сюй Цзюань

*Пекинский педагогический университет,
Пекин, Китай*

*Автор, ответственный за переписку:
1972488089@qq.com*

Xu Juan

*Beijing normal university,
Beijing, China*

*Corresponding author:
1972488089@qq.com*

УДК 009 | НАУЧНАЯ СТАТЬЯ | [HTTPS://DOI.ORG/10.24412/2686-9675-3-2024-6-21](https://doi.org/10.24412/2686-9675-3-2024-6-21)

АННОТАЦИЯ

Трактат «Чжуан-цзы», являясь одной из китайских даосских классических книг, оказал влияние на различные философские течения Китая. Стоит отметить, что это не только философский трактат, но и вмещает в себя различные рассказы, политические воззрения, учения и т.д., таким образом, он обладает большой исследовательской ценностью. С 20-го века в исследованиях «Чжуан-цзы» китайских ученых получились большие достижения, а также наметились проблемы по методологии, точке зрения и содержанию исследований, которые необходимо решить. Анализ современного состояния изучения «Чжуан-цзы» способствует всестороннему пониманию достижения его исследований разных областей, их недостатков и тренда.

В обзорной статье анализируется современное состояние изучения «Чжуан-цзы» в Китае, анализируются фон и главные темы иссле-

ABSTRACT

The treatise “Chuang-Tzu”, as one of the Chinese Taoist classic books, influenced various Philosophical trends in China. It has great research value because it is not only a philosophical treatise, but also contains various stories, political views, doctrine, etc. Since the 20th century, great achievements have been made in the research of “Chuang-Tzu” by Chinese scientists, as well as problems in methodology, point of view and content of research that need to be solved. The analysis of the current state of the study of “Chuang-Tzu” contributes to a comprehensive understanding of the achievements, shortcomings and trends of the treatise’s research in various fields

The literature review analyzes the current state of the study of “Chuang-Tzu” in China, analyzes the research background and topics in main research areas of the treatise, and summarizes the successes and shortcomings in general in the study of modern scientists on the treatise. The

дований в главных областях исследований данного трактата, а также обобщаются успехи и недостатки в целом в трудах китайских ученых, работающих над трактатом. Материалы исследования представлены монографиями и научными статьями о «Чжуан-цзы» китайских авторов за период 2000-2024 гг., размещенные в базе CNKI и Национальной библиотеке Китая. И с использованием кластеризации, материалы разделены на кластеры и подкластеры.

В качестве результатов исследования отмечено, что главным прогрессом исследований в этот период является рациональное отношение к использованию западных научных знаний для интерпретации «Чжуан-цзы». Недостатки изучения заключаются в однообразии точек зрения, нехватке китайской собственной методологии исследования, нехватке исследований влияния «Чжуан-цзы» на современную культуру и его переводов на другие языки, кроме английского, отсутствии современного определения притчи «Чжуан-цзы», а также необходимо усилить сопоставление общего и различного между Китаем и Западом в философии, эстетике и других идеях, и уделять больше внимания улучшению распространения и принятия переводного текста.

Ключевые слова. «Чжуан-цзы», китайская философия, китайская эстетика, китайская литература, китайские иероглифы, Китай.

Для цитирования: Сюй Цзюань. Современное состояние исследований «Чжуан-цзы» в Китае. *Современные востоковедческие исследования*. 2024; Том 6 (3). С. 6–21 <https://doi.org/10.24412/2686-9675-3-2024-6-21>

research materials are presented by monographs and scientific articles about “Chuang-Tzu” by Chinese authors for the period 2000-2024, published in the CNKI database and the National Library of China. And materials are divided into clusters and subclusters by clustering.

As the results of the study, it is noted that the main progress of research during this period is a rational attitude to the use of Western scientific knowledge for the interpretation of “Chuang-Tzu”. The disadvantages of the study are the single points of view, the lack of Chinese own research methodology, the lack of research on the influence of “Chuang-Tzu” on modern culture and its translations into languages other than English, the lack of a modern definition of the parable of “Chuang-Tzu”, and it is also necessary to strengthen the comparison of Chinese and western philosophy, aesthetics and other ideas, and pay more attention to improving the dissemination and acceptance of translated text.

Keywords. Chuang-Tzu, Chinese philosophy, Chinese aesthetics, Chinese literature, Chinese characters, China.

For citation: Xu Juan. The current state of “Chuang-Tzu” studies in China. *Modern Oriental Studies*. 2024; Volume 6-21 (№2). P.6– (In Russ.) <https://doi.org/10.24412/2686-9675-3-2024-6-21>

Введение

Трактат «Чжуан-цзы» также известен как «Наньхуа цзин», в котором обобщается изложение даосских доктрин, написанных Чжуан-цзы и его сторонниками в эпоху средних и поздних воюющих царств (403-221 гг. до н. э.). В известный период «свободного соперничества учёных» (百家争鸣) в истории Китая, в отличие от других мыслителей, которые активно обсуждали политику и продвигали свои собственные идеологические теории для реализации своих политических амбиций, Чжуан-цзы выступал за «недеяние» (无为), что сделало его несовместимым с обществом того времени. Следует отметить, что «Чжуан-цзы» оказал важное влияние на философию, литературу, эстетику, политику, общество и другие сферы современного Китая и имеет большую исследовательскую ценность.

Современные исследования «Чжуан-цзы» начались в 20-м веке. С начала 20-го века и до основания Нового Китая был начальный период исследований, когда типы источников в изучении «Чжуан-цзы» были ограничены корректированием, источниковедением и комментированием. Началось несистематическое использование западных научных знаний для интерпретации философии «Чжуан-цзы». С 1950 по 1976 год мало проводилось исследований под влиянием идеологии и культурной революции. После культурной революции исследования по «Чжуан-цзы» вступили в период расцвета. Именно в этот период были сделаны шаги к внутриязыковому переводу и источниковедению «Чжуан-цзы», а также проведению теоретических исследований, изданию справочников и сборников научных статей.

Исследования «Чжуан-цзы», проводимые с 21 века, не только расширены и углублены в детали, но и скорректированы в исследовательских точках зрения и методологии предшественников. Однако, в то же время возникли новые проблемы по методологии, точке зрения и содержанию исследований, которые обуславливают необходимость поиска решений. Поскольку исследования «Чжуан-цзы» в 21 веке затрагивают больше научных дисциплин и не ограничиваются теоретическими исследованиями, источники разделены на пять кластеров (философские, эстетические, литературоведческие, лингвистические и исследования в новых направлениях) и подкластеры (теоретические и прикладные исследования, синтетические и тематические исследования, главные темы исследований). Следует отметить, что из-за отсутствия новых источников в 21 веке не произошло серьезного прорыва в источниковедении и внутриязыковом переводе «Чжуан-цзы», поэтому в данной статье мы не будем обсуждать их.

Философские исследования «Чжуан-цзы»

Философские исследования «Чжуан-цзы» имеет абсолютное преимущество в количестве перед его анализом в других областях. Труды 21-го века, такие как «Краткое введение в Чжуан-цзы» (Чэнь Гу-ин 2020) и «Лекции и чтения по Чжуан-цзы» (Фан Юн 2020), фокусируются на систематической интерпретации философской мысли Чжуан-цзы на более детальных уровнях, таких как космология, взгляды на жизнь, политические взгляды и диалектика. Вэй Ися в своей работе анализирует «Чжуан-цзы» с новых

аспектов, таких как рыбы, животные, бионика, язык, жизнь, судьба, мечты и общение (Вэй Ися 2020).

В философских исследованиях «Чжуан-цзы» данного периода открыт новый тезис — этика «Чжуан-цзы». В прошлом столетии была приведена общая интерпретация даосской этики, в то время как в 21 веке было проведено специальное исследование этики «Чжуан-цзы», включающее синтетическое исследование, а также тематическое изучение его экологической этики. В монографии Лю Шугана всесторонне анализируются мысли Чжуан-цзы с этической точки зрения. Представлены размышления о том, как люди ладят с другими людьми, об их собственном образе существования и о том, как они живут в гармонии. Данные размышления скрыты под многими темами этики «Чжуан-цзы» и являются основой его мышления (Лю Шуган 2020, 15). Следует отметить, что мотивация для тематического исследования по экологической этике в основном обусловлена разрушением гармоничных отношений между человеком и современной индустриальной цивилизацией, а концепция Чжуан-цзы об уважении к жизни и следовании природе человека имеет много общего с экологической этикой (Ха Цзяин 2005, 116). Китайские ученые ожидают получить вдохновение для решения экологических проблем современного общества через изучение взаимосвязи между ними.

Новый исследовательский метод интерпретации философии «Чжуан-цзы» в данный период связан с переходом от «точки зрения западных знаний» к «точке зрения китайских

знаний». После распространения западных знаний в Китае начался бум «интерпретации «Чжуан-цзы» с точки зрения западных знаний», с одной стороны, он придал беспрецедентную интерпретацию философской мысли Чжуан-цзы, но с другой, он основан на западнотризмизме для оценки восточной мысли. Многие ученые также не согласны с интерпретацией «Чжуан-цзы» с точки зрения буддизма и конфуцианства. Так, Ван Шурен предложил концепцию «мышления сяна» (象思维), что означает «образное мышление», и использовал ее для анализа философских мыслей образов во внутреннем разделе «Чжуан-цзы». По мнению Ван Шужена, «мышление сяна» — это универсальная точка зрения и методология изучения китайской культуры, в отличие от западной концептуализации, «мышление сяна» — это иррациональное мышление, которое является сущностью и основной чертой китайского традиционного мышления (Ван Шужэнь 2012, 17-18).

В целом, в философских исследованиях «Чжуан-цзы» в 21 веке особое внимание обращается к поиску более подходящей методологии для исследования китайских классических книг, а также к использованию философии Чжуан-цзы в качестве источника вдохновения для современного общества.

Эстетические исследования «Чжуан-цзы»

В 1980-х и 1990-х годах эстетика стала одной из актуальных тем в исследованиях «Чжуан-цзы», однако «Чжуан-цзы» — произведение доциньской эпохи, когда литература и эстетика еще не сформировались в самостоятельные

дисциплины. Эстетика берет начало на современном Западе, поэтому изучение эстетики «Чжуан-цзы» должно сопровождаться столкновением древнего и современного Китая, Китая и Запада.

Исследования данного трактата в этой области в основном делятся на три направления: 1) интерпретация эстетики Чжуан-цзы с точки зрения его философии; 2) интерпретация эстетики Чжуан-цзы с точки зрения западной философии; 3) дискуссии о том, существует ли эстетика Чжуан-цзы.

Ван Кай использует «Беззаботное скитание» (逍遥游) для всестороннего обсуждения эстетики Чжуан-цзы, «Беззаботное скитание» — это программа эстетической мысли Чжуан-цзы, и это слово наилучшим образом отражает идеологические особенности и романтизм Чжуан-цзы (Ван Кай 2003, 2). По мнению Бао Чжаохуэя, в «Чжуан-цзы» есть эстетика и эстетические идеи с точки зрения эстетики в широком смысле (Бао Чжаохуэй 2004, 1-4). Он доказывает рациональность применения западной философии к изучению эстетики «Чжуан-цзы» с точки зрения концепции западной эстетики в широком смысле. В работе Ло Шуана доказывалась рациональность применения экзистенциализма к интерпретации эстетики Чжуан-цзы по сходству между западным экзистенциализмом и китайским «Дао», а также исключительности экзистенциализма, воплощенного в «Чжуан-цзы». Таким образом, изучение эстетики Чжуан-цзы с точки зрения экзистенциализма — это не вестернизация эстетики Чжуан-цзы, а китаизация западной эстетики (Ло Шуан

2023, 23). Что касается вопроса о том, существует ли эстетика Чжуан-цзы, Чжан Цицунь считает, что эстетика Чжуан-цзы не обоснована с точки зрения онтологии, эпистемологии и аксиологии (Чжан Цицунь 2018, 68-70). Однако, по мнениям других ученых, проблемы наблюдаются при изучении эстетики Чжуан-цзы на основе западных знаний и игнорировании диалога между эстетикой Востока и Запада (Лю Цзяньпин 2019, 106; Ло Шуан 2020, 103).

Несмотря на споры об эстетике Чжуан-цзы, были определены следующие результаты: 1) эстетика существует в «Чжуан-цзы»; 2) эстетика в «Чжуан-цзы» отличается от западной эстетики, судить об эстетике Чжуан-цзы только на основе западной эстетики неразумно; 3) эстетика и философия неразрывно связаны между собой: эстетика Чжуан-цзы основана не на искусстве, а на жизни.

Отмечается, что необходимо создать собственную эстетическую категорию Китая. Так в труде Лю Цзяньпина отмечается, что интерпретация «Чжуан-цзы» — это позитивный процесс творчества (Лю Цзяньпина 2019, 106), а в это вложил усилия в своей работе Ван Чжэньфу (2024).

Литературоведческие исследования «Чжуан-цзы»

После политики реформ и открытости в Китае литературоведческие исследования «Чжуан-цзы» вышли из-под влияния политики и привлекли все больший исследовательский интерес ученых. Литературоведческие исследования «Чжуан-цзы» 21 века в основном

содержат в себе: 1) влияние «Чжуан-цзы» на последующие поколения Китая; 2) притчи в «Чжуан-цзы»; 3) сравнительное изучение «Чжуан-цзы»; 4) образ в «Чжуан-цзы»; 5) мифологию «Чжуан-цзы». Важно отметить, что изучение влияния «Чжуан-цзы» на последующие поколения включает в себя изучение его влияния на древнекитайскую и зарубежную литературу, в то же время сравнительное изучение «Чжуан-цзы» также делится на сравнение «Чжуан-цзы» с древнекитайскими произведениями и с зарубежной литературой. Считаем, что изучение влияния «Чжуан-цзы» на древнекитайскую литературу проведено китайскими учеными достаточно глубоко, в последние годы в трудах (Лю Баочан 2008; Цзун Юйю 2023) также начинается изучение влияния «Чжуан-цзы» на современную китайскую литературу. В своем сравнительном исследовании «Чжуан-цзы» и зарубежной литературы Чжун Хуа (2004) больше не фокусируются только на их сходстве, поэтому обеспечивается строгая и прочная основа для диалога между китайской и западной культурами. Одной из важных проблем является определение притч «Чжуан-цзы». Несмотря на достигнутое единое мнение о притче «Чжуан-цзы» как языковой форме, многие ученые продолжают анализировать притчи «Чжуан-цзы» с точки зрения современных притч, поэтому в этой теме сформировались два направления — притчи как языковая форма и притчи как стиль.

Труд Лю Шэнляна «Безграничный полет птицы Пэн — исследование литературы “Чжуан-цзы”» (2004) — первая работа в материковом Китае, посвященная систематическому и все-

стороннему изучению литературоведения «Чжуан-цзы». В монографии анализируется малоизученная предшественниками структура текста и познается многообразие стилей и жанров в «Чжуан-цзы». Недостаток данного труда заключается в игнорировании факта о единстве литературы, истории и философии «Чжуан-цзы», и однообразной точке зрения исследования. Важно отметить, что в труде Дяо Шэнху «Новое исследование литературы Чжуан-цзы» изучается литературизация философии Чжуан-цзы с точки зрения сочетания философии и литературы, подробно обсуждается связь между философией и литературой «Чжуан-цзы» (Дяо Шэнху 2009).

По нашему мнению, «Чжуан-цзы» оказал большое влияние на формирование различных стилей и литературу последующих поколений Китая, и даже на зарубежную литературу и литературоведов. Так, сравнение «Чжуан-цзы» с зарубежной литературой и мыслью, основанное на фактической связи между ними, способствует развитию диалога между китайской и западной цивилизациями.

Лингвистические исследования «Чжуан-цзы»

Большая часть исследований «Чжуан-цзы» в лингвистической области в прошлом веке была посвящена изучению значения иероглифов с точки зрения китайской традиционной лингвистики — экзегетики, в то время как методы исследования и исследовательское содержание «Чжуан-цзы» в 21 веке более разнообразны. Важно отметить, что здесь используются

знания современной западной лингвистики в изучении грамматики и стилистики.

В изучении «Чжуан-цзы» с точки зрения структурной лингвистики представлены работы Инь Гогуан. В его труде «Некоторые вопросы по изучению валентности глаголов в „Чжуан-цзы“» анализируются теоретические и практические проблемы при изучении «Чжуан-цзы» с точки зрения валентной теории (Инь Гогуан 2003). Это первая статья, в которой применена валентная теория для изучения древнекитайской грамматики. Далее автор изучал валентность глаголов со определенной структурой в «Чжуан-цзы» (Инь Гогуан 2006) и 21 основной тип предложения с различными валентными глаголами (Инь Гогуан 2008).

Что касается изучения стилистики «Чжуан-цзы», то в синтетическом теоретическом исследовании Чэнь Цицина проведены исследования по стилистической теории, стилистическим поведением, стилистическим принципам «Чжуан-цзы» и т. д. (Чэнь Цицин 2010). Тематические исследования Дяо Шэнху (2006; 2012) и Дэн Сяолия (2020) показывают, что в новом веке уделяется больше внимания метафорам «Чжуан-цзы» на когнитивном уровне. Однако наблюдается вопрос по рациональности непосредственного применения знания когнитивной лингвистики к «Чжуан-цзы». По мнению Шу Динфана, текстовая метафора в «Чжуан-цзы», которая отличается от текстовой метафоры Лакоффа и Халлидея, обладает уникальными структурными характеристиками, и они определяют когнитивные функциональные характеристики текста (Шу Динфан 2017, 336).

По нашему мнению, в изучении точки зрения «Чжуан-цзы» 21-го века в области лингвистики не только начинается переход от китайской традиционной лингвистики к современной западной лингвистике, но и начинаются исследования исключительности западной лингвистической теории, отраженной в «Чжуан-цзы».

Исследования «Чжуан-цзы» в новых областях

С уточнением и углублением исследований по «Чжуан-цзы» в вышеуказанных сферах и постоянными культурными обменами между Китаем и зарубежьем в новом столетии, особое внимание обращается к культурным истокам и межкультурным исследованиям философии «Чжуан-цзы». Таким образом, открыты новые области изучения «Чжуан-цзы», такие как фольклористика и перевод. Ма Цицзюнь первым изучает фольклористику «Чжуан-цзы», в его магистерской работе проведен анализ по народным обычаям доциньской эпохи в «Чжуан-цзы», взглядам на фольклористику Чжуан-Цзы, их взаимоотношениям с философскими мыслями, и важному значению Чжуан-цзы на формирование современных обычаев и фольклористику (Ма Цицзюнь 2002). Далее в его труде «Новые суждения о фольклористике Чжуан-цзы» доциньские обычаи в «Чжуан-цзы» детально изучаются с точки зрения экономических обычаев, социальных обычаев, вероисповедания, культурных развлечений (Ма Цицзюнь 2003).

Что касается межкультурных исследований «Чжуан-цзы», то переводческие исследования

о нем занимают важное место. Следует отметить, что в переводческих исследованиях «Чжуан-цзы» усилия в основном вложены в исследования его переводных текстов на английском языке. «Исследование по английскому переводу „Чжуан-цзы“» Сюй Лая является более ранним и влиятельным исследованием в этой области. В его труде изучается перевод философских терминов и литературных характеристик «Чжуан-цзы», уделяется особое внимание роли перевода в распространении даосской культуры. По его мнению, при переводе древнекитайских книг не следует уделять чрезмерное внимание качеству перевода, и даже спорить о влиянии национальности переводчика на качество перевода, потому что качество перевода не единственный фактор, определяющий успех переводного текста. Спонсор, идеология и другие факторы играют более важную роль в определении его распространения и признания (Сюй Лай 2005, 3-9).

Обзорные статьи о переводческих исследованиях «Чжуан-цзы», как правило, посвящены изучению текущей ситуации с его переводом на иностранные языки и его распространению за рубежом (Вэнь Цзюня 2012; Хуан Чжунси 2010; Мяо Вэй 2017; Фу Тяньхай 2023; Цзян Ли 2022 и т.д.). В этих работах анализируются история, типы перевода «Чжуан-цзы» и даются советы. Важно отметить, что Лэй Пэйхуа и Ян Чунли собрали оценки зарубежных веб-сайтов на «Чжуан-цзы» в английском переводе. Они обнаружили, что отечественные переводные тексты отстают от зарубежных в оценке, но разрыв заключается не в качестве перевода, а в самом содержании текста. Поэтому

они предлагают принять верстки зарубежных переводных текстов, добавить необходимые комментарии для зарубежных читателей, чтобы усилить эффект по распространению китайской культуры (Лэй Пэйхуа, Ян Чунли 2018, 89).

Прикладные работы посвящены рассмотрению стратегии перевода неэквивалентной лексики, философских терминов, фразеологизмов и т.д., а также сравнения переводческих стратегий между разными переводными текстами. Лю Янь (2013, 39-40) отметила, что переводчик, текст, культура и языковые характеристики являются факторами влияния на переводческую деятельность. Ученые также осознали, что качество перевода зависит не только от национальности переводчика, но и от более глубоких фактов. Ян Ли и Фэн Дайхун (2015) изучили субъективную активность переводчика при переводе классических книг и выборе переводческих стратегий согласно пониманию переводчиком языковых различий и культурного фона. Стоит отметить, что почти все прикладные работы в конечном счете нацелены на повышение качество перевода.

Обсуждение

В целом, исследования «Чжуан-цзы» в 21 веке распространяются в области философии, эстетики, литературоведения, лингвистики и межкультурного перевода. Считаю, что основные прогрессы в исследованиях «Чжуан-цзы» 21-го века следующие:

1) Сильное научное сознание и способность к использованию научных знаний для интерпретации «Чжуан-цзы», в этом процессе

он получил новую интерпретацию современного общества.

2) Сильная критическая осведомленность. Рациональное отношение к применению западных теорий в изучении «Чжуан-цзы», более рациональный анализ сходства и различия между «Чжуан-цзы» и западной культурой, сознательная попытка построения более подходящей к китайской культуре методологии.

3) Сильная межкультурная чувствительность. Особое внимание обращается на сравнение «Чжуан-цзы» с зарубежными философией и литературой, а также распространение переводных текстов «Чжуан-цзы».

Однако есть и недостатки исследований «Чжуан-цзы»:

1) Однообразие точек зрения. В настоящее время ученые сталкиваются с необходимостью все более тонкого разграничения между различными дисциплинами науки, а «Чжуан-цзы» была создана в период, когда литература, история и философия не были разделены, что может привести к неправильной интерпретации данного произведения с однообразной точки зрения.

2) Нехватка исследований в области литературы, посвященных влиянию «Чжуан-цзы» на современную культуру и современному определению притчи «Чжуан-цзы». Хотя в последние годы уже есть работы о влиянии «Чжуан-цзы» на Мо Яня, но их количество слишком мало по сравнению с исследованиями взаимосвязи между «Чжуан-цзы» и древней литературой. Что касается определения притчи

«Чжуан-цзы», то группа ученых все еще подосознательно рассматривает притчу «Чжуан-цзы» на определение жанра и не дает определение, есть ли какое-либо сходство между притчами «Чжуан-цзы» и современными притчами, можно ли использовать стандарты современных притч для определения басен «Чжуан-цзы» и как это определить. Решение этих проблем сделает исследования более научными, и это также поможет дальнейшему расширению исследований в этом аспекте.

3) Отсутствие методологии исследования, непосредственно заимствованной из китайской культуры. Хотя китайские ученые пытаются создать собственное философское мышление Китая и эстетическую категорию в рамках китайской культуры, но по-прежнему не хватает широкомасштабной практики и тестирования.

4) Необходимо усиление сопоставления сходств и различий между Китаем и Западом в философии, эстетике и других идеях. Считаем, что вместо того, чтобы слепо использовать западную философию и эстетические теории для оценки китайской философии и эстетики, необходимо сначала изучить фактические связи между Китаем и Западом, а также различия на этой основе. Это будет способствовать углубленному познанию и локализации собственной культуры, а также диалектическому использованию западных научных теорий.

5) Необходимо больше внимания уделять улучшению распространения и принятию переводного текста. В настоящее время большинство исследований по переводному тексту «Чжуан-цзы» нацелено на оценку и улучшение

качества перевода. Хотя Лэй Пэйхуа и Ян Чунли изучили разрыв оценок между переводными текстами «Чжуан-цзы» на зарубежных сайтах, но в их работе нет глубокого исследования тех факторов, которые влияют на оценки. Кроме того, количество соответствующих исследований недостаточно. Поэтому необходимо уделять больше внимания исследованию факторов, определяющих распространение переводного текста. Считаем, что можно выдвинуть целенаправленные предложения по повышению эффективности распространения «Чжуан-цзы».

б) Нехватка переводов «Чжуан-цзы» на другие языки, кроме английского. В настоящее время большинство исследований посвящено переводу «Чжуан-цзы» на английский язык, но исследований, посвященных переводам «Чжуан-цзы» на другие языки, недостаточно.

Заключение

Можно сделать вывод, что «Чжуан-цзы», как один из классических трудов даосизма, чрезвычайно важен для научных исследований. Исследования «Чжуан-цзы» 21-го века в основном распространяются в области философии, эстетики, литературоведения, лингвистики и межкультурного перевода. В них наблюдаются такие характеристики и черты, как сильное научное сознание, критическая осведомленность и межкультурная чувствительность. В дальнейших исследованиях «Чжуан-цзы» необходимо решить следующие проблемы: однообразие точек зрения, нехватки исследований влияния «Чжуан-цзы» на современную культуру и современного определения прит-

чи «Чжуан-цзы», отсутствие китайской собственной методологии исследования, необходимо усилить сопоставление сходств и различий между Китаем и Западом в философии, эстетике и других идеях, а также уделять больше внимания переводу «Чжуан-цзы» на другие языки, кроме английского, и улучшению распространения и принятию переводного текста «Чжуан-цзы».

Список литературы

1. Чэнь Гу-ин. (陈鼓应) *Краткое введение в Чжуан-цзы.* (庄子浅说) Пекин: Китайское книгоиздательство, 2020. (на кит.яз.)
2. Фан Юн. (方勇) *Лекции и чтения по Чжуан-цзы.* (庄子讲读) Ухань: Издательство Восточно-Китайского педагогического университета, 2020. (на кит.яз.)
3. Вэй Ися. (魏义霞) *Философия Чжуан-цзы.* (庄子哲学论) Пекин: Китайское книгоиздательство, 2020. (на кит.яз.)
4. Лю Шуган. (刘书刚) *Между вещами: этическое сознание Чжуан-цзы и лингвистические концепции.* (在物之间: 庄子的伦理意识与语言观念) Пекин: Издательство Пекинского университета, 2020. (на кит.яз.)
5. Ха Цзяин. (哈嘉莹) *Естественный гуманистический дух Чжуан-цзы в смысле экологической этики.* (生态伦理意义上的庄子自然人本精神) *Академический журнал Хэбэй.* 2005. №. 4. С. 116-119 (на кит.яз.)
6. Ван Шужэнь. (王树人) *Возвращение*

- к китайской мудрости с точки зрения первоначального осмысления «мышления сяна». (回归原创之思 “象思维”视野下的中国智慧) Нанкин: Народное издательство Цзянсу, 2012. (на кит.яз.)
7. Ван Кай. (王凯) *Современная интерпретация эстетики беззаботного скитания Чжуан-цзы*. (逍遥游 — 庄子美学的现代阐释) Ухань: Издательство Уханьского университета, 2003. (на кит.яз.)
 8. Бао Чжаохуэй. (包兆会) *Исследование эстетики экзистенциальной онтологии Чжуан-цзы*. (庄子生存论美学研究) Нанкин: Издательство Нанкинского университета, 2004. (на кит.яз.)
 9. Ло Шуан. (罗双) *Исследование экзистенциальной эстетики «Чжуан-цзы»*. (庄子存在论美学研究) дис. ... д-ра. Уханьский университет, 2023. (на кит.яз.)
 10. Чжан Цицунь. (章启群) «Эстетика „Чжуан-цзы“» как парадокс. (作为悖论的“《庄子》美学”) *Литературная полемика*. 2018. №. 2. С. 68-84. (на кит.яз.)
 11. Лю Цзяньпин. (刘建平) «Парадокс» эстетики «Чжуан-цзы» и размышление о ней — и обсуждение с господином Чжан Цицунем. (《庄子》美学的“悖论”及其反思 — 兼与章启群先生商) *Оценка китайских общественных наук*. 2019. №. 1. С. 106-115. (на кит.яз.)
 12. Ло Шуан. (罗双) Эстетика Чжуан-цзы не парадокс — защита легитимности эстетики Чжуан-цзы. (庄子美学非悖论 — 为庄子美学的合法性辩护) *Китайские культурологические исследования*. 2020. №. 2. С. 102-111. (на кит.яз.)
 13. Ван Чжэньфу. (王振复) Логическая структура китайской системы эстетических категорий. (中国美学范畴体系的逻辑结构) *Академический ежемесячный*. 2024. Т. 56 (01). С. 141-154. (на кит.яз.)
 14. Лю Баочан. (刘保昌) Даосская культура и современная китайская литература. (道家文化与中国当代文学) *Вестник гуманитарного института Нанкинского педагогического университета*. 2008. №. 01. С. 70-79. (на кит.яз.)
 15. Цзун Юйю. (宗玉玉) Мысль о «Равенстве вещей» в литературном творчестве Мо Яня. (莫言文学创作中的“齐物”思想) *Современный литературный мир*. 2023. №. 6. С. 120-126. (на кит.яз.)
 16. Чжун Хуа. (钟华) *От «Беззаботное скитание» до «Лесные тропы» — сравнение поэтики Хайдеггера и Чжуан-цзы*. (逍遥游到林中路 — 海德格尔与庄子诗学思想比较) Пекин: Китайская пресса социальных наук, Издательство Хуалинг, 2004. (на кит.яз.)
 17. Лю Шэнлянь. (刘生良) *Безграничный полет птицы Пэн — исследование литературы «Чжуан-цзы»*. (鹏翔无疆 — 《庄子》文学研究) Пекин: Народное издательство, 2004. (на кит.яз.)
 18. Дяо Шенху. (刁生虎) *Новое исследова-*

- ние литературы Чжуан-цзы. (庄子文学新探) Пекин: Издательство Китайского университета коммуникаций, 2009. (на кит.яз.)
19. Инь Гогун. (殷国光) Несколько вопросов по «изучению валентности глаголов „Чжуан-цзы“». (关于“《庄子》动词配价研究”的若干问题) *Древнекитайские исследования*. 2003. №. 4. С. 45-52. (на кит.яз.)
 20. Инь Гогун. (殷国光) Валентности глагола со структурой слова “所” — исследование структуры слова “所” в «Чжуан-цзы». («所”字结构的转指对象与动词配价——《庄子》“所”字结构的考察) *Языковые исследования*. 2006. №. 3. С. 30-36. (на кит.яз.)
 21. Инь Гогун, Хуа Цзяньгуан. (殷国光, 华建光) Исследование валентности глаголов в «Чжуан-цзы». (《庄子》动词配价研究) *Китайский язык*. 2008. №. 5. С. 441-447. (на кит.яз.)
 22. Чэнь Цицин. (陈启庆) *Стилистическое исследование «Чжуан-цзы»*. (《庄子》修辞研究) Чанчунь: Издательство Цзилиньского университета, 2010. (на кит.яз.)
 23. Дяо Шенху. (刁生虎) Вода: корневая метафора древнего Китая. (水:中国古代的根隐喻) *Академический журнал Чжунчжоу*. 2006. №. 5. С. 180-183. (на кит.яз.)
 24. Дяо Шенху. (刁生虎) Интерпретация метафорического типа «Чжуан-цзы» с точки зрения современной стилистики. (《庄子》隐喻类型的现代修辞学解读) *Академический журнал Ланьчжоу*. 2012. №. 2. С. 134-138. (на кит.яз.)
 25. Дэн Сяолин. (邓晓凌) *Исследование когнитивной метафоры в притчах Чжуан-цзы*. (庄子寓言的认知隐喻研究) Чэнду: Издательство Сычуаньского университета, 2020. (на кит.яз.)
 26. Шу Динфан. (束定芳) Структурные особенности и когнитивные функции текстовой метафоры — на примере «Сутра ста притч» и «Чжуан-цзы». (语篇隐喻的结构特点与认知功能——以《百喻经》和《庄子》为例) *Преподавание и исследования иностранных языков*. 2017. Т. 49 (03). С. 335-344. (на кит.яз.)
 27. Ма Цицзюнь. (马启俊) *Исследование фольклористики «Чжуан-цзы»*. (《庄子》的民俗学研究) диссертация магистра. Центрально-китайский педагогический университет, 2002. (на кит.яз.)
 28. Ма Цицзюнь. (马启俊) *Новые суждения о фольклористике «Чжуан-цзы»*. (《庄子》的民俗学新论) Аньхой: Аньхойское народное издательство, 2023. (на кит.яз.)
 29. Сюй Лай. (徐来) *Исследование английского перевода «Чжуан-цзы»*. (《庄子》英译研究) диссертация доктора. Фуданьский университет, 2005. (на кит.яз.)
 30. Вэнь Цзюнь, Гань Ся. (文军, 甘霞) Отечественное исследование английского перевода «Чжуан-цзы»: обзор и перспектива. (国内《庄子》英译研究:回顾与前景)

- 瞻) *Вестник Гуандунского университета иностранных языков и внешней торговли*. 2012. Т. 23 (03). С. 33-38. (на кит.яз.)
31. Хуан Чжунси. (黄中习) Исторические особенности и современное развитие английского перевода «Чжуан-цзы». (《庄子》英译的历史特点及当代发展) *Вестник Внутреннего Монгольского сельскохозяйственного университета (версия по общественным наукам)*. 2010. Т. 12 (05). С. 373-374. (на кит.яз.)
32. Мяо Вэй, Ван Лин. (缪薇, 王玲) Происхождение и современное состояние английского перевода «Чжуан-цзы». (《庄子》英译的缘起及现状) *Современная экономическая информация*. 2017. №. 17. С. 410. (на кит.яз.)
33. Фу Тяньхай. (付天海) *Исследование перевода «Чжуан-цзы» в Германии с точки зрения культурного перевода*. (翻译文化视域下《庄子》在德国的译介研究) Пекин: Китайское драматическое издательство, 2023. (на кит.яз.)
34. Цзян Ли. (姜莉) *Китай и Запад — зеркальное отражение друг друга*. (中西互镜) Пекин: Издательство преподавания и исследования иностранных языков, 2022. (на кит.яз.)
35. Лэй Пэйхуа, Ян Чунли. (雷沛华, 杨春丽) Зарубежный оценочный обзор и вдохновение отечественного перевода «Чжуан-цзы» на английский язык. (《庄子》国内英译本海外评价调查及启示) *Издательство по исследованию опубликованию и выпуску*. 2018. №. 6. С. 89-92. (на кит.яз.)
36. Лю Янь. (刘妍) *Трансграничное путешествие в области культуры и языка: исследование английского перевода «Чжуан-цзы»*. (文化与语言的跨界之旅: 《庄子》英译研究) диссертация доктора. Шанхайский транспортный университет, 2013. (на кит.яз.)
37. Ян Ли, Фэн Дайхун. (杨莉, 冯代红) Английский перевод классических книг с точки зрения экологического перевода — на примере «Чжуан-цзы». (生态翻译学视域下的典籍英译——以《庄子》为例) *Вестник Ланьчжоуского технологического института*. 2015. Т. 22 (06). С. 94-97. (на кит.яз.)

References

1. Chen Guying. *Chuang-Tzu's Brief Remarks*. Beijing: Zhonghua Book Company, 2020. (In Chinese)
2. Fang Yong. *Lectures and Readings of Chuang-Tzu*. East China Normal University Press, 2020. (In Chinese)
3. Wei Yixia. *Chuang-Tzu's Philosophy*. Beijing: Zhonghua Book Company, 2020.
4. Liu Shugang. *Between Things: Chuang-Tzu's Ethical Consciousness and Linguistic Concepts*. Beijing: Peking University Press, 2020. (In Chinese)
5. Ha Jiaying. *Chuang-Tzu's Natural Humanistic Spirit in the Sense of Ecological Ethics*. Hebei

- Academic Journal*. 2005. No. 4. Pp. 116-119. (In Chinese)
6. Wang Shuren. *Return to the Original Thinking of Chinese Wisdom from the Perspective of "Xiang-Thinking"*. Nanjing: Jiangsu People's Publishing House, 2012. (In Chinese)
 7. Wang Kai. *The Happy Excursion – The Modern Interpretation of Chuang-Tzu's Aesthetics*. Wuhan: Wuhan University Press, 2003. (In Chinese)
 8. Bao Zhaohui. *A Study on the Chuang-Tzu's Theory of Existentialism Aesthetics*. Nanjing: Nanjing University Press, 2004. (In Chinese)
 9. Luo Shuang. *A Study on the Chuang-Tzu's existential aesthetics*. Doctor's Thesis. Wuhan University, 2023. (In Chinese)
 10. Zhang Qiqun. "Chuang-Tzu's Aesthetics" as a paradox. *Literary and artistic contention*. 2018. No. 2. Pp. 68-84. (In Chinese)
 11. Liu Jianping. The "Paradox" of Chuang-Tzu's Aesthetics and Its Reflection — Discussion with Mr. Zhang Qiqun. *Chinese Social Sciences Evaluation*. 2019. No. 1. Pp. 106-115. (In Chinese)
 12. Luo Shuang. Chuang-Tzu's Aesthetics Non-Paradox: A Defense of the Legitimacy of Chuang-Tzu's Aesthetics. *Chinese Culture Research*. 2020. No. 2. Pp. 102-111. (In Chinese)
 13. Wang Zhenfu. The logical structure of the category system of Chinese aesthetics. *Academic Monthly*. 2024. Vol. 56 (01). Pp. 141-154. (In Chinese)
 14. Liu Baochang. Daoist culture and contemporary Chinese literature. *Journal of School of Chinese Language and Culture Nanjing Normal University*. 2008. No. 1. Pp. 70-79. (In Chinese)
 15. Zong Yuyu. Thought of "Qi Wu" in Mo Yan's Literary. *Modern Literary Magazine*. 2023. No. 6. Pp. 120-126. (In Chinese)
 16. Zhong Hua. *From "A Happy Excursion" to "Holzwege": A Comparison of Heidegger's and Chuang-Tzu's Poetic Thoughts*. Beijing: China Social Sciences Press, Hualing Publishing House, 2004. (In Chinese)
 17. Liu Shengliang. *Peng Flies Boundless: A Literary Study of Chuang-Tzu*. Beijing: People's Publishing House, 2004. (In Chinese)
 18. Diao Shenghu. *A New Exploration of Chuang-Tzu Literature*. Beijing: Communication University of China Press, 2009. (In Chinese)
 19. Yin Guoguang, Hua Jianguang. Study on verb valence in Chuang-Tzu. *Studies of The Chinese Language*. 2008. No. 5. Pp. 441-447. (In Chinese)
 20. Yin Guoguang. The referential object and verb valence of the structure of the character "所" — An investigation of the structure of the character "所" in "Chuang-Tzu". *Studies in Language and Linguistics*. 2006. No. 3. Pp. 30-36. (In Chinese)
 21. Yin Guoguang. Some issues on "verb valence in 'Chuang-Tzu'". *Research In Ancient Chinese Language*. 2003. No. 4. Pp. 45-52. (In Chinese)
 22. Chen Qiqing. *Rhetorical Studies of Chuang-Tzu*. Changchun: Jilin University Press, 2010.

- (In Chinese)
23. Diao Shenghu. Water: Ancient Chinese Radical Metaphor. *Academic Journal of Zhongzhou*. 2006. No. 5. Pp. 180-183. (In Chinese)
 24. Diao Shenghu. Modern rhetorical interpretation of the metaphor type of Chuang-Tzu. *Lanzhou Academic Journal*. 2012. No. 2. Pp. 134-138. (In Chinese)
 25. Deng Xiaoling. *A Study on Cognitive Metaphors in Chuang-Tzu's Fables*. Chengdu: Sichuan University Press, 2020. (In Chinese)
 26. Shu Dingfang. The Structural Characteristics and Cognitive Function of Discourse Metaphors: A Case Study of the Hundred Parables and the Chuang-Tzu. *Foreign Language Teaching and Research*. 2017. Vol. 49 (03). Pp. 335-344. (In Chinese)
 27. Ma Qijun. *Folklore research on Chuang-Tzu*. Master's Thesis. Central China Normal University, 2002. (In Chinese)
 28. Ma Qijun. *A New Discussion of Folklore in "Chuang-Tzu"*. Anhui: Anhui People's Publishing House, 2023. (In Chinese)
 29. Xu Lai. *Study on the English translation of "Chuang-Tzu"*. Doctor's Thesis. Fudan University, 2005. (In Chinese)
 30. Wen Jun, Gan Xia. Research on the English translation of "Chuang-Tzu" in China: Review and Foresight. *Journal of Guangdong University of Foreign Studies*. 2012. Vol. 23 (03). Pp. 33-38. (In Chinese)
 31. Huang Zhongxi. The historical characteristics and contemporary development of the English translation of "Chuang-Tzu". *Journal of Inner Mongolia Agricultural University (Social Sciencen Edition)*. 2010. Vol. 12 (05). Pp. 373-374. (In Chinese)
 32. Miao Wei, Wang Ling. The origin and current situation of the English translation of "Chuang-Tzu". *Modern Economic Information*. 2017. No. 17. Pp. 410. (In Chinese)
 33. Fu Tianhai. *A Study on the Translation of "Chuang-Tzu" in Germany from the Perspective of Translation Culture*. Beijing: China Drama House, 2023. (In Chinese)
 34. Jiang Li. *China and the West: Mirror Images of Each Other*. Beijing: Foreign Language Teaching and Research Press, 2022. (In Chinese)
 35. Lei Peihua, Yang Chunli. Investigation and enlightenment of overseas evaluation of the English translation of "Chuang-Tzu" by Chinese translators. *Publishing Research*. 2018. No. 6. Pp. 89-92. (In Chinese)
 36. Liu Yan. *A cross-border journey of culture and language: a study on the English translation of "Chuang-Tzu"*. Doctor's Thesis. Shanghai Jiao Tong University, 2013. (In Chinese)
 37. Yang Li, Feng Daihong. English translation of classics from the perspective of ecological translation: A case study of "Chuang-Tzu". *Journal of Lanzhou Institute of Technology*. 2015. Vol. 22 (06). Pp. 94-97. (In Chinese)

Сведения об авторе

Сюй Цзюань

Пекинский педагогический университет

Пекин, Китай

1972488089@qq.com

Information about the author

Xu Juan

Beijing normal university

Beijing, China

1972488089@qq.com

Информация о статье

Поступила в редакцию: 10.09.24

Одобрена после рецензирования: 21.09.24

Принята к публикации: 30.09.24

Information about the article

The article was submitted 10.09.24

Approved after reviewing 21.09.24

Accepted for publication 30.09.24

The specifics of Taoist temple architecture in China: history and modernity

Специфика даосской храмовой архитектуры в Китае: история и современность

Варова Елена Игоревна,

Алтайский государственный университет,

Барнаул, Россия

Автор, ответственный за переписку:

elena-varova@mail.ru

Elena I. Varova

Altai State University,

Barnaul, Russia

Corresponding author:

elena-varova@mail.ru

УДК 726.13 | НАУЧНАЯ СТАТЬЯ | [HTTPS://DOI.ORG/10.24412/2686-9675-3-2024-22-36](https://doi.org/10.24412/2686-9675-3-2024-22-36)

АННОТАЦИЯ

Актуальность исследования обусловлена необходимостью исследования традиций даосизма в традиционном и современном Китае. Социально-экономическая ситуация XXI в. сформировала особые условия для развития даосской храмовой архитектуры: повсеместно учеными изучается стиль храмов присущий той или иной династии, выявляется специфика декоративно прикладного искусства даосской архитектуры. Храмовая архитектура даосизма изначально предназначалась для поддержания государственной власти императоров в качестве ритуального действия. Постепенно эти условия преодолевались, и даосские архитектурные сооружения: храмы и монастыри стали все более выполнять общественную функцию, обслуживая религиозный культ и власть.

ABSTRACT

The relevance of the research is due to the need to study the traditions of Taoism in traditional and modern China. The socio-economic situation of the 21st century has created special conditions for the development of Taoist temple architecture: Scientists everywhere study the style of temples inherent in one or another dynasty, and identify the specifics of the decorative and applied art of Taoist architecture. The temple architecture of Taoism was originally intended to maintain the state power of the emperors as a ritual act. Gradually, these conditions were overcome, and Taoist architectural structures: temples and monasteries began to increasingly perform a public function, serving religious worship and power.

Ключевые слова: Китай, даосизм, храмовая архитектура, декоративно-прикладное искусство, культура.

Для цитирования: Варова Е.И. Специфика даосской храмовой архитектуры в Китае: история и современность. *Современные востоковедческие исследования*. 2024; Том 6 (3). С. 22-36 <https://doi.org/10.24412/2686-9675-3-2024-22-36>

Key words: China, Taoism, temple architecture, decorative and applied arts, culture.

For citation: Varova E.I. The Specifics of Taoist Temple architecture in China: History and Modernity. *Modern Oriental Studies*. 2024; Volume 6 (№3). P. 22-36 (In Russ.) <https://doi.org/10.24412/2686-9675-3-2024-22-36>

В последнее время в России среди ученых выявлен повышенный интерес к Востоку вообще и к Китайской Народной Республике в частности. Это связано как с гораздо большей открытостью нашей страны по отношению к окружающему миру, нежели во времена бывшего СССР, так и с динамичным, развитием стран Восточной и Юго-Восточной Азии. Многовековая история Китая, его знаменитые философы и разноликая культура с давних времен занимают умы и сердца множества учёных. Неудивительно, что российское китаеведение, несмотря на политические пертурбации и экономические кризисы последних лет, до сих пор не утратило лидирующих позиций в мире. Российскими синологами создавалась и создается не только научная, но и научно-популярная литература. Большинство исследователей глубоко интересуются вопросами древнекитайской философии и религии (изданий по данным темам в последнее время выходит достаточно), но и китайской современностью (Китайская цивилизация 2005, 3).

Научное изучение даосизма и даосской храмовой архитектуры в России началось в к. XIX в. Среди ученых-исследователей Китая к. XX – н.ХХI вв., специализирующихся на изучении культуры и философии данной страны необходимо отметить ученых Малявина В.В., Маслова А.А., Кравцову М.Е., Васильева Л.С. Среди китайских ученых необходимо отметить Линьфэй Хань и его труд «Проблемы современной архитектурной практики в Китае», ученого Сянь Цзюнь, который исследовал традиционную архитектуру Китая, под его руководством составлена «Теория древнекитайской архитектуры» в 1990 г.

Необходимо также отметить Сунь Дачжан — известного ученого в Китае, в 1955 году окончил архитектурный факультет Пекинского университета Цинхуа. Работал архитектором в Институте архитектурных наук, Институте архитектурных стандартов и дизайна и проектном институте строительной комиссии провинции Хэнань. В настоящее время он является научным сотрудником и профессором Института

истории архитектуры китайского исследовательского центра по развитию архитектурных технологий, а также членом Архитектурной комиссии по истории Китая. Более 30 лет занимается исследованиями истории древнекитайской архитектуры. Основными работами являются «История древнекитайской архитектуры», «Древнекитайская архитектура», «Полное собрание произведений китайского искусства», «Религиозная архитектура», «Словарь по оценке китайской архитектуры». Он занимал должность заместителя главного редактора отдела истории архитектуры «Энциклопедии Китая» по архитектуре, ландшафту и городскому планированию» и главного редактора архитектурного отдела «Истории китайской цивилизации». В последние годы, совмещая исследовательскую работу, он также руководил проектами реставрации древних зданий, таких как — Великая китайская стена, храм Хайшэнь, храм Цзяошань Цисянь, а также частью дизайн-проекта Деревни народной культуры Шэньчжэня (Энциклопедия древнекитайской архитектуры 1993, 6).

Архитектор Чжуан Югуан на протяжении многих лет публиковал свои работы по древней архитектуре Китая в таких газетах, как «Новости архитектуры Сычуани», «Вечерние новости Чэнду» и «Новости науки и техники Чэнду». В научной работе «Древние сооружения периода весны и осени», ученый посвятил свое исследование древнекитайской архитектуре. Чжуан Югуан отмечает, что история китайской традиционной архитектуры начинается с зарождения архитектуры первобытного общества Китая и плавно переходит в архитек-

турную историю и наследие династий рабовладельческого и феодального общества. В данном исследовании изучено городское планирование, официальные залы, храмы, гробницы, башни, дома и сады. Представлены краткие вводные материалы или дискуссии о развитии и межкультурном взаимодействии архитектурных стилей, материалов и методов строительства прошлых династий, а также связанных с ними важных исторических личностях (Чжуан Югуан 2006, 1). По нашему мнению, данное исследование представляет ценный труд по истории архитектуры и архитектурному искусству и позволяет ученым: археологам, искусствоведам, историкам — получить более глубокое представление о долгой архитектурной истории китайской нации.

В китайской исторической литературе не осталось целостной городской истории. Однако, по мере проведения все более детальных городских исследований, прослеживается четкая тенденция. У ученых есть довольно общее направление в исследованиях даосской архитектуры, и они надеются выполнить его как можно лучше и стремятся к совершенству. Исследовательская работа китайских архитекторов становится все более и более детальной, и эта тенденция особенно сильна в гуманитарных и социальных науках. Ученый Сюй Чжучэн также особо подчеркивал этот принцип. Он считал, что, во-первых, тщательное исследование, должно быть соизмеримо с функцией результатов исследования. Изучение конструкций храмов — это не ремесло, а всего лишь навык, без какой-либо функции, и конечная цель должна быть реализована. Во-вторых,

после того, как обозначена провинция исследования, она должна быть всесторонне рассмотрена с исторической точки зрения, для того чтобы можно было увидеть всю картину храмо-строения. Существует давняя традиция изучения городов в истории Китая, которая показывает, что китайские историки всегда изучали историю городов с историей изучения храмов (Чжао Ган 2006, 1).

С древних времен китайцы верили в мифы и легенды о бессмертии. Даосские религиозные верования выражали две важные цели: одна — долголетие и вечная жизнь человека, а другая — гармония и стабильность общества. Вера в бессмертие побудило древних китайцев упорно трудиться, чтобы выяснить, как пре-взойти величие времени и пространства. Даосизм – это всеобъемлющий свод древнекитайской культуры, нашедший отражение в храмовой архитектуре. Его содержание чрезвычайно обширно. В него входят культ почитания Лао-Цзы и второстепенные бессмертные. Поклонение небу, земле, горам, духам и богам имеет в Китае долгую историю. В течение долгого времени храмовые служители создавали систему богов и сект, сосредоточенных вокруг Императора Небес (Большая энциклопедия исторических зданий Китая 1993, 117). Даосизм как философская доктрина появился в Китае примерно одновременно с конфуцианством, в середине I тысячелетия до н. э. Вначале это учение носило довольно отвлеченный характер и никак не было связано с религиозными верованиями, популярными суевериями и обрядами. Странники этого учения, подобно конфуцианцам, выступали против современной им дей-

ствительности — против непрерывных войн и междоусобиц. Они тоже призывали вернуться назад, к «золотому веку» прошлого. Однако социальным идеалом ранних даосов была не мудрость древних с их великими традициями, не человеколюбие и справедливость в социальных отношениях, а сама природная простота и естественность, уход от всяческой суетности, страстей и желаний, которые столь отрицательно влияют на натуру людей, на характер общества. Простота и чистота помыслов, смирение и сострадание, даже просто «недеяние» (увэй) — вот что проповедовали первые адепты даосизма (Васильев 2001, 220).

Даосизм — это локализованная религия, зародившаяся в Китае. Он начался с колдовства, которое на начальном этапе объединяло даосов и бессмертных. В это время монахи жили в уединении в пещерах гор и лесов. После развития династий Чжоу, Юань, Мин, и Цин даосские храмы распространились по всем горным и живописным местам Китая (Большая энциклопедия исторических зданий Китая: 1993, 12). В подражание буддизму даосы ввели у себя институт монашества и построили монастыри. На 1019 г. в Сунской империи насчитывалось 7 тыс. даосских монахов против 231 тыс. буддийских. С самого начала даосы питали страсти к живописным горам, и в Средневековье сложилась целая география святых мест даосизма. Покровом наибольшей тайны были окутаны 36 «Провалов в Небо», или «Пещерных Небес», рассеянных по всему Китаю. То были, как правило, естественные пещеры и гроты в горах, где «являлись» даосские божества. Несколько меньше чтились Счастливые места (их

было 72), находившиеся под управлением небожителей низших разрядов. К числу наиболее известных священных гор даосизма относятся Лаошань в Шаньдуне (рис.1), Суншань в Хэнани, Уданшань в Хубэе, Эмэйшань в Сычуани, Лофушань в Гуандуне (Малявин 2001, 266). Образ потустороннего мира и официозная направленность даосской морали красноречиво свидетельствуют о стремлении даосизма занять положение государственной религии. По сути, даосизм и стал таковой в танское время, когда дом Ли счел удобным вести свое происхождение от Лао-цзы. В 666 г. Лао-цзы был

обожествлен официально и получил титул Высочайшего Императора Сокровенного Начала. По указанию двора даосы регулярно устраивали молебны, которые служили для государственной власти каналом непосредственного общения с божествами, выгодно дополнявшего безличные конфуцианские ритуалы (Малявин 2001, 267). Считается, что для достижения бессмертия и поддержания здоровья требуется самосовершенствования, благодаря самосовершенствованию, люди могут вернуться к первоначальному «младенчеству», жить вечно и стать бессмертными. Даосизм рассматривает

Рис.1. Горы Лаошань. ПМА, 2012

Fig.1. Laoshan Mountains. PMA, 2012

«Дао» — как основу вселенной и главное благо-слодение Вселенной. В ранней «*太伞经*» сутре говорилось: «Кто такой даосский мастер? Глава всего сущего, тот, кого нельзя назвать по имени. Среди шести полюсов нет возможности что-либо изменить. Чтобы идти по Дао с жизненной силой, чтобы дать рождение всем вещам размером с небеса и землю, все рождается из Дао. Путь мужа — это пещера, в ней нет ни верха, ни низа, ни внешнего вида, ни внутреннего мира, и он хранит свой покой, и его называют богом. В «Записках Лао-цзы «описывает Дао как «жизнь на небе и на земле». Снаружи и «между небом и землей», «внутри человеческого тела и вне его», «рассеянная форма — это Ци, источник всех вещей на небе и на земле. В Сутре говорится: «Великая дорога бесформенна, рождая небо и землю; великая дорога безжалостна, перемещая солнце и луну; великая дорога безымянна, питая все сущее. Я не знаю ее имени, поэтому я называю его Дао». Как говорилось выше, как и в других даосских книгах, все авторы рассматривают Лао-цзы как главу даосизма и во вездесущего верховного бога (Большая энциклопедия исторических зданий Китая 1993, 120).

Поклонение даосским богам разнообразно и сложно, и существует множество имен почитаемых богов, поэтому в залах разных храмов почитаются разные боги. В даосских храмах Китая можно увидеть богов — «героимудрецы», такие как: Тайшан Лаоцзюнь Ли Эр, Тяньши Чжан Лин, Наньхуа Чжэньжэнь Чжуан Чжоу, Гэ Сяньвэн Гэ Сюань, император Чуньян Лу Янь, Чанчунь Чжэньжэнь Цю Чуцзи, Гуань Шэндицзюнь, Гуань Юй и др. Вышеупомянутые боги составляют огромную систему бессмерт-

ных, основными преимуществами которой являются три династии Цин и четыре императорские династии. В будущем они будут продолжать увеличиваться из поколения в поколение, пополняя название бессмертных (Большая энциклопедия исторических зданий Китая 1993, 120). Даосские храмы — это места, используемые даосами для поклонения богам, практики, проповеди, а также проведения церемоний. Во времена династии Тан и последней династии даосизм процветал, а технические характеристики даосской архитектуры совершенствовались, и павильон превратился в подобие дворца. Исторические записи показывают, что во времена династии Тан по всей стране было открыто более 1000 видов дворцовых храмов, а в двух столицах были огромные дворцы династии Цин, дворцы Тайвэй, храмы Юйчжи и храмы Шэнсянь, которые славились долгое время. Даосская архитектура в основном состоит из традиционных китайских храмов во внутреннем дворе, больших и малых. На центральной оси расположены главные залы, посвященные разным богам. Второстепенные залы-храмы расположены по обе стороны от главной оси. Во многих даосских храмах часто разбивают небольшие сады позади или сбоку от главной оси, особенно в горных районах. Они часто украшаются павильонами и беседками, основанными на рельефе местности, рельефе горных источников, текущей воды, скал и пещер, создавая прекрасные сады с природными пейзажами в качестве основной темы. В структуре даосских зданий в большинстве из них используются традиционные китайские деревянные каркасы, кирпичи и черепица в качестве стеновых или

кровельных материалов, и они состоят из единого здания с платформообразным фундаментом, каркасом дома и крышей. Даосские храмы позволяют всесторонне использовать скульптуру, живопись и каллиграфию в архитектуре. Многие виды даосских дворцов украшены изысканными фресками, скульптурами, каллиграфией и надписями (Большая энциклопедия исторических зданий Китая 1993, 124).

Даосские храмы и монастыри по своей конструкции продолжали традицию китайского зодчества, но, в то же время имели и свои особенности. Согласно даосскому учению человек, мог превратиться в святого и обрести бессмертие, но для этого ему нужно посвятить многие годы изучению канонов и самосовершенствованию. Древние предания утверждали, что большинство даосских святых избирали для жилья известные пейзажные места в горах. Поэтому даосские монастыри стали строить именно в такого рода живописных местах. По поверью, даосские святые любили жить в высоких храмах, ближе к Небу. Поэтому храмы башенного типа стали неотъемлемой частью даосской архитектуры. Их называли «гуань». Таким образом за даосскими монастырями укрепилось название «гуань». Только очень большой «гуань» называли павильоном, дворцом и т.д. Пагоды и терема имели различное название и назначение. Были, например, «пагоды для общения со святыми», «пагоды для собраний святых» и пр. (Лоу Цинси 2002, 119-120). Для того, чтобы даосские жрецы достигли бессмертия они должны быть близки к небесам или месту, находящемуся за пределами этого мира. В легендах эти места обычно

находились в морях, горах и пещерах. Следовательно, строительство храма в горах позволило даосским жрецам быть ближе к этим неземным местам. Для изучения и проведения экспериментов по поиску формулы получения пилюли, которая принесла бы бессмертие, даос верил, что спокойная обстановка, свободная от отвлекающих факторов, будет как раз подходящей для этого. Эта концепция также влияет на выбор местоположения и планировку даосских храмов. В целях хорошего Фэн-шуй некоторые даосские храмы были построены высоко на вершинах знаменитых гор. Примерами таких храмов могут служить гора Удан в провинции Хубэй, гора Цинчэн в провинции Сычуань и гора Лаошань в провинции Шаньдун (Yanxin 2010, 92).

Главной фигурой даосизма и его основателем считается древнекитайский философ Лао-Цзы. Однако кроме Лао-Цзы даосы поклоняются и другим святым. Люди верили, что между святыми существует «разделение функций», так что для решения той или иной проблемы следует обращаться к святому, полномочному в данной области. Так, молясь о ниспослании дождя, люди обращались к Лун-вану, когда нужно было заручиться помощью богов в случае стихийных бедствий, обращались к Гуанди, в случае болезни молились богу врачевания, те, кто мечтал разбогатеть, молились богу богатства. Таким образом в даосских храмах и монастырях были выставлены фигуры многих святых. Как правило, в планировке даосских монастырей соблюдалось правило центральной оси симметрии, вдоль которой следовали один за другим дворы с помещениями, но в некоторых

монастырях планировка вольная, обусловленная рельефом или особенностями состава сонма почитаемых святых (Рис. 2.) (Лоу Цинси 2002, 121). Даосизм — национальная религия Китая, корни которой уходят в народную магию и мистицизм, впервые возникшие во времена династии Шан. Изначально, даосизм включал в себя алхимию, философию и различные формы колдовства. Только во времена династии Восточная Хань, Мастер Чжан Даолин разработал философскую школу, известную как «Путь Единства», и тогда даосизм утвердился как религия, основанный на учении основателя даосизма — Лао-Цзы. Поскольку даосизм заро-

дился среди простых людей, самые ранние места для религиозной деятельности находились в горных районах. Следовательно, основными даосскими постройками в то время были пещеры и разнообразные жилища в горной и сельской местности. Выбор среды для отправления религиозной практики был не очень строгим с точки зрения предъявляемых к ней требований. Все, что было необходимо, — это находиться вдали от дома в уединении. В период династий Вэй и Цзинь даосизм широко заимствовал из конфуцианства и буддизма, чтобы соответствовать критериям, установленным феодальными правителями. Это означает, что

Рис.2. Фреска: Изображение даосского святого «небесного наставника» (даосский храм 太清宫, гора Лаошань, пр. Шаньдун. ПМА 2012).

Fig.2. Fresco: Image of the Taoist saint "heavenly mentor" (Taoist Temple, Mount Laoshan, Shandong Ave. PMA 2012).

для того, чтобы он функционировал как религия, должна существовать система обрядов и ритуализмов. Следовательно, из него была выведена новая концепция. В нем утверждалось, что все даосы в основе своей должны быть лояльными, и сострадательными (Yanxin 2010, 90). Даосы стремились найти формулу для приготовления пилюль и отваров, чтобы обрести бессмертие. Следовательно, даосизм был проявлением желания правителей управлять духовным аспектом народа, и они приветствовали его. С тех пор даосизм начал свое развитие из сельских районов в города, чтобы слиться с императорской властью. Имена собственные, используемые при описании императорских зданий, вскоре стали использоваться и для обозначения даосских зданий. Начиная с династии Тан, даосизм переживал период господства и был сравним с буддизмом. При династии Сун он пользовался большим уважением, и все храмы предков в то время считались даосскими храмами. В начале эпохи династии Юань, даосский мастер Цю Чжуцзи встретился с Чингисханом и заручился его поддержкой, после чего поднял даосизм на большие высоты, и именно тогда были построены даосские храмы, а во времена династий Мин и Цин даосизм пришел в упадок (Yanxin 2010, 90-91).

Архитектурная цветная роспись — как декоративное искусство оформления экстерьера древних китайских зданий, имеет очень долгую историю. Последние археологические исследования в Китае показывают, что нанесение изображений на стены зданий началось в эпоху неолита, но все изображения в то время были связаны с фаянсом. Их важное значение для ис-

тории архитектуры Китая заключается в новом обнаружении китайскими исследователями производства создания декоративных элементов, было установлено, что сначала наносился на стену слой глины, смешанной с травой, а затем наносился слой строительного раствора и, в конце наносилась белая зола. Этот метод переняли будущие поколения зодчих (Традиционная архитектурная технология 2005, 1).

Уникальный способ, которым искусство использовалось в древнекитайской архитектуре, можно увидеть в добавлении украшений к различным элементам здания, от всего внешнего вида здания до отдельных балок или черепицы. Крыши китайских зданий кажутся довольно большими из-за своей деревянной конструкции. Ранние китайские архитекторы также использовали уникальные свойства деревянной конструкции для создания изогнутой крыши с карнизами, слегка загнутыми вверх по четырем углам, и с различными животными на вершине конька; и после длительного периода экспериментов архитекторы создали шатровую крышу, двускатную и остроконечную крышу, односкатная крыша, крыша с несколькими карнизами и другие стили, придающие крыше особый художественный характер. С помощью простого метода балки внутри крыши были выполнены в форме луны, а концы балок — в виде «головок саранчи», «листьев кунжута» и других интересных форм. Даже ряды карнизных плиток были украшены сверху резьбой в виде цветов и растений, птиц и других предметов (Historic Chinese Architecture 1985, 9). Чтобы защитить древесину, открытые участки

деревянной конструкции были окрашены. Это стало еще одной возможностью продемонстрировать декоративные способности и привело к появлению уникальной в китайской архитектуре «цветной росписи». Отделка старинных китайских зданий была смелой и искусной в использовании цвета, а густые, яркие тона стали уникальной характеристикой традиционной китайской архитектуры. Если рассматривать один из важных дворцовых залов целиком, он стоит на белом каменном основании; сам зал украшен красными колоннами, окнами и дверью; под карнизом он выкрашен в темно-зеленый цвет, а верхняя часть крыши украшена желтой глазурированной черепицей (рис.3.). Вся

яркая и красочная композиция словно мерцает на фоне голубого неба. В цветовой живописи можно использовать сильные контрасты, такие как красный и зеленый, желтый и синий, черный и белый, не вступая в противоречие друг с другом. Скорее, они придают всему зданию блеск. Древние зодчие не только смело использовали насыщенные цвета, но и искусно владели кистью. В зданиях в некоторых южных садах стены белые, плитка зеленая, а деревянные конструкции окрашены в темно-коричневый цвет или часто не окрашены вовсе. Здания окружены зеленым бамбуком и банановыми деревьями, что создает элегантную атмосферу

Рис.3. Даосский храм трех чиновников неба, земли и воды.三官殿 (ПМА 2015)

Fig.3. The Taoist Temple of the Three Officials of heaven, earth and Water (PMA 2015)

сада в простых тонах (Historic Chinese Architecture 1985, 9).

Художественные формы ранней китайской архитектуры уникальны в мире. Элементы художественных форм неотделимы от декоративного оформления многих частей зданий. В архитектурном оформлении Китая, как и во многих других странах, многие элементы здания украшаются произведениями искусства. Интересные фигуры животных можно увидеть на крышах дворцов и храмов, как на коньках, так и на карнизах. На самом деле, большинство из этих украшений изначально были необходимыми компонентами конструкции. Плитки в форме полуцилиндра, используемые в залах, укладываются снизу-вверх, накрадываясь одна на другую, чтобы они не соскальзывали, а для крепления плитки внизу к карнизу использовались гвозди. Чтобы дождь не попадал в эти отверстия для гвоздей и не портил структуру древесины, необходимо было нанести покрытие поверх гвоздя. В руках мастера-плотника эти покрытия превратились в различных маленьких зверюшек. Истоки этого магического метода, несомненно, связаны с идеологией и феодальной системой жертвоприношений правящих классов древности. Естественно, такого рода метод не решил проблему разрушения зданий при пожарах, но он породил принцип придания декоративного оттенка природным компонентам зданий в процессе, который не мог не отражать сознание и идеологию того времени. Некоторые архитектурные элементы утратили свою полезность в связи с практическими разработками и постоянными конструктивными усовершенствованиями, но часто со-

хранялись в качестве украшений зданий в течение длительного времени и даже были художественно усовершенствованы или приобрели новые формы. Звери на двух концах хребта развивались от раннего стиля «рыбий хвост» до «драконьей пасти» династии Цин. Суеверный символизм никогда не менялся, поскольку со временем его внешняя форма менялась в разных стилях. Красные ворота с золотыми гвоздями на главных входах во дворцы — это художественная форма, отражающая величие дворца. Такие деревянные ворота назывались баньмэнь. Он состоял из деревянных досок, расположенных бок о бок, с прибитыми к ним горизонтальными соединителями. На гвозди было наклеено покрытие, чтобы дождевая вода не разъедала дерево. Так появился гвоздь для ворот, похожий на облицовку полуцилиндрической черепицей в том смысле, что он также является функциональным элементом. Но позже эти гвозди для ворот приобрели феодальное значение. Например, главные ворота императорских дворцов, усыпальниц и садов должны были быть красными, с золотыми гвоздями. В резиденциях принцев и чиновников первого и второго ранга были зеленые ворота с золотыми гвоздями, а в резиденциях чиновников третьего ранга и ниже — черные ворота с золотыми гвоздями. Количество гвоздей также определялось по рангу. В этом случае, у императорских ворот было девять гвоздей поперек и девять внизу, или всего 81 (Historic Chinese Architecture 1985, 17). Главный зал даосского храма представляет собой классическое императорское здание. Даосы в первую очередь посвящают своего основателя Лао-Цзы, алтарь которого

расположен в центре зала Троицы. Зал Троицы и залы, посвященные другим богам высокого статуса, расположены вдоль центральной оси храма. В настоящее время все существующие даосские храмы датируются династиями Мин и Цин (Yanxin 2010, 94). Многие храмы и монастыри, построенные в живописных горных местах, имеют ценную историческую и культурологическую составляющую, за счет того, что наилучшим образом сохранились не реконструированные части храмового комплекса (Xiao 1999, 66).

Традиционная китайская архитектура является ценной частью культурного наследия китайского народа. Сегодня, когда мы взбираемся на вершину Великой Китайской стены, восхищаясь великими инженерными достижениями, когда мы стоим перед Запретным городом, любуясь комплексами великолепных дворцов под голубым небом, когда мы прогуливаемся по садам, любуясь озерами и горами, и бродим среди задымленных павильонов, мы должны восхищаться умом и мудростью китайских архитекторов. наших предков и огромное

Рис.4. Символ великого единства 太极 «Тайцзи». Размещен перед входом в даосский храм «Великой чистоты», расположенный на горе Лаошань (ПМА 2012).

Fig.4. The symbol of the great unity "Tai Chi". It is placed in front of the entrance to the Taoist temple of "Great Purity", located on Mount Laoshan (PMA 2012).

количество труда, вложенного в создание этих зданий. По мере современного развития Китая, великолепные здания традиционной храмовой архитектуры будут продолжать демонстрировать свой блеск (Historic Chinese Architecture 1985, 18). Даосизм — самобытная китайская религия, отразившая важнейшие представления и ценности китайцев. Теснейшая связь даосизма со всеми сторонами китайской культуры и, в частности, локальными культами дала основание некоторым ученым считать его национальной религией Китая. Однако надо иметь в виду, что организационно даосизм всегда был представлен обособленными, замкнутыми сектами. Согласно опросам, проведенным уже в 30–40 гг. XX в., лишь около 2% жителей Северного Китая считали себя последователями даосизма. В действительности даосская традиция лишь увенчивала собой пирамиду народных культов, а даосские божества выступали верховными богами народного пантеона (Малявин 2001, 262).

Китайские города — это одна из форм населенных пунктов, в которых сосредоточена историческая веха в виде храмовой архитектуры, которая представляет собой ценность для ученых (Чжао Ган 2006, 3). В отстаивании идентичности Китая как развивающейся страны китайские эксперты обращают внимание и на то, что понятие «развивающаяся страна» отражает не только уровень социально-экономического развития государства, но и множество иных характеристик, таких как историческое и культурное наследие (Лексютина 2024, 71). Подводя итог, отметим, что древняя архитектурная система Китая обладает выдающимися

достижениями и уникальными стилями и занимает важное место в истории мировой архитектуры. Социально-экономическое развитие Китая, как и других древних цивилизаций мира проходило в несколько исторических этапов, таких как первобытное общество, рабовладельческое общество и феодальное общество. Китайская классическая архитектура в основном сформировалась и развивалась в период феодального общества. По мнению китайских ученых, в период правления династий Тан и Чжоу — были созданы самые выдающиеся архитектурные сооружения.

Список литературы

1. *Китайская цивилизация как она есть*. Москва: Восток-Запад, 2005.
2. *Энциклопедия древнекитайской архитектуры: Ритуальная архитектура — алтарь и храмовое жертвоприношение*. Издательство «строительная промышленность Китая». (中国古建筑大系: 礼制建筑-坛庙祭祀]. 中国建筑工业出版社编). 1993. (на кит.яз).
3. Чжуан Югуан. (庄裕光). *Древнее сооружение периода весны и осени*. (古建春秋. 一天津: 百花文艺出版社) Тяньцзинь: Издательство литературы и искусства «Байхуа». 2006. (на кит.яз).
4. Чжао Ган. (赵冈) *Сборник очерков по истории городского развития Китая*. (中国城市发展史论集. 一北京). Пекин. 2006. (на кит.яз).
5. *Большая энциклопедия исторических*

- зданий Китая: Даосская храмовая архитектура. Издательство «строительная промышленность Китая». (中国古建筑大系: 道教建筑-神仙道观. —中国建筑工业出版社编). 1993. (на кит.яз).
6. Васильев Л.С. *Культы, религии, традиции в Китае*. Москва: «Восточная литература» РАН, 2001.
 7. Малявин В. В. *Китайская цивилизация*. Москва: АСТ, 2001.
 8. Полевые материалы автора (ПМА). *Горы Лаошань*. Циндао, КНР, 2012 г.
 9. Лоу Цинси. *Традиционная архитектура Китая*. Пекин, 2002.
 10. Полевые материалы автора (ПМА). *Изображение даосского святого «небесного наставника» (даосский храм 太清宫)*. Циндао, КНР, 2012 г.
 11. Yanxin C. *Chinese architecture: palaces, gardens, temples and dwellings*. Beijing: China Intercontinental Press, 2010.
 12. *Традиционная архитектурная технология цветной росписи китайской династии Цин*. Пекин, Китайская архитектура. (中国清代官式建筑彩画技术/特广全著. —北京: 中国建筑工业出版社). 2005. (на кит.яз).
 13. *Historic Chinese Architecture*. — Beijing: Published by Qinghua University Press, 1985.
 14. Полевые материалы автора (ПМА). *Даосский храм трех чиновников неба, земли и воды 三官殿*. Аньшан (провинция Ляонин), КНР, 2015.
 15. Xiao Mo. *Chinese Architecture*. Beijing: Culture and Art Publishing House, 1999.
 16. Полевые материалы автора (ПМА). *Символ великого единства 太极 «Тайцзи»*. Циндао, КНР, 2012 г.
 17. Лексютина Я.В. О двойной международной идентичности современного Китая. *Международная аналитика*. 2024; Т. 15 (1). С. 63-76.

References

1. *Китайская цивилизация как она есть*. Москва: Восток-Запад, 2005.
2. *Энциклопедия древнекитайской архитектуры: Ритуальная архитектура — алтарь и храмовое жертвоприношение*. Издательство «строительная промышленность Китая». (中国古建筑大系: 礼制建筑-坛庙祭祀]. 中国建筑工业出版社编). 1993. (на кит.яз).
3. Чжуан Югуан. (庄裕光). кит.яз).
4. Чжао Ган. (赵冈) *Сборник очерков Древнее сооружение периода весен и осеней*. (古建春秋. 一天津: 百花文艺出版社) Тяньцзинь: Издательство литературы и искусства «Байхуа». 2006. (на в по истории городского развития Китая. (中国城市发展史论集. —北京). Пекин. 2006. (на кит.яз).
5. *Большая энциклопедия исторических зданий Китая: Даосская храмовая архитектура*. Издательство «строительная промышленность Китая». (中国古建筑大系: 道教建筑-神仙道观. —中国建筑工业出版社

- 编). 1993. (на кит.яз).
6. Васильев Л.С. *Культы, религии, традиции в Китае*. Москва: «Восточная литература» РАН, 2001.
 7. Малявин В. В. *Китайская цивилизация*. Москва: АСТ, 2001.
 8. Полевые материалы автора (ПМА). *Горы Лаошань*. Циндао, КНР, 2012 г.
 9. Лоу Цинси. *Традиционная архитектура Китая*. Пекин, 2002.
 10. Полевые материалы автора (ПМА). *Изображение даосского святого «небесного наставника» (даосский храм 太清宫)*. Циндао, КНР, 2012 г.
 11. Yanxin C. *Chinese architecture: palaces, gardens, temples and dwellings*. Beijing: China Intercontinental Press, 2010.
 12. *Традиционная архитектурная технология цветной росписи китайской династии Цин*. Пекин, Китайская архитектура. (中国清代官式建筑彩画技术/特广全著. 一北京: 中国建筑工业出版社). 2005. (на кит.яз).
 13. *Historic Chinese Architecture*. — Beijing: Published by Qinghua University Press, 1985.
 14. Полевые материалы автора (ПМА). *Даосский храм трех чиновников неба, земли и воды 三官殿*. Аньшан (провинция Ляонин), КНР, 2015.
 15. Xiao Mo. *Chinese Architecture*. Beijing: Culture and Art Publishing House, 1999.
 16. Полевые материалы автора (ПМА). *Символ великого единства 太极 «Тайцзи»*. Циндао, КНР, 2012 г.
 17. Лексютина Я.В. О двойной международной идентичности современного Китая. *Международная аналитика*. 2024; Т. 15 (1). С. 63-76.

Сведения об авторе

Варова Елена Игоревна,

канд. искусствоведения, доцент

Алтайский государственный университет

Россия, Алтайский край, г. Барнаул, пр. Ленина, 61, 656049

orient@hist.asu.ru

Information about the author

Elena I. Varova

Candidate of Arts,

Associate Professor

Altay State University

Russia, Barnaul, lenin prospect, 61, 656049

orient@hist.asu.ru

Информация о статье

Поступила в редакцию: 10.09.24

Одобрена после рецензирования: 21.09.24

Принята к публикации: 30.09.24

Information about the article

The article was submitted 10.09.24

Approved after reviewing 21.09.24

Accepted for publication 30.09.24

The role of iron on the cultural development of the Gaya confederacy

Роль железа в развитии культуры конфедерации Кая

*Ахметова Айгуль Ирековна¹,
Глушкова Светлана Юрьевна²,
Пак Суджин³*

¹ Университет Индже, Кимхэ, Республика Корея

² Казанский (Приволжский) федеральный
университет, Казань, Россия

³ Университет Индже, Кимхэ, Республика Корея

Автор, ответственный за переписку:

akhmetova.aygul@hotmail.com

<https://orcid.org/0000-0002-5187-3632>

*Aygul I. Akhmetova¹,
Svetlana Yu. Glushkova²,
Park Soo Jin³*

¹Inje University, Gimhae, Republic of Korea

² Kazan (Volga region) Federal University,
Kazan, Russia

³Inje University, Gimhae, Republic of Korea

Corresponding author:

akhmetova.aygul@hotmail.com

<https://orcid.org/0000-0002-5187-3632>

УДК 94 | НАУЧНАЯ СТАТЬЯ | [HTTPS://DOI.ORG/10.24412/2686-9675-3-2024-37-48](https://doi.org/10.24412/2686-9675-3-2024-37-48)

АННОТАЦИЯ

В статье проводится детальный анализ роли железа в культурном и социальном развитии конфедерации Кая, одного из ключевых, хотя и малоизученных регионов древней Кореи. Особое внимание уделяется влиянию этого стратегически важного ресурса на различные аспекты общественной жизни, такие как социальная иерархия, военное дело и культурные традиции. Железные изделия, включая сложные доспехи, оружие и другие артефакты, свидетельствуют о высоком уровне мастерства и развитии технологий производства. Эти находки, обнаруженные в крупных захоронениях, подчеркивают значимую роль правящей

ABSTRACT

This article presents a comprehensive analysis of the role of iron in the cultural and social development of the Gaya confederacy, a significant yet relatively under-researched region of ancient Korea. The study meticulously examines the impact of this strategically crucial resource on various facets of societal structure, including social hierarchy, military technology, and cultural practices. Iron artifacts, such as complex armor, weaponry, and other objects, reflect a high degree of craftsmanship and technological sophistication. These finds, uncovered in substantial burial sites, underscore the pivotal role of the ruling elite in controlling the extraction and distribution of iron.

элиты, которая контролировала добычу и распределение железа. В статье также освещается важность торговли и культурного обмена с соседними государствами, особенно с японским государством Ва. Эти связи и обмен технологиями способствовали укреплению позиций Кая в регионе и расширению его культурного влияния.

Ключевые слова. Конфедерация Кая, древняя Корея, железные доспехи, культурные традиции, культурный обмен, археологические находки

Для цитирования: Ахметова А.И., Глушкова С.Ю., Пак С. Д. Роль железа в развитии культуры конфедерации Кая. *Современные востоковедческие исследования*. 2024; Том 6 (№3). С. 37-48 <https://doi.org/10.24412/2686-9675-3-2024-37-48>

Железо было ключевым элементом культурной системы конфедерации Кая (42–562 гг.), древне-корейского политического образования, о чём свидетельствуют многочисленные находки железных предметов в захоронениях её высокопоставленных представителей. Прежде всего, именно железо стало основой её культурного и технологического прогресса. Конфедерация Кая активно взаимодействовала с соседними территориями, применяя свои передовые технологии обработки железа для производства и обмена разнообразными изделиями из этого материала. Изделия из железа пользовались большим спросом и демонстрировали уровень мастерства кузнецов и ремесленников Кая.

Additionally, the article explores the importance of trade and cultural exchanges with neighboring states, notably the Japanese state of Wa. Such interactions and technological transfers played a critical role in enhancing Gaya's regional influence and expanding its cultural reach.

Keywords. Gaya confederacy, ancient Korea, iron armor, cultural traditions, cultural exchange, archaeological findings

For citation: Akhmetova A., Glushkova S., Park S. J. The Role of Iron on the Cultural Development of the Gaya Confederacy. *Modern Oriental Studies*. 2024; Volume 6 (№3). P. 37-48 (In Russ.) <https://doi.org/10.24412/2686-9675-3-2024-37-48>

Железо способствовало оптимизации торговых сетей, что сыграло важную роль также и в экономическом развитии региона. Таким образом, железо стало основой богатой железной культуры Кая, формируя её уникальное место в истории Восточной Азии.

Одной из наиболее примечательных категорий железных изделий конфедерации Кая являются доспехи, включая шлемы. Более половины сохранившихся древних доспехов, обнаруженных на археологических памятниках периода Трёх Королевств (삼국 시대 самгуксидэ), относится к этой конфедерации. Несмотря на то, что количество доспехов в погребениях Кая не следует напрямую связывать с её военной

мощью или численностью армии, эти находки представляют собой ценный источник для анализа типов доспехов, производившихся в Кая, и технологий их изготовления. Более того, изучение доспехов и их применения с точки зрения различных социальных аспектов способствует более глубокому пониманию уникального мировоззрения древнего общества конфедерации Кая.

Несмотря на то, что доспехи конфедерации Кая представляют собой важный источник для изучения исторического контекста и технологических достижений, исследования древнекорейских доспехов, включая также доспехи Кая, долгое время оставались на периферии научного внимания. Первое значительное исследование доспехов конфедерации Кая началось после обнаружения находок в гробнице № 34 на могильнике Марисан в уезде Хаман в 1917 году. Однако полноценный анализ был затруднён из-за частичной разрушенности и фрагментации найденных предметов. Фрагменты доспехов были лишь частично идентифицированы и зафиксированы в отчёте о раскопках японскими археологами (Ким 2005, 169–221).

До начала 80-х годов XX века исследование доспехов конфедерации Кая оставалось ограниченным и нерегулярным. Ситуация кардинально изменилась с началом систематических раскопок в погребальном комплексе Бокчхон-дон в Пусане, что стало основой более углублённым исследованиям в этой области (Музей Бокчхон). Однако в предшествующий этим раскопкам период обсуждался также вопрос о происхождении доспехов, обнаруженных

в гробнице № 32 в районе Чисан-дон в уезде Корён, поскольку они имели сходство с доспехами государства Ва (яп. 帶金式甲冑 обиганэски каттю, букв. «пластинчатые доспехи») первого подпериода эпохи Ямато — Кофун (яп. 古墳時代 кофун дзидай, букв. «период курнагов», 250-538 гг.), где шлем и защитные пластины состояли из длинных горизонтальных полос. Эта находка привлекла значительное внимание японского академического сообщества.

Доспехи интерпретировались как свидетельство того, что территория Кая могла находиться под влиянием древней Японии. Также выдвигалась гипотеза о существовании на этой территории японского административного представительства «Мимана нихон-фу» (яп. 任那日本府) (Ким 2006, 6–10). Доспехи из этой гробницы вызвали лишь ограниченный интерес среди корейских учёных, поскольку их использовали для подкрепления искажённой версии древней корейской истории. В отличие от этого, находки из погребального комплекса в Бокчхон-доне получили значительное внимание, представляя собой крупнейшую коллекцию доспехов, обнаруженную в одном месте. Вертикальные железные пластины, из которых были изготовлены доспехи, явно указывали на их корейское происхождение. Только после раскопок в Бокчхон-доне начались серьёзные обсуждения происхождения, эволюции и исторического контекста древнекорейского вооружения (Чон и Шин 1984, 273-298).

Раскопки крупных погребальных комплексов периода конфедерации Кая, таких как Окчон (современный уезд Хапчхон), Дэсон-дон

(современный город Кимхэ) и Дохан-ри (современный уезд Хаман), существенно расширили данные о военных доспехах Кая. Благодаря этим находкам изучение военного снаряжения стало важным направлением исследований наряду с анализом разнообразной керамики и конского снаряжения. Учёные детально исследовали особенности доспехов и их эволюцию (см. подробнее Ким 2016, 410-440; Сон 1995, 158-167).

Исследования доспехов Кая, начавшиеся в девяностых годах, выявили, что в культуре конфедерации Кая традиция захоронения значительного количества военного снаряжения зародилась на раннем этапе и сохранялась дольше, чем в других политических образованиях периода Трёх Королевств. В королевстве Силла (57 г. до н. э. – 935 г. н. э.) доспехи также довольно рано вошли в погребальные обряды. Тем не менее, наиболее престижными предметами оставались короны и изделия из драгоценных металлов. Примечательно также, что в Силла в ритуалах захоронения в значительно большем масштабе использовались доспехи, украшенные позолоченными бронзовыми элементами (Райан, Барнс и Хелайн 2014, 1-16).

Железные доспехи в захоронениях Кая присутствовали на протяжении более длительного времени, чем в других регионах, что делает эти гробницы ценным объектом для изучения эволюции военного снаряжения периода Трёх Королевств. Более того, обнаружение доспехов японского происхождения в гробницах Кая открывает важные перспективы для исследования взаимодействий и культурных об-

менов между этой конфедерацией и древним японским государством Ва (倭).

Как уже отмечалось выше, пластинчатые доспехи ранее ошибочно воспринимались как подтверждение теории «Мимана нихон-фу». Однако, в действительности, они отражают сложные взаимосвязи между древней Кореей и Японией. Считается, что Кымгван Кая поддерживал значимые связи с государством Ва на Японских островах. Переселенцы из Ва прибыли на Корейский полуостров и обосновались в районе порта Кымгван Кая (территория современного Кимхэ) с одобрения местной элиты. Они активно перенимали передовые культурные достижения и использовали железные ресурсы, доступные на полуострове, включая запасы Кая, которые затем передавались в Ва в Японии (Хон 2014). Доспехи, изготовленные в конфедерации Кая или созданные на Японских островах под влиянием кайских технологий, были обнаружены также на японских археологических памятниках. Их значение активно исследовалось как корейскими, так и японскими учеными (Ким 2014, 11-27).

На Корейском полуострове, включая территорию конфедерации Кая, железо было основным материалом для изготовления доспехов. Однако наряду с металлами использовались и органические материалы, такие как дерево и кожа. Из-за кислых почв региона органические остатки быстро разлагались, что делает обнаружение доспехов из этих материалов весьма затруднительным. Тем не менее, существуют редкие примеры, когда удалось найти остатки доспехов, изготовленных из дерева или

костей животных, несмотря на неблагоприятные условия для их сохранения (Райан, Барнс и Хелайн 2014, 1-16).

С IV века, в переходный период от Ранних корейских государств (кор. 원삼국시대 вонсамгуксидэ) к периоду Трёх Королевств, железо стало основным материалом для изготовления доспехов. Этот переход был вызван технологическими достижениями и увеличением социальных конфликтов, что способствовало переходу к металлическим материалам. В этом контексте изменения в конструкции шлемов и доспехов конфедерации Кая наглядно иллюстрируют данную тенденцию. В данной статье акцент сделан на эволюции технологий производства железных изделий в период Трёх Королевств, когда производство железных доспехов в конфедерации Кая достигло своего пика.

В конфедерации Кая использовались различные виды защитного снаряжения, включая доспехи и шлемы с вертикальными пластинами, которые были распространены по всему миру. Эти элементы военного снаряжения появились в Кая благодаря культурным обменам с северными регионами и можно выделить два основных типа шлемов: с изогнутыми вертикальными пластинами в форме «S» и полусферические шлемы с более прямыми и простыми вертикальными пластинами. Шлемы были хорошо видны и часто имели более декоративный вид по сравнению с доспехами. Они играли важную роль в демонстрации социального статуса и могли быть удлинены или украшены декоративными элементами (Ким 2018, 198-229).

Вертикальная пластинчатая конструкция доспехов была характерной как для Трёх Королевств, так и для конфедерации Кая. Несмотря на трудности в определении отличительных черт этого типа доспехов, доспехи из Кая выделялись благодаря своему уникальному декоративному оформлению и стилю. Декорирование включало использование позолоченной бронзы и орнаментальных элементов. Так, доспехи из гробницы № 57 в Дэсон-доне были украшены боковыми накладками с мотивами папоротников, выполненными с помощью пробивки отверстий на равных интервалах. Также изготавливались доспехи с козырьками для защиты от солнца, напоминающие современные головные уборы (Сон 2012, 168-187). Эти вертикальные доспехи из Кая оказали заметное влияние на Японские острова, что подтверждается аналогичными находками в гробнице Канноняма в префектуре Гумма и в гробнице № 1 Икэноуэ в префектуре Фукуока (Ри и др. 2007, 404-459).

Конструкции доспехов из вертикальных пластин были обнаружены как на территориях Кая, так и на территориях Силла, но примеры этих доспехов пока не найдены в других регионах Восточной Азии. Это привело к тому, что их рассматривают как местный тип доспехов, впервые появившийся в южных районах Корейского полуострова. Считается, что доспехи из вертикальных пластин развились из более ранних деревянных конструкций, при этом изменения произошли главным образом в материалах.

Этот тип доспехов, характерный для южных регионов Корейского полуострова, имеет не только уникальные черты, но и значительное значение для понимания технологических

стандартов того времени. Он позволяет проследить эволюцию древнекорейских доспехов и понять, как они развивались. В частности, наблюдаются различия между доспехами из вертикальных пластин в Кая и Силла. Как уже было сказано ранее, доспехи из конфедерации Кая часто украшались орнаментами, такими как мотивы папоротников или изображения птиц, и нередко имели полукруглые пластины на верхней части. В отличие от этого, доспехи из Силла отличались пластинами, имеющими форму рогов, и были менее декоративными. Эти различия в дизайне и структуре можно рассматривать как отражение различных функций и восприятия доспехов в обеих культурах. Доспехи Кая не только служили защитой, но также использовались для церемониальных целей и подчеркивания статуса. В то время как доспехи из Силла имели преимущественно практическое назначение и довольно на раннем этапе были заменены на ламеллярные доспехи, которые изготавливались из множества мелких железных пластин, соединённых кожаными ремнями. В отличие от вертикальной пластинчатой конструкции, характерной для доспехов конфедерации Кая и королевства Силла, ламеллярные доспехи были распространены не только на Корейском полуострове, но и в других частях Восточной Азии. Существовало два основных типа таких доспехов, отличавшихся методами крепления пластин и способом ношения. Один тип был заимствован у династии Хань в Китае (202 г. до н. э. — 220 г. н. э.), а другой происходил от кочевых народов Северных степей. Второй тип доспехов сохранял свою популярность до периода Чосон (1392–1897 гг.) бла-

годаря своей удобности и эффективной защите (Барнс 2000, 61-95).

Кроме того, в конфедерации Кая использовалась конная доспехи, которые включали защиту для тела и шлемы. Эта защита приобрела важное значение с ростом кавалерийских тактик. Лошади играли ключевую роль в боевых действиях, их скорость могла внушить страх и нарушить строй противника. Поэтому необходимость защищать как всадников, так и лошадей привела к развитию тяжёлой кавалерии с защитой. Наличие такой кавалерии само по себе могло внушить страх врагу (Шин 1989, 1-34).

Дискуссии вокруг назначения вертикальных пластинчатых доспехов Кая остаются активными. Их форма варьировалась, орнаменты были сложнее по сравнению с другими типами доспехов этого региона, а различие в размерах соединённых пластин порой указывало на возможные недостатки в обработке материала.

Сторонники утилитарной функции доспехов обращают внимание на дополнительные железные элементы, обнаруженные в образцах из гробниц Бокчхон-дон № 38 и № 57, а также из гробницы Дэсон-дон № 57, которые могут свидетельствовать об их ремонте и повторном использовании. В противоположность этому, сторонники теории ритуального использования доспехов подчеркивают, что форма и размеры пластин не были стандартизированы, что указывает на их использование в погребальных ритуалах (см. подробнее Ли 2002, 45-75; Сон 1995, 158-167).

Но все же современные исследования акцентируют внимание на ритуальной роли

вертикальных пластинчатых доспехов конфедерации Кая. Декор в виде птиц, например, мог быть связан с верованиями, согласно которым птицы считались проводниками душ в загробный мир (О 2004; 158-167). Спиральные узоры также часто использовались в качестве украшений. В этом контексте они могли символизировать солнце, придавая носителю статус, подобный солнечному божеству, и выражая пожелания о победе в бою. Следы ремонтов, неравномерная обработка железных пластин и характерные орнаменты могут также указывать на то, что вертикальные пластинчатые доспехи использовались в ритуалах, посвящённых вступлению во взрослую жизнь (Сон 2012, 168-187).

Существует также предположение, что узоры на вертикальных доспехах могли быть связаны с декоративными элементами на оружии, например, на ножах с зазубринами, где также встречаются растительные и животные мотивы, элементы, напоминающими животный мех. Однако основная функция шлемов и доспехов конечно же заключалась в защите их носителя в бою. Эволюция этих защитных средств была связана с развитием оружия. Древнее оружие можно было классифицировать на метательное, которое предназначалось для запуска снарядов на большие расстояния, и полевое оружие, такое как копья, длина которых превышала рост воина. Наиболее представительные образцы каждого типа — это наконечник стрелы и наконечник копья.

Доспехи и шлемы показывают различия между изделиями IV и V веков, при этом вертикальная пластинчатая конструкция была доминирующей в IV веке. Вместе с вертикальными пластинами часто находили полевое оружие, включая наконечники копий. Позднее, с удлинением наконечников стрел, метательные оружия стали обладать увеличенной дальностью (Чан 2018, 232-263). Эти данные указывают на то, что пехота играла ключевую роль в военной стратегии в период, когда железные доспехи начали использоваться в конфедерации Кая.

Свидетельства о наличии такой тяжёлой кавалерии в период Трёх Королевств были найдены в виде артефактов, текстовых описаний и фресок на стенах гробниц. Древние тексты и фрески из гробниц королевства Когурё также предоставляют информацию о тактике кавалерии того времени. Исследования этих источников показали, что военные стратегии могли полагаться либо исключительно на кавалерию, либо сочетать её с пехотой. Кавалерийские тактики включали одиночные дуэли, засады, преследования и шоковые атаки. Тяжёлая кавалерия в основном использовалась для шоковых атак.

Распространение тяжёлой кавалерии в конфедерации Кая стало возможным благодаря внедрению седел и стремян, которые обеспечивали надёжную поддержку всадника. Ламеллярные конструкции, используемые в этом типе кавалерии, запечатлены на фресках из гробницы Анак № 3 относящееся к королевству Когурё находящейся в провинции Хванхэ на территории КНДР, на которых видно, что они включали дополнительные защитные элементы (см. подробнее Гилев 2009; Воробьев 1961; Киреева и Концевич 1972). Формирование

тяжёлой кавалерии в конфедерации Кая, вероятно, произошло к V веку, когда начали появляться шлемы с защитой для лошадей, доспехи для их тела, а также улучшенные седла и стремяна. Однако роль тяжёлой кавалерии в военной стратегии конфедерации Кая, вероятно, была ограничена классовостью. Это мнение основано на типах погребений, в которых были найдены артефакты, связанные с тяжёлой кавалерией. Вместо малых или средних могил, такие предметы, как защитные пластины для лошадей, доспехи, седла и стремяна, обнаружены в крупных захоронениях, принадлежащих правящему классу. Это указывает на то, что доступ к этому военному снаряжению был ограничен узким кругом высокопоставленных лиц. Таким образом, в конфедерации Кая, вероятно, не было развитых кавалерийских сил или специализированных тяжёлых кавалерийских подразделений, как в Когурё или Пэкче (18 г. до н.э. – 660 г. н.э.). Вполне возможно, что в конфедерации Кая существовал небольшой и простой отряд тяжёлой кавалерии, непосредственно подчинённый правителю или высшему военному командованию (Ким 2019, 207-236).

Железо сыграло ключевую роль в развитии конфедерации Кая, оставив заметный след в её культурной и технологической истории. Этот важный ресурс не только способствовал прогрессу в производстве и обработке различных изделий, но и оказал значительное влияние на социальное и экономическое устройство региона. Находки железных артефактов в крупных захоронениях высшего класса подтверждают значимость железа в обществе Кая и его центральную роль в поддержании статуса

и влияния правящей элиты. Активное взаимодействие конфедерации Кая с соседними регионами, включая обмен технологиями и товарами, позволило Каям развить высококачественное производство железных изделий. Эти изделия, демонстрирующие передовые технологии обработки, не только укрепляли торговые связи, но и способствовали культурному обмену. Железо стало основой для создания сложных торговых сетей и укрепления экономических позиций региона, что сыграло важную роль в формировании богатой и разнообразной железной культуры Кая. Таким образом, железо не только оказало непосредственное влияние на технологический прогресс и торговлю, но и стало символом культурной идентичности конфедерации Кая, определяя её место в истории Восточной Азии.

Список литературы

1. Ким Т. Культурные характеристики древнего королевства Кая в Корее. *Международный журнал корейской истории*. 2005, 8, С. 169-221.
2. Ким Т. Королевство Кая. *Кореана*. 2006, Весна, С. 6-10.
3. Чон Чжинвон, Шин Кёнчхоль (정징원, 신경철). Древние корейские доспехи: краткий обзор (고대 한국 갑주 단상). *Сборник статей в честь шестидесятилетия доктора Юн Му-пёнга*. Коян: Тончхон мунхваса, 1984, С. 273-298 (на кор. яз).
4. Сон Кехён (송계현). Изменения в типах доспехов Кая (가야 갑주 양상의 변화).

- Хронологическое исследование гробниц Кая III: Доспехи и снаряжение для лошадей.* 1995, С. 158–167 (на кор. яз).
5. Ким Хёкчжун (김혁중). Доспехи Кая (가야의 갑주). *Обзор археологии Кая.* Сеул: Зининзин, 2016, С. 410–440 (на кор. яз).
 6. Райан Дж., Барнс Г., Хелайн С. Доспехи в Японии и Корее. *Энциклопедия истории науки, технологий и медицины в неконфессиональных культурах.* 2014, С. 1-16.
 7. Хон Бо-сик (홍보식). Внешние контакты групп в устье реки Нактонган в период Самхан и Трех государств (삼한 삼국시대 낙동강 하구 집단의 대외교류). В *Международные связи и иноземные артефакты Кымгван-Кая.* Кимхэ: Индже тэхакке, 2014 (на кор. яз).
 8. Ким Ёнмин (김영민). Проблемы, связанные с доспехами в стиле Ва, найденными на Корейском полуострове (한국 출토 대금식판 갑의 체문제). *Археология корейско-японского взаимодействия.* 2014, Том 2-го совместного семинара, С. 11–27 (на кор. яз).
 9. Ким Ёнмин (김영민). Доспехи Кая (가야 갑주). В *Гробницы Кая.* Корён: Офис по номинации на Всемирное наследие для гробниц Кая, 2018, 2, С. 198–229 (на кор. яз).
 10. Сон Чонгсик (송정식). Декоративные элементы и символическое значение вертикальных доспехов Кая (가야 종장판갑의 장식적 요소와 상징적 의미). В *Янгдонгри: Окно в Кая.* Кимхэ: Национальный музей Кимхэ, 2012, С. 168–187 (на кор. яз).
 11. Ри С. Н., Айкенс С. М., Чхой С. Р., и Ро Х. Дж. Корейский вклад в сельское хозяйство, технологии и формирование государства в Японии: археология и история эпохи тысячи лет, 400 до н. э. – 600 н. э. *Азиатские перспективы.* 2007, С. 404-459.
 12. Барнс Г. Археологические доспехи в Корее и Японии: стили, технологии и социальный контекст. *Журнал восточноазиатской археологии,* 2000, 2(3-4), С. 61-95.
 13. Шин Кёнчхоль (신경철). Оружие и снаряжение для лошадей Кая (가야의 무구와 마구). *Журнал Национального института корейской истории.* 1989, 7, С. 1–34 (на кор. яз).
 14. Ли Хёнчжу (이현주). Природа военной структуры на основе состава оружия в захоронениях гробниц Бокчхон-дон (북천동고분군의 무기부장양상을 통해 본 군사조직의 형태). *Научные работы музея.* 2002, 9, С. 45–75 (на кор. яз).
 15. О Гвансоп (오광섭). Птицы на погребениях и вертикальные доспехи (종장판갑의 조장). В *Переносчики душ.* Кимхэ: Национальный музей Кимхэ, 2004, С. 158–167 (на кор. яз).
 16. Чан Сангап (장상갑). Оружие Кая (가야 무기). В *Гробницы Кая III.* Корён: Офис по номинации на Всемирное наследие для гробниц Кая, 2018, С. 232–263 (на кор. яз).
 17. Концевич Л. Р. *Корейское классическое искусство: сборник статей.* Москва: Наука, 1972.

18. Воробьев М. В. *Древняя Корея (Историко-археологический очерк)*. Москва: Издательство восточной литературы, 1961.
19. Гилёв А. А. Хронология когурёских гробниц с фресками. *Вестник Новосибирского государственного университета*. 2009, 8(5), С. 175-185.
20. Ким Хёкчжун (김혁중). Глиняные сосуды с изображением всадников и реальность тяжёлой кавалерии Кая (기마인물형토기와 가야 중장기병의 실체). В *Анатомия глиняных сосудов с изображением всадников Кая*. Сеул: Издательство Джулёсунг, 2019, С. 207-236 (на кор. яз.).
6. Ryan J., Barnes G. & Helaine S. Armor in Japan and Korea. *Encyclopaedia of the history of science, technology, and medicine in Non-Western cultures*, 2014, pp. 1-16.
7. Hong B. External Contacts of Groups in the Nakdong River Estuary during the Samhan and Three Kingdoms Periods. In *International Exchanges and Foreign Artifacts of Geumgwan Gaya*. Gimhae: Inje University, 2014 (In Kor.).
8. Kim Y. Problems Concerning Wa-style Armor Recovered on the Korean Peninsula. *Archaeology of Korean-Japanese Interaction*. 2014, 2, pp. 11-27 (In Kor.).

References

1. Kim T. The Cultural Characteristics of Korea's Ancient Gaya Kingdom. *International Journal of Korean History*. 2005, 8, pp. 169-221.
2. Kim T. Gaya Kingdom. *Koreana*. 2006, Spring, pp. 6-10 (In Russ.).
3. Jeong J. & Shin G. Ancient Korean Armor: A Brief Overview. In *Collected Essays in Honor of Dr. Yun Mu-byeong's Sixtieth Birthday*. Goyang: Tongcheon Munhwasa, 1984, pp. 273-298 (In Kor.).
4. Song G. Changes in Gaya Armor Types. In *Chronological Study of Gaya Tombs III: Armor and Horse Gear*. 1995, pp. 158-167 (In Kor.).
5. Kim H. Gaya Armor. In *Introduction to Gaya Archaeology*. Seoul: ZININZIN, 2016, pp. 410-440 (In Kor.).
9. Kim Y. Gaya Armor. In *Gaya Tumuli II*. Goryeong: World Heritage Nomination Office for Gaya Tumuli, 2018, pp. 198-229 (In Kor.).
10. Song J. Decorative Elements and Symbolic Meaning of Gaya Vertical Plate Armor. In *Yangdong-ri, a Window into Gaya*. Gimhae: Gimhae National Museum, 2012, pp. 168-187 (In Kor.).
11. Rhee S. N., Aikens C. M., Choi S. R. & Ro H. J. Korean contributions to agriculture, technology, and state formation in Japan: archaeology and history of an epochal thousand years, 400 BC-AD 600. *Asian Perspectives*. 2007, pp. 404-459.
12. Barnes G. Archaeological Armor in Korea and Japan: Styles, Technology, and Social Setting. *Journal of East Asian Archaeology*. 2000, 2(3-4), pp. 61-95.

13. Shin G. Gaya Weapons and Horse Gear. *Journal of the National Institute of Korean History*. 1989, 7, pp. 1–34 (In Kor.).
14. Lee H. The Military Structure as Seen Through the Weapon Burials at the Bokcheon-dong Tombs. *Museum Research Papers*. 2002, 9, pp. 45–75 (In Kor.).
15. Oh G. Bird Funerals and Vertical Plate Armor. In *Transporters of Souls*. Gimhae: Gimhae National Museum, 2004, pp. 158–167 (In Kor.).
16. Jang S. Gaya Weapons. In *Gaya Tumuli III*. Goryeong: World Heritage Nomination Office for Gaya Tumuli, 2018, pp. 232-263 (In Kor.).
17. Kontsevich, L. R. *Korean Classical Art: Collection of Articles*. Moscow: Nauka, 1972 (In Russ.).
18. Vorobyev, M. V. *Ancient Korea (Historical and Archaeological Essay)*. Moscow: Izdatelstvo Vostochnoy Literatury, 1961 (In Russ.).
19. Gilev A. A. The chronology of Koguryo tombs with wall paintings. *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya, filologiya*. 2009, 8(5), pp. 175-185 (In Russ.).
20. Kim H. Horse-and-rider Pottery and the Reality of Gaya Heavy Cavalry. In *Dissecting Gaya Horse-and-rider Pottery*. Seoul: Juryuseong chulpansa, 2019, pp. 207–236 (In Kor.).

Сведения об авторах

Ахметова Айгуль Ирековна

Факультет повседневного дизайна,
Университет Индже
50819, Республика Корея, г. Кимхэ,
Обан-дон 607, корпус С
akhmetova.aygul@hotmail.com

Глушкова Светлана Юрьевна

Канд. филол. наук, доцент
Кафедра китаеведения и азиатско-
тихоокеанских исследований, Институт
международных отношений, Казанский
(Приволжский) федеральный Университет
420111, Россия, г. Казань ул. Пушкина 1/55
svetaelina@gmail.com

Пак Су Джин

Ph.D в области дизайна, профессор
Факультет мультимедийного дизайна,
Университет Индже
50819, Республика Корея, г. Кимхэ, Обан-
дон 607, корпус С
desjpark@inje.ac.kr

Information about the authors

Aygul I. Akhmetova

Department of U-Design, Inje University
50819, Republic of Korea, Gimhae,
Eobang-dong 607
akhmetova.aygul@hotmail.com

Svetlana Yu. Glushkova

PhD in Philology, Associate Professor
Department of Chinese Studies and Asia-Pacific Studies, Institute of International Relations, Kazan (Volga Region) Federal University
420111, Russia, Kazan, Pushkin St., 1/55
svetaelina@gmail.com

Soo Jin Park

PhD in Design, Professor
Department of Multimedia Design,
Inje University
50819, Republic of Korea, Gimhae,
Eobang-dong 607
desjpark@inje.ac.kr

Информация о статье

Поступила в редакцию: 10.09.24
Одобрена после рецензирования: 21.09.24
Принята к публикации: 30.09.24

Information about the article

The article was submitted 10.09.24
Approved after reviewing 21.09.24
Accepted for publication 30.09.24

The Evolution of the Environmental Policy of the Republic of Korea in 2000-2023

Эволюция экологической политики Республики Корея в 2000-2023 гг.

Хренов Валентин Валерьевич¹,
Нигамадьянова Тамара Бакытовна²

*Уральский федеральный университет имени
первого Президента России Б.Н. Ельцина,
Екатеринбург, Россия*

*Автор, ответственный за переписку:
val-khrenov@yandex.ru*

¹<https://orcid.org/0000-0001-7632-6056>

²<https://orcid.org/0009-0008-5550-7630>

Valentin V. Khrenov¹,

Tamara B. Nigamadianova²

*Ural Federal University named after the First
President of Russia B. N. Yeltsin,
Ekaterinburg, Russia*

*Corresponding author:
val-khrenov@yandex.ru*

¹<https://orcid.org/0000-0001-7632-6056>

²<https://orcid.org/0009-0008-5550-7630>

УДК 94 | НАУЧНАЯ СТАТЬЯ | [HTTPS://DOI.ORG/10.24412/2686-9675-3-2024-49-67](https://doi.org/10.24412/2686-9675-3-2024-49-67)

АННОТАЦИЯ

Предметом исследования являются законодательные акты и экологические программы правительства Республики Корея, направленные на сохранение окружающей среды в стране. Хронологические рамки работы определяются периодом с 2000 г. по 2023 г. Выбор начальной точки обусловлен тем, что с 2000 г. правительство Республики Корея стало постепенно переходить к концепции устойчивого развития, которая и положила начало развитию и реализации «зеленых» технологий в стране.

Республика Корея является одной из первых стран, в которой концепцию «зеленого» роста приняли в качестве национальной стратегии. Южнокорейское правительство на

ABSTRACT

The subject of the study is the legislative acts and environmental programs of the Government of the Republic of Korea aimed at preserving the environment in the country. The chronological framework of the work is defined by the period from 2000 to 2023. The choice of the starting point is due to the fact that since 2000 the government of the Republic of Korea began to move gradually to the concept of sustainable development which initiated the development and implementation of "green" technologies in the country.

The Republic of Korea was one of the first countries to adopt the concept of green growth as a national strategy. Throughout the twenty-first

протяжении всего XXI в. уделяет особое внимание вопросу экологии и борется с ухудшением экологических показателей в стране посредством развития и внедрения «зеленых» технологий в производство. На примере экологической политики Республики Корея можно проследить насколько эффективна и результативна концепция «зеленого роста» в условиях стремительного экономического роста. Политика «зеленого роста» на сегодняшний день продолжает оставаться одним из ключевых направлений деятельности администрации Республики Корея, что обуславливает актуальность работы.

Источниковая база представлена прежде всего нормативно-правовыми актами Республики Корея, а также материалами корейских новостных порталов. Новизна исследования заключается в комплексном рассмотрении экологической политики южнокорейского правительства в XXI в. Был проведен анализ эффективности деятельности правительства Республики Корея по изменению экологической ситуации в стране в условиях устойчивого экономического роста.

Ключевые слова. Экологическая политика, концепция «зеленого» роста, «зеленые» технологии, «зеленая» экономика, Республика Корея.

Для цитирования: Хренов В.В., Нигамадьянова Т.Б. Эволюция экологической политики Республики Корея в 2000-2023 гг. *Современные востоковедческие исследования*. 2024; Том 6 (3). С. 49-67 <https://doi.org/10.24412/2686-9675-3-2024-49-67>

century, the Government of South Korea has emphasized environmental protection and combated the deterioration of the country's environmental performance through the development and implementation of green technologies in production. The Republic of Korea's environmental policy is an example of how effective and efficient the concept of green growth is in the face of rapid economic growth. The policy of "green growth" today continues to be one of the key activities of the administration of the Republic of Korea which determines the relevance of the work.

The source base is represented primarily by legal acts of the Republic of Korea, as well as materials of Korean news portals. The novelty of the study lies in the comprehensive consideration of the environmental policy of the South Korean government in the XXI century. The effectiveness of the Government of the Republic of Korea in changing the environmental situation in the country under conditions of sustainable economic growth was analyzed.

Keywords. Environmental policy, green growth concept, green technology, green economy, Republic of Korea

For citation: Khrenov V.V., Nigamadianova T. B. The Evolution of the Environmental Policy of the Republic of Korea in 2000-2023. *Modern Oriental Studies*. 2024; Volume 6 (№3). P. 49-67 (In Russ.) <https://doi.org/10.24412/2686-9675-3-2024-49-67>

Высокие темпы индустриализации и урбанизации в Республике Корея, начиная с 1961 г., повлекли за собой экологические проблемы, заключающиеся в загрязнении воздуха, воды и почвы. Во второй половине XX в. в интересы страны входило только наращивание своей мощи в экономическом плане, поэтому экология отодвигалась на второй план. По достижении высоких экономических показателей южнокорейское правительство стало уделять больше внимания появившимся экологическим проблемам, так как экологическое состояние страны значительно ухудшилось. Также стоит отметить, что с экономическим ростом Республики Корея возросли и экологические потребности населения страны, которые заключались в улучшении качества среды обитания, что в свою очередь влечет за собой повышение продолжительности жизни, снижение заболеваемости, смертности и улучшении генофонда населения и т. д. [Лазаревич, С. 106].

Ухудшение экологических проблем, которые были вызваны интенсивной индустриализацией и увеличением масштабов производства, способствовало появлению в 1967 г. Сектора загрязнения в составе Министерства здравоохранения и общества, которое в 1973 г. было расширено до Отдела загрязнения, отвечающего за управление окружающей среды, который в 1980 г. был реорганизован в Администрацию по охране окружающей среды. В 1990 г. данная администрация стала Министерством окружающей среды, которое с 1994 г. получило более широкие полномочия для разработки и осуществления своей политики [Introduction].

На фоне усиливающегося загрязнения окружающей среды правительства Республики Корея стали рассматривать пути развития экономики при минимальном причинении вреда природе. Поворотным моментом в принятии решения можно назвать конференцию ООН по окружающей среде и развитию, проходившую в Рио-де-Жанейро в 1992 г., на которой была предложена концепция устойчивого развития государств [Подпругин]. В конечном итоге южнокорейское правительство пришло к выводу, что нужно взять курс на устойчивое развитие экономики. Концепция устойчивого развития экономики нацелена на улучшение благосостояния и защиту планеты. В рамках концепции параллельно должны решаться вопросы по наращиванию экономического роста и проблемы в области образования, здравоохранения, трудоустройства и социальной защиты [Цели в области устойчивого развития], а также приниматься меры по борьбе с изменением климата и защите окружающей среды.

Начиная с 2000-х гг. Республика Корея постепенно стала переходить к концепции устойчивого развития. В июле 2000 г. президент Республики Корея Ким Дэджун сообщил о создании Президентской комиссии по устойчивому развитию, а уже в сентябре комиссия официально приступила к работе и в качестве своей миссии признала важность разработки Национальной стратегии устойчивого развития в различных областях таких, как энергетика, транспорт, изменение климата и т. п. [Republic of Korea]. В состав Президентской комиссии вошли министры, эксперты и представители некоммерческих организаций [Шубенкова,

С. 167]. Данный орган являлся совещательным органом, так как комиссия могла только советоваться с президентом и разрабатывать планы, которые не являлись обязательными к исполнению.

В рамках периода XXI в. оценку экологической политике правительства Ким Дэджунда давать сложно, так как в основном она проводилась в период конца 90-х гг. XX в. По мнению экспертов, нельзя говорить об улучшении окружающей среды при правлении Ким Дэджунда в связи с увеличением случаев превышения установленных нормативов допустимого воздействия на окружающую среду [Ли Чонгван, С. 131-132], однако в этот период предпринимались попытки по внедрению концепции устойчивого развития в национальную политику государства путем создания Президентской комиссии по устойчивому развитию, что указывает на стремление правительства развивать экономику без вреда окружающей среде.

Преемник Ким Дэджунда, Но Мухён, продолжил постепенный переход государства к более экологическим методам ведения экономики. Во время своего выступления в марте 2005 г. на пятой Конференции министров по окружающей среде и развитию в Азиатско-Тихоокеанском регионе, которая проходила в Сеуле, президент Республики Корея Но Мухён отметил важность защиты окружающей среды и дал положительную оценку работе Президентской комиссии по устойчивому развитию. При этом он затронул и тему политики в сфере экологии, которая носила рекомендательный характер: сокращение предприятиями отходов

до минимума на этапе проектирования продукта, переход на «зеленое» потребление [Remarks by President Roh Moo-hyun...]. Также отмечалось, что, в соответствии с Законом о поощрении приобретения экологически чистых продуктов, с июля 2005 г. все государственные организации должны закупать только экологически чистую продукцию.

В этом же 2005 г. стала применяться Специальная стратегия по улучшению атмосферы мегаполисов, которая вызвала спрос на устройства для снижения выбросов выхлопных газов транспортных средств и устройства для контроля загрязнения окружающей среды на крупных предприятиях [Chu Yangmin, P. 4-5].

В июне 2005 г. Но Мухён призвал соответствующие органы власти разработать Национальную стратегию устойчивого развития и соответствующие программы действий совместно с Президентской комиссией по устойчивому развитию [Chung Young-Keun...]. Вскоре после этого Президентская комиссия разработала план действий в рамках Национальной стратегии устойчивого развития и в 2006 г. представила его президенту, но официального принятия и широкого распространения этот план не получил.

В годы правления Но Мухёна по инициативе Министерства окружающей среды в Закон о предотвращении загрязнения морской среды были внесены поправки, касающиеся установления норматива сброса загрязняющих веществ в атмосферу. В соответствии с поправками судовладельцы должны устанавливать на своем судне оборудование, предотвращающее

загрязнение атмосферы, а также только те дизельные двигатели, которые не превышают допустимый норматив выбросов. При этом содержание серы в мазуте не должно превышать допустимые нормы, а все отходы должны перерабатываться на специализированных предприятиях [Prevention of marine pollution act]. При Но Мухёне происходит постепенное ужесточение законов, касающихся загрязнения воздуха. Также был принят Закон об охране диких животных и растений, в рамках которого Министерство окружающей среды устанавливало контроль над дикими животными и растениями [Закон об охране диких животных и растений]. После принятия закона был составлен список видов животных и растений, находящихся под угрозой исчезновения. В итоге на 2005 г. было зарегистрировано 64 вида [Чан Джинсон..., С. 306]. Министерство окружающей среды разрабатывало и продолжает разрабатывать различные проекты по увеличению представителей определенного вида в природе для сохранения биоразнообразия. Например, за последние 20 лет была увеличена численность азиатского медведя с 5 до 85 [Находящаяся под угрозой исчезновения дикая природа].

Анализируя экологическую политику с 2003 г. по 2008 г. можно проследить проявление особого внимания к вопросу загрязнения атмосферы. По данным Министерства окружающей среды, принятие новых законов в период правления Но Мухёна повлекло за собой большой спрос на покупку очистительного и измерительного оборудования, что может говорить о последующем улучшении окружа-

ющей среды. При нем продолжается политика по переходу государства к устойчивому развитию, хотя говорить о быстром переходе затруднительно в связи с тем, что на 2005 г. Индекс экологической устойчивости страны составлял 43 балла из 100 [Esty..., P.5].

Следующий президент, Ли Мёнбак, внес большой вклад в экологическую политику, так как представил низкоуглеродную политику и зеленый рост как национальную концепцию. 15 августа 2008 г. президент Ли Мёнбак объявил «низкоуглеродный зеленый рост» как «новую парадигму национального развития, которая создает новые двигатели роста и рабочие места посредством зеленых технологий и чистой энергии» [Анализ и критика...]. Не только в Республике Корея, но и во всем мире концепция «низкоуглеродного зеленого роста» впервые стала национальной повесткой дня. В цели данной стратегии входит:

- снижение выбросов в атмосферу парниковых газов и адаптация к изменению климата;
- использование «зеленых» технологий;
- повышение благосостояния населения путем «озеленения» жизненного уклада [Игнатова, С. 11].

С конца 2008 г. В Республике Корея началась подготовка по созданию Президентского комитета по зеленому росту и уже в январе 2009 г. данный комитет был официально создан указом президента [Seong Jieun, P. 18]. Президентский комитет по зеленому росту отличался от Президентской комиссии по

устойчивому развитию тем, что планы, разработанные комитетом по зеленому росту, почти всегда доходили до реализации. По этой причине данный орган нельзя назвать только совещательным органом.

Положения нового курса Ли Мёнбака были официально зафиксированы в Национальной стратегии (2009-2050) и первом Пятилетнем плане зеленого роста (2009-2013) [Токарева]. В рамках Национальной стратегии планировалось сокращение производства парниковых газов на 30 % к 2020 г. План (2009-2013) предусматривал увеличение доли ВВП на развитие «зеленого роста» до 2 %, поощрение компаний, которые нацелены на закупку экологически чистых технологий, и поддержку компаний, которые занимаются разработкой «зеленых» технологий.

В 2010 г. вступил в силу Рамочный закон о низкоуглеродном зеленом росте, который был направлен на сокращение парниковых газов, увеличение инвестиций в «зеленые» технологии и повсеместное внедрение этих технологий [Shin, P.30]. В рамках закона также обсуждался вопрос создания Корейской системы торговли квотами на эмиссии парниковых газов. В 2012 г. был принят Закон о распределении и торговле правами на выбросы парниковых газов, однако правительство столкнулось с сопротивлением со стороны бизнеса [Системы торговли квотами...]. С точки зрения бизнеса введение квот на эмиссии парниковых газов могло привести к экономическому спаду, поэтому была введена Система управления целевыми выбросами парниковых газов и энергии.

Она позволяла собирать данные об объемах выбросов, и благодаря ее работе была опробована система мониторинга, отчетности и проверки [Там же]. Только в 2015 г. был принят Закон о торговле квотами на эмиссии парниковых газов.

С 2009 г. по 2012 г. реализовывался Проект четырех больших рек, который подразумевал под собой строительство 16 больших плотин на реках Ханган, Накдонган, Кымган и Йонсанган. В цели проекта входило уменьшение рисков наводнения, сохранение водных ресурсов и их улучшение. Общая стоимость проекта составила 22 млрд долл. США [Lah..., P.376]. За данный проект Ли Мёнбак получил жесткую критику, так как эксперты Комитета по аудиту и инспекциям Республики Корея, проанализировав результаты, дали неудовлетворительную оценку реализации Проекта четырех больших рек [Главный проект президента...].

Экологическую политику Ли Мёнбака можно оценить неоднозначно. С одной стороны, на повестку дня ставилась концепция «низкоуглеродного зеленого роста», принимаются законы для стимулирования развития «зеленых» технологий, увеличились инвестиции в «зеленые» технологии. Но, с другой стороны, с 2008 г. по 2013 г. выбросы парниковых газов только увеличивались, Проект четырех больших рек потерпел неудачу, а Система торговли квотами на эмиссии парниковых газов не была введена в интересах бизнеса. Из этого можно сделать вывод, что, несмотря на заявления о желании наращивать экономическую мощь без ущерба окружающей среде, в период

правления Ли Мёнбака приоритет отдавался экономическому росту, нежели защите окружающей среды. Нельзя отрицать большой вклад Ли Мёнбака в развитие концепции «зеленого роста», но и нельзя сказать о больших достижениях в рамках данной концепции.

С 2013 г. по 2016 г. президентом Республика Корея была Пак Кынхе. В своей избирательной кампании президент заявляла о намерении продолжать развитие концепции устойчивого развития, стремиться к развитию «зеленых» технологий, сократить производство парниковых газов путем сокращения угольных электростанций и развития альтернативных способов получения электроэнергии. С приходом к власти Пак Кынхе не сдержала своего обещания и не уделяла большого внимания вопросу экологии, как это было с предыдущими президентами. За свой короткий период правления Пак Кынхе получила много критики в связи с проводимой экологической политикой.

Во-первых, серьезной критике был подвергнут проект по строительству канатной дороги на гору Сораксан. В 2012 и 2013 г. прошли обсуждения по строительству канатной дороги и два раза данный проект был отклонен Министерством окружающей среды, так как строительство могло нанести вред окружающей среде и исчезающим видам животных [Cable car project...]. В 2015 г. проект был снова вынесен на обсуждение и президент высказывала необходимость реализации данного проекта несмотря на предупреждения Министерства окружающей среды о вреде, которое могло причинить строительство окружающей среде

[Политика Пак Кынхе спустя 3 года...].

Во-вторых, Пак Кынхе говорила о том, что разберется с виновниками провала Проекта четырех больших рек, однако вопрос по привлечению причастных людей так и остался открытым. Никто не понес наказание за ненадлежащее выполнение плана и за растраты государственной казны. Также качество воды продолжало ухудшаться, что опять вызывало критику со стороны общественности.

В-третьих, в планах правительства было увеличение атомных электростанций, несмотря на события аварии на Фукусиме. Протесты против увеличения количества атомных электростанций подавлялись [Там же]. Также в планы входило строительство большего количества тепловых электростанций, которые являются причинами появления мелкодисперсной пыли.

Очень часто в политике Пак Кынхе прослеживается благосклонность к бизнесу и снисходительное отношение к вопросам экологии. Эксперты в области экологии и энергетики оценили работу администрации Пак Кынхе на 1,48 баллов из 5, что свидетельствует о неудачной экологической политике [Экологическая и энергетическая политика...]. В экологической политике президента Пак Кынхе можно увидеть исключительно приоритет вопроса экономического роста, что противоречит концепции «низкоуглеродного зеленого роста». Помимо этого, показатели выбросов парниковых газов с каждым годом продолжали увеличиваться [Национальный статус выбросов парниковых газов...].

В целом доля экологической отрасли в области промышленности выросла в 7 раз с 0,38% в 2005 г. до 2,82% в 2015 г. [The politics of climate change...]. Южнокорейские компании стали ведущими производителями экологически чистой продукции, но почти вся продукция создавалась для международного рынка и шла на экспорт. Это может быть показателем того, что Республика Корея оказалась не совсем готова к резкому переходу на «зеленые» технологии.

2017 г. стал годом смены пассивной экологической политики Пак Кынхе на более активную, проводимую Мун Джэином. Также период правления Мун Джэина характеризуется сменой низкоуглеродной экологической политики на политику углеродной нейтральности. После объявления импичмента президенту Пак Кынхе, весной 2017 г. начались досрочные выборы в президенты. В своей избирательной кампании кандидат Мун Джэин ставил целью сокращение атомных электростанций из соображений безопасности и тепловых электростанций в связи с сильным загрязнением воздуха мелкодисперсной пылью. После правления администрации Пак Кынхе проблема мелкодисперсной пыли стала национальной проблемой, которую срочно нужно было решать последующим президентам [Cho Bongkyun..., P. 3].

В 2017 г. администрация Мун Джэина поставила 100 национальных задач, среди которых есть четыре задачи, касающиеся экологии. Так, задача №37 — это развитие экологически чистой энергии будущего, №58 — создание среды без мелкодисперсной пыли, №60 — политика поэтапного отказа от ядерной энергетики и переход к экологически чистой энергетике,

и №61 — предотвращение глобального потепления [Углеродная нейтральность].

Основным направлением в экологической политике Мун Джэина была энергетика. Еще при правительстве Пак Кынхе обсуждался вопрос остановки энергоблока «Кори-1», но обсуждения не принесли плодотворного результата, поэтому его работа продолжалась в штатном режиме. Однако при Мун Джэине в 2017 г. данный энергоблок был выведен из эксплуатации [Касымова, С. 212].

Следующим шагом по сокращению зависимости от атомной энергетики стала приостановка строительства пятого и шестого энергоблоков атомной электростанции «Сингори», которые планировалось запустить в 2021 и 2022 г. [Там же]. Была принята «дорожная карта» в рамках национальной задачи №60. Дорожная карта включала следующие планы: отмену строительства новых атомных электростанций, досрочное закрытие реактора «Вольсон-1», запрет на продление срока эксплуатации старых атомных электростанций [Углеродная нейтральность].

В том же 2017 г. Мун Джэин распорядился временно приостановить работу старых теплоэлектростанций для сокращения мелкодисперсной пыли, также была введена Система сезонного управления мелкой пылью, суть которой заключалась в сезонном отключении определенных теплоэлектростанций в периоды наименьшего расхода электроэнергии [Новый курс Южной Кореи]. Одновременно рассматривался вопрос закрытия 10 станций к 2022 г. [Президент Мун Джэин...]. Так, в 2017 г. закрылось три теплоэлектростанции, а в 2019 г. —

еще одна [Проверка фактов К]. В 2019 г. принимается Специальный закон о сокращении мелкодисперсной пыли, который предусматривал ужесточение контроля над выбросами вредных веществ, штрафы за превышение производства мелкой пыли, и устанавливал правила снижения интенсивности дорожного движения в случае возникновения чрезвычайной ситуации и т.д. [Специальный закон о сокращении...]. В рамках национальной задачи №58 планировалась смена парка общественного транспорта. Предполагалось, что к 2030 г. весь общественный транспорт Республики Корея полностью перейдет на электричество или водород [Касимова, С. 212]. Помимо общественного транспорта, правительство уделяло внимание и вопросу личного транспорта: активно инвестировало в разработку электрических машин и их производство, увеличивало количество зарядных станций и различными способами поощряло переход граждан на электрокары.

Сокращение производства атомной и тепловой энергии планировалось компенсировать развитием возобновляемых источников энергии. В конце 2020 г. правительство Мун Джэина поставило цель достичь углеродной нейтральности и опубликовало Стратегию углеродной нейтральности (2050 г.), положения которой включали снижение зависимости энергетики от угля и переход к возобновляемым источникам энергии [25 years of ambitious environmental reform]. Была поставлена цель увеличить долю производства возобновляемой энергии с 7 % в 2017 до 20 % в 2030 г. [Chung Suhyong..., P.6]. Промежуточным источником энергии перед переходом на возобновляемые источники

энергии должен был выступать сжиженный природный газ, но из обещанных 7 электростанций только 2 перешли на использование газа, что могло быть вызвано более высокой стоимостью ресурса. Также в целях борьбы с глобальным потеплением были повышены цены на квоты на выбросы парниковых газов, однако компании заявляли о финансовых тяготах нововведения.

В мае 2021 г. была создана Комиссия по углеродной нейтральности и зеленому росту (2050) [Ibid], которая стала заниматься созданием и разработкой планов для достижения углеродной нейтральности в ближайшие десятилетия. В сентябре 2021 г. был принят Закон об углеродной нейтральности, который официально закреплял цели Стратегии углеродной нейтральности правительства Мун Джэина.

Подводя итог экологической политике правительства, Мун Джэина можно выделить несколько плюсов и минусов его политики. Из плюсов можно выделить сокращение мелкодисперсной пыли путем временного приостановления работы теплоэлектростанций, вывода из эксплуатации старых угольных станций и введения Системы сезонного управления мелкой пылью. Анализируя данные по выбросам пыли PM2.5 можно проследить положительную тенденцию по сокращению мелких частиц в воздухе. К еще одному плюсу можно отнести увеличение процентной доли возобновляемых источников энергии в общем производстве электроэнергии с 8,18 % в 2017 г. до 9,22 % в 2022 г. [Коэффициент выработки новой и возобновляемой энергии]. Хотя результаты далеки от поставленных задач, но повыше-

ние роли возобновляемых источников энергии все же присутствует.

Самым главным минусом экологической политики Мун Джэина является завышение прогнозов. Под этим подразумевается нереальные цели по достижению углеродной нейтральности к 2030 и 2050 г., а также по планам отказаться от атомных электростанций. Республика Корея является страной с развитой экономикой и страной с развитой промышленностью, что обуславливает количество потребляемого объема энергии. На сегодняшний день и в ближайшие десятилетия возобновляемые источники энергии не смогут достичь мощи атомных и тепловых электростанций. Немаловажную роль играет и разница в стоимости возобновляемых источников энергии и полезных ископаемых. Именно поэтому прогнозы правительства насчет энергетики не являются реальными. Вторым минусом можно назвать неудачную политику по сокращению парниковых газов и предотвращению глобального потепления. Несмотря на активное внедрение различных законов и создание Комиссии по углеродной нейтральности, уровень выбросов парниковых газов до сих пор остается высоким. Пик выбросов парниковых газов приходится на 2018 г., последующие два года наблюдается спад, который мог быть вызван пандемией, а в 2021 г. снова наблюдалось повышение показателей, что говорит о недостаточно удачной политике государства в этой сфере. Достижение поставленных целей правительством Мун Джэина, очевидно, затянется на очень долгий период, но, как бы то ни было, продвижение администрацией Мун Джэина углеродной нейтрально-

сти внесло огромный вклад в экологическую политику страны и этого нельзя отрицать.

В 2022 г. после очередных выборов в президенты Республики Корея победу одержал Юн Сокёль. Как и все предыдущие президенты, Юн Сокёль в своей избирательной кампании отметил важность вопроса экологии и заявил о своем намерении продолжать стратегию Мун Джэина по достижению углеродной нейтральности. При уже непосредственном вступлении Юн Сокёля на должность было разработано несколько направлений в экологической политике:

- 1) внедрение инноваций в системе производства электроэнергии на основе гармонизации возобновляемых источников энергии и атомной энергии;
- 2) проведение исследований и разработок для развития зеленых технологий;
- 3) усовершенствование Системы торговли квотами на эмиссию парниковых газов;
- 4) активное сотрудничество со странами;
- 5) реструктуризация концепции углеродной нейтральности и «зеленого» роста [Chung Suhyong..., P.9].

Отсюда видно, что экологическая политика Юн Сокёля заметно отличается от политике Мун Джэина в этой области. Если политика Мун Джэина была направлена на полный отказ от ядерной энергетики, то при Юн Сокёле, наоборот, идет развитие атомной энергетики наряду с возобновляемыми источниками энергии. Администрация Юн Сокёля отметила невыполнимость поставленных задач Мун Джэина по полному отказу атомной энергии и переходу к возобновляемым источникам энергии [Десятый

базовый план спроса и предложения...].

В мае 2022 г. была объявлена «Национальная повестка дня», которая во многом перекликалась с национальными задачами Мун Джэина. В «Национальную повестку дня» были включены активная разработка мер по обеспечению углеродной нейтральности, сокращение в городах доли транспорта на дизельных двигателях, продление Системы сезонного управления мелкодисперсной пылью, переход к безотходному производству.

В апреле 2023 г. правительство объявило о первом национальном Базовом плане углеродной нейтральности и зеленого роста, целью которого стало сокращение выбросов парниковых газов на 40 % к 2030 г. [Энергетика]. Была поставлена новая цель: к 2030 г. увеличить процент доли возобновляемых источников энергии до 21,6 % по сравнению с 2020 г. Также планировалось расширение атомных электростанций и сокращение старых угольных электростанций, увеличение инвестиций в сектор возобновляемых источников.

В октябре 2023 г. был создан Альянс без выбросов углекислого газа, инициатором в создании которого был Юн Сокёль [Там же]. Альянс включает несколько частных организаций и компаний, которые должны создать план, направленный на углеродную нейтральность, и реализовать его в течение определенного времени.

В декабре 2023 г. Юн Сокёлем был одобрен проект по строительству энергоблоков. Было подписано соглашение с компанией «Хёндэ Энджиниринг энд Констракшн» («Hyundai Engi-

neering & Construction») по продолжению строительства 3 и 4 энергоблоков атомной электростанции «Шинхануль» [Углеродная нейтральность]. Также в планах у правительства продлить срок эксплуатации 10 действующих атомных электростанций [Зуева, С. 213].

Экологическая политика Юн Сокёля почти сразу столкнулась с критикой местных жителей и экологических групп [Через год после избрания...]. Причиной критики стала проблема безопасности, которая по мнению жителей и экологических групп несовместима с атомными электростанциями, примером чего стала авария в Японии на Фукусиме в 2011 г. Также отметили строительство еще двух теплоэлектростанций в условиях отказа от угля, что противоречило установленным целям. Строительство второго аэропорта на острове Чеджу осудили в силу нецелесообразности строительства.

Оценивать экологическую политику в настоящий момент затруднительно, так как Юн Сокёль находится у власти два года, но уже можно проследить основные направления его политики. В целом Юн Сокёль продолжает экологическую политику Мун Джэина, но с некоторыми отличиями в вопросе энергетики: администрация Юн Сокёля рассматривает атомную энергию как способ перехода страны к углеродной нейтральности в связи с тем, что возобновляемые источники энергии не смогут снабжать производство энергией в том объеме, в котором требуется. Стремительное развитие атомной энергетики в будущем приведет к резкому увеличению ядерных отходов, также атомные электростанции опасны сами по себе, что опять же вызывает вопросы о правильности проводимой

политики. Остается только наблюдать к каким результатам приведет экологическая политика Юн Сокёля, сможет ли его политика приблизить страну к углеродной нейтральности пока неизвестно.

Таким образом, начиная с 2000 г., наблюдается постепенное внедрение концепции устойчивого развития в национальную политику Республики Корея. Ким Дэджун и Но Мухён постепенно создавали основу для перехода страны к «зеленому» росту. При их правлении увеличился спрос на очистительное оборудование и усилился контроль за качеством воздуха, водных ресурсов и почвы. Президентская комиссия по устойчивому развитию стала в какой-то степени предшественником Президентской комиссии по зеленому росту, которая образовалась уже при Ли Мёнбаке. Ли Мёнбак впервые внедрил концепцию «низкоуглеродного зеленого роста» в национальную политику, показывая важность вопроса сосуществования экономического роста и экологии. Решения Ли Мёнбака были направлены на распространение «зеленых» технологий, сокращение парниковых газов, были приняты законы о «низкоуглеродном зеленом росте», а также разрабатывался важный Закон о торговле квотами на эмиссии выбросов парниковых газов. Однако и Ли Мёнбак и Пак Кынхе больше уделяли внимания экономическому росту и бизнесу, нежели вопросам загрязнения окружающей среды.

Период 2017-2023 является важным периодом в истории экологической политики Республики Корея из-за того, что внутренние экологические проблемы решались наряду с глобальными. Впервые проблема мелкодис-

персной пыли решалась в том же масштабе, что проблема парниковых газов, которая является глобальной проблемой. Экологическая политика Юн Сокёля почти не отличается от политики Мун Джэина, однако при президенте Юне идет не сокращение атомных электростанций, а их наращивание. В связи с увеличением роли атомной энергетики возникают вопросы о будущей утилизации ядерных отходов и гарантий безопасности.

Список литературы

1. Лазаревич Н. А. Реализация экологических потребностей общества в современных условиях. *Труды БГТУ. Серия 6: История, философия.* №5 (178). 2015. С. 105-108.
2. Introduction. *Ministry of Environment* [Official site]. URL: <https://eng.me.go.kr/eng/web/index.do?menuId=471> (accessed 06.04.2024)
3. Подпругин М. О. Понятия устойчивости и устойчивого развития в современной экономической науке. *Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук.* URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ponyatiya-ustoychivosti-i-ustoychivogo-razvitiya-v-sovremennoy-ekonomicheskoy-nauke> (дата обращения 06.04.2024)
4. Цели в области устойчивого развития. *ООН* [Официальный сайт]. URL: <https://www.un.org/sustainabledevelopment/ru/> (дата обращения 06.04.2024)
5. Republic of Korea. *UNO* [Official site]. URL: <https://sustainabledevelopment.un.org/>

- memberstates/republicofkorea (accessed 06.04.2024)
6. Шубенкова А. Ю. Сравнительный анализ участия общественных групп в формулировании государственных стратегий в России, Норвегии и Южной Корее. *Вопросы государственного и муниципально-го управления*. №2. 2012. С. 162-171.
 7. Ли Чонгхван. Комплексная оценка экологической политики правительства Ким Дэджунга (이정환. 대중 정부환경 정책 총평가). *Окружающая среда и жизнь (환경과 생명)*. № 34. 2002. С. 131-132 (на кор. яз.).
 8. Remarks by President Roh Moohyun at the Opening of the Fifth Ministerial Conference on Environment and Development in Asia and the Pacific, 2005. *Hyundai Research Institute*. URL: <https://www.hri.co.kr/upload/board/RemarksByPresidentRohMoohyunAtTheOpeningOfTheFifthMinisterialConference.PDF> (accessed 10.04.2024)
 9. Chu Jangmin. Korea Environmental Policy Bulletin. *Ministry of Environment*. № 5. 2007. P. 1-12.
 10. Chung Young-Keun, Hwang Kumju. The Korean National Strategy for Sustainable Development. *Sustainable Development*. URL: <https://www.un.org/esa/sustdev/natlinfo/nsds/tmKorea/backgroundReport.pdf> (accessed 10.04.2024)
 11. Prevention of marine pollution act. *Korea Law Information Center*. URL: <https://www.law.go.kr/LSW/eng/engLsSc.do?menuId=2&query=#liBgcolor18> (accessed 10.04.2024)
 12. Закон об охране диких животных и растений (야생동·식물보호법). *Министерство государственного законодательства [Официальный сайт] (법제처)*. URL: <https://goo.su/ZG5ct> (дата обращения 22.05.2024) (на кор. яз.).
 13. Чан Джинсон, Ли Хынсу, Пак Тхэюн, Ким Хви. Оценка Министерством окружающей среды диких видов растений, находящихся под угрозой исчезновения, на основе стандартов Красного списка МСОП (장진성, 이흥수, 박태윤, 김휘. IUCN 적색목록 기준에 의한 환경부 멸종위기 야생식물종에 대한 평가). *Журнал корейского экологического общества (한국생태학회지)*. № 28. 2005. С. 305-320 (на кор. яз.).
 14. Находящаяся под угрозой исчезновения дикая природа (멸종위기 야생생물). *Национальный институт экологии (국립생태원)*. URL: <https://www.nie.re.kr/nie/pgm/edSpecies/view.do?menuNo=200127&speciesSn=3> (дата обращения 22.05.2024) (на кор. яз.).
 15. Esty D., Levy M., Srebotnjak T., Sherbinin A. 2005 Environmental Sustainability Index: Benchmarking National Environmental Stewardship. New Haven: Yale Center for Environmental Law & Policy, 2005. 408 p.
 16. Анализ и критика политики зеленого роста правительства Кореи (한국정부의 녹색성장 정책분석과 비판). *Национальная федерация демократических профсоюзов (전국민주노동조합총연맹)*. URL: <https://clck.ru/3ATVbH> (дата обращения 13.04.2024) (на кор. яз.).
 17. Игнатова И. На пути к «зеленому росту»: опыт Китая, Южной Кореи и Японии. *Ма-*

- териалы научной студенческой конференции. № 1. 2019. С. 1-17.
18. Seong Jieun. The Green Growth Policy of the Lee Myungbak Government: Policy Integration Perspectives for System Transition. *STI Policy Review*. № 2. 2011. P. 11-24.
 19. Токарева О. С. Политика по сокращению выбросов парниковых газов в рамках южнокорейской Стратегии «зеленого роста». *The Newman in Foreign Policy*. № 35(79). 2017. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/politika-po-sokrascheniyu-vybrosov-parnikovyh-gazov-v-ramkah-yuzhnokoreyskoy-strategii-zelenogo-rosta/viewer> (дата обращения 14.05.2024)
 20. Shin D. Political Opportunity Structure and the Institutionalization of Green Movements in Korea: The case of the Green Party. *KAS Journal on Contemporary Korean Affairs*. № 2. 2015. P. 7-43.
 21. Системы торговли квотами на выбросы парниковых газов в Азиатско-Тихоокеанском регионе. *Министерство экономического развития Российской Федерации* [Официальный сайт]. URL: https://www.economy.gov.ru/material/file/d8d7071b90d7af3818ec3a836355244f/ETS_ATP.pdf (дата обращения 14.04.2024)
 22. Lah T., Park Yeoul, Cho Yoonjik. The Four Major Rivers Restoration Project of South Korea. *The Journal of Environment & Development*. № 4. 2015. P. 375-394.
 23. Главный проект президента Южной Кореи назван "провальным". *Российская газета*. URL: <https://rg.ru/2013/01/18/proekt-site-anons.html?ysclid=lvgt4zkrar313162094> (дата обращения 14.04.2024)
 24. Cable car project at Mount Seorak may face suspension. *The Korea Times*. URL: https://www.koreatimes.co.kr/www/nation/2024/04/113_274318.html (accessed 16.04.2024)
 25. Политика Пак Кынхе спустя 3 года «Экологическая политика администрации Пак Кынхе представляет собой дерегулирование и не имеет устойчивости» (박근혜 정부 3년 ‘박근혜 정부 환경정책은 규제 완화, 지속가능성은 없다’). *Зеленое объединение (녹색연합)*. URL: <https://www.greenkorea.org/activity/ecosystem-conservation/nationalpark-preservation/51349/> (дата обращения 16.04.2024) (на кор. яз.).
 26. Экологическая и энергетическая политика администрации Пак Кынхе: 1,48 балла из 5 (박근혜정부 환경·에너지정책, 5점 만점에 1.48점). *Экожурнал (에코저널)*. URL: <https://www.ecojournal.co.kr/news/view.php?idx=99997> (дата обращения 16.04.2024) (на кор. яз.).
 27. Национальный статус выбросов парниковых газов (국가 온실가스 배출현황). *e-Нарачжунхё (e-나라지표)*. URL: https://www.index.go.kr/unity/potal/main/EachDtlPageDetail.do?idx_cd=1464 (дата обращения 16.04.2024) (на кор. яз.).
 28. The politics of climate change in a neo-developmental state: The case of South Korea. *International Political Science Review*. URL: <https://journals.sagepub.com/>

- doi/10.1177/0192512120924741 (accessed 16.04.2024)
29. Cho Bongkyung, Chung Jibum, Song Changkeun. National climate change governance and lock-in: Insights from Korea's conservative and liberal governments' committees. *Energy Strategy Reviews*. № 1. 2023. P. 1-11.
30. Углеродная нейтральность (탄소중립 포커스). *Делимся с лесом (숲과나눔)*. URL: https://blog.naver.com/korea_she/222727244145 (дата обращения 03.05.2024) (на кор. яз.).
31. Касымова Б. М. Экологическая политика президента Мун Чжэ Ина. *Молодой учёный*. № 22. 2020. С. 212-213.
32. Новый курс Южной Кореи (한국판 뉴딜). *Министерство государственного управления и безопасности* [Официальный сайт] (*행정안전부*). URL: <http://webarchives.pa.go.kr/19th/report.president.go.kr/story/view/6> (дата обращения 03.05.2024) (на кор. яз.).
33. Президент Мун Джэин распорядился временно приостановить работу старых теплоэлектростанций (문재인 대통령, 노후 화력발전소 일시 가동중단 지시). *Йонхван новости (연합뉴스)*. URL: <https://www.yna.co.kr/view/MYN20170515014300038> (дата обращения 03.05.2024) (на кор. яз.).
34. Проверка фактов К (팩트체크K). *KBS News*. URL: <https://news.kbs.co.kr/news/pc/view/view.do?ncd=4118087> (дата обращения 03.05.2024) (на кор. яз.).
35. Специальный закон о сокращении и управлении мелкой пылью (미세먼지 저감 및 관리에 관한 특별법 시행령). *Министерство государственного законодательства* [Официальный сайт] (*법제처*). URL: <https://www.law.go.kr/LSW/lsInfoP.do?efYd=20190215&lsiSeq=207709#0000> (дата обращения 03.05.2024) (на кор. яз.).
36. 25 years of ambitious environmental reform. *OECD*. URL: <https://www.oecd.org/country/korea/thematic-focus/25-years-of-ambitious-environmental-reform-16cde12d/> (accessed 03.05.2024).
37. Chung Suhyong, Lee Goueun. South Korea's Climate Change Policy: Achievements And Tasks Ahead. *Korea's Economy*. № 1.2022. P. 1-11.
38. Коэффициент выработки новой и возобновляемой энергии (신*재생에너지발전비율). *Джипхёнури (지표누리)*. URL: <https://www.index.go.kr/unify/idx-info.do?idxCd=4293> (дата обращения 03.05.2024) (на кор. яз.).
39. Десятый базовый план спроса и предложения электроэнергии, построение осуществимой и сбалансированной структуры энергопотребления (제10차 전력수급기본계획, 실현가능하고 균형잡힌 전원믹스 구성). *Брифинг по вопросам политики Республики Корея (대한민국 정책브리핑)*. URL: <https://www.korea.kr/briefing/actuallyView.do?newsId=148910542&pWise=mSub&pWiseSub=C1#actually> (дата обращения 04.05.2024) (на кор. яз.).

40. Энергетика (에너지). *Юридическая газета (법률신문)*. URL: <https://www.lawtimes.co.kr/LawFirm-NewsLetter/194793> (дата обращения 04.05.2024) (на кор. яз.).
41. Зуева А. Г. Экономические вызовы Республики Корея на современном этапе. *Современные проблемы Корейского полуострова*. 2022. С. 207-216.
42. Через год после избрания президента Юна климатическая и экологическая политика лишь отступила (윤 대통령 당선 1년, 기후·환경 정책은 후퇴하기만). *Hani*. URL: <https://www.hani.co.kr/arti/society/environment/1082876.html> (дата обращения 04.05.2024) (на кор. яз.).
4. Sustainable Development Goals. *ООН* [Official site]. <https://www.un.org/sustainabledevelopment/ru/> (accessed 06.04.2024) (In Russ.)
5. Republic of Korea. *UNO* [Official site]. <https://sustainabledevelopment.un.org/memberstates/republicofkorea> (accessed 06.04.2024)
6. Shubenkova A. Yu. Comparative analysis of the participation of public groups in the formulation of government strategies in Russia, Norway and South Korea. *Voprosy gosudarstvennogo i municipal'nogo upravlenija*. 2012. No.2, pp. 162-171. (In Russ.)
7. Lee Chung-hwan. Comprehensive assessment of the environmental policy of the Kim Dae-jung's Government. *Hwangiongwa saengmyung*. 2002. No. 34, pp. 131-132. (In Korean)

References

1. Lazarevich N. A. Implementation of the environmental needs of society in modern conditions. *Trudy BGTU. Serija 6: Istorija, filosofija*. 2015. No.5 (178), pp. 105-108. (In Russ.)
2. Introduction. *Ministry of Environment* [Official site]. <https://eng.me.go.kr/eng/web/index.do?menuId=471> (accessed 06.04.2024)
3. Podprugin M. O. The concepts of sustainability and sustainable development in modern economics. *Aktual'nye problemy gumanitarnyh i estestvennyh nauk*. <https://cyberleninka.ru/article/n/ponyatiya-ustoychivosti-i-ustoychivogo-razvitiya-v-sovremennoy-ekonomicheskoy-nauke> (accessed 06.04.2024) (In Russ.)
8. Remarks by President Roh Moohyun at the Opening of the Fifth Ministerial Conference on Environment and Development in Asia and the Pacific, 2005. *Hyundai Research Institute*. <https://www.hri.co.kr/upload/board/RemarksByPresidentRohMoohyunAtTheOpeningOfTheFifthMinisterialConference.PDF> (accessed 10.04.2024)
9. Chu Jangmin. Korea Environmental Policy Bulletin. *Ministry of Environment*. 2007. No. 5, pp. 1-12.
10. Chung Young-Keun, Hwang Kumju. The Korean National Strategy for Sustainable Development. *Sustainable Development*. <https://www.un.org/esa/sustdev/natlinfo/nsds/tmKorea/backgroundReport.pdf> (accessed 10.04.2024)

11. Prevention of marine pollution act. *Korea Law Information Center*. <https://www.law.go.kr/LSW/eng/engLsSc.do?menuId=2&query=#liBgcolor18> (accessed 10.04.2024)
12. The Law on the Protection of Wild Animals and Plants. *Beomjaecheo* [Official site]. <https://goo.su/ZG5ct> (accessed 22.05.2024) (In Korean)
13. Jang Jin-sung, Lee Hung-su, Park Thae-yun, Kim Hwi. Assessment by the Ministry of Environment of endangered wild plant species based on IUCN Red List standards. *Hankook Sengthaehakhweji*. 2005. No. 28, pp. 305-320 (In Korean)
14. Endangered wildlife. *Kookripsengthaewon*. <https://www.nie.re.kr/nie/pgm/edSpecies/view.do?menuNo=200127&speciesSn=3> (accessed 22.05.2024) (In Korean)
15. Esty D., Levy M., Srebotnjak T., Sherbinin A. 2005 Environmental Sustainability Index: Benchmarking National Environmental Stewardship. New Haven: Yale Center for Environmental Law & Policy, 2005, 408 p.
16. Analysis and criticism of the Korean Government's green growth policy. *Jonkook minju nodong johap chongyeonmeng*. <https://clck.ru/3ATVbH> (accessed 13.04.2024) (In Korean)
17. Ignatova I. On the way to "green growth": the experience of China, South Korea and Japan. *Materialy nauchnoj studencheskoj konferencii*. 2019. No. 1, pp. 1-17. (In Russ.)
18. Seong Jieun. The Green Growth Policy of the Lee Myungbak Government: Policy Integration Perspectives for System Transition. *STI Policy Review*. 2011. No. 2, pp. 11-24.
19. Tokareva O. S. Policies to reduce greenhouse gas emissions under South Korea's Green Growth Strategy. *The Newman in Foreign Policy*. 2017. No. 35(79). <https://cyberleninka.ru/article/n/politika-posokrascheniyu-vybrosov-parnikovyh-gazov-v-ramkah-yuzhnokoreyskoj-strategii-zelenogo-rosta/viewer> (accessed 14.05.2024) (In Russ.)
20. Shin D. Political Opportunity Structure and the Institutionalization of Green Movements in Korea: The case of the Green Party. *KAS Journal on Contemporary Korean Affairs*. 2015. No. 2, pp. 7-43.
21. Greenhouse gas emissions trading systems in Asia and the Pacific. *Ministerstvo jekonomicheskogo razvitija Rossijskoj Federacii* [Official site]. https://www.economy.gov.ru/material/file/d8d7071b90d7af3818ec3a836355244f/ETS_ATP.pdf (accessed 14.04.2024) (In Russ.)
22. Lah T., Park Yeoul, Cho Yoonjik. The Four Major Rivers Restoration Project of South Korea. *The Journal of Environment & Development*. 2015. No. 4, pp. 375-394.
23. South Korea's president's major project is called a "failure". *Rossijskaja gazeta*. <https://rg.ru/2013/01/18/proekt-site-anons.html?ysclid=lvvtg4zkrar313162094> (accessed 14.04.2024) (In Russ.)
24. Cable car project at Mount Seorak may face suspension. *The Korea Times*. <https://www.koreatimes.co.kr/www/>

- nation/2024/04/113_274318.html
(accessed 16.04.2024)
25. Park Geun-hye's policy after 3 years "The Park Geun-hye administration's environmental policy is deregulation and lacks sustainability". *Noksaekyeonhap*. <https://www.greenkorea.org/activity/ecosystem-conservation/nationalpark-preservation/51349/> (accessed 16.04.2024) (In Korean)
 26. Park Geun-hye administration's environmental and energy policy: 1.48 points out of 5. *Ekojeoneol*. <https://www.ecojournal.co.kr/news/view.php?id=99997> (accessed 16.04.2024) (In Korean)
 27. National status of greenhouse gas emissions. *e-Narajiphyo*. https://www.index.go.kr/unity/potal/main/EachDtlPageDetail.do?idx_cd=1464 (accessed 16.04.2024) (In Korean)
 28. The politics of climate change in a neo-developmental state: The case of South Korea. *International Political Science Review*. <https://journals.sagepub.com/doi/10.1177/0192512120924741> (accessed 16.04.2024)
 29. Cho Bongkyung, Chung Jibum, Song Changkeun. National climate change governance and lock-in: Insights from Korea's conservative and liberal governments' committees. *Energy Strategy Reviews*. 2023. No. 1, pp. 1-11.
 30. Carbon neutrality. *Soopkwanaoom*. https://blog.naver.com/korea_she/222727244145 (accessed 03.05.2024) (In Korean)
 31. Kasymova B. M. President Moon Jae-in's environmental policy. *Molodoj uchjonyj*. 2020. No. 22, pp. 212-213. (In Russ.)
 32. South Korea's new course. *Haengjeongan-jeonboo* [Official site]. <http://webarchives.pa.go.kr/19th/report.president.go.kr/story/view/6> (accessed 03.05.2024) (In Korean)
 33. President Moon Jae-in ordered the temporary suspension of old thermal power plants. *Yeonhap News*. <https://www.yna.co.kr/view/MYH20170515014300038> (accessed 03.05.2024) (In Korean)
 34. K fact check. *KBS News*. <https://news.kbs.co.kr/news/pc/view/view.do?ncd=4118087> (accessed 03.05.2024) (In Korean)
 35. Special Act for the Reduction and Management of Fine Dust. *Beopjecheo* [Official site]. <https://www.law.go.kr/LSW/lInfoP.do?efYd=20190215&lsiSeq=207709#0000> (accessed 03.05.2024) (In Korean)
 36. 25 years of ambitious environmental reform. *OECD*. <https://www.oecd.org/country/korea/thematic-focus/25-years-of-ambitious-environmental-reform-16cde12d/> (accessed 03.05.2024).
 37. Chung Suhyong, Lee Goueun. South Korea's Climate Change Policy: Achievements And Tasks Ahead. *Korea's Economy*. 2022. No. 1, pp. 1-11.
 38. New and renewable energy generation ratio. *Jiphyonoori*. <https://www.index.go.kr/unify/idx-info.do?idxCd=4293> (accessed 03.05.2024) (In Korean)

39. The 10th Basic Electricity Supply and Demand Plan, building a feasible and balanced energy consumption structure. *Taehankook jeongchaekbrifing*. <https://www.korea.kr/briefing/actuallyView.do?newsId=148910542&pWise=mSub&pWiseSub=C1#actually> (accessed 04.05.2024) (In Korean)
40. Energy. *Beopryulsinmoon*. <https://www.lawtimes.co.kr/LawFirm-NewsLetter/194793> (accessed 04.05.2024) (In Korean)
41. Zueva A. G. Current economic challenges of the Republic of Korea. *Sovremennye problemy Korejskogo poluoostrova*. 2022, pp. 207-216. (In Russ.)
42. A year after President Yun's election, climate and environmental policy has only backfired. *Hani*. <https://www.hani.co.kr/arti/society/environment/1082876.html> (accessed 04.05.2024) (In Korean)

Сведения об авторах

Хренов Валентин Валерьевич,

Кандидат исторических наук, доцент кафедры востоковедения

Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б. Н. Ельцина, Екатеринбург, Россия

val-khrenov@yandex.ru

Нигамадьянова Тамара Бакытовна,

Студент 4 курса востоковедения

Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б. Н. Ельцина, Екатеринбург, Россия

nigamadt@gmail.com

Information about the authors

Valentin V. Khrenov

PhD in History, Associate Professor, Chair of Oriental Studies

Ural Federal University named after the First President of Russia B. N. Yeltsin, Ekaterinburg, Russia

val-khrenov@yandex.ru

Tamara B. Nigamadianova

Ural Federal University named after the First President of Russia B. N. Yeltsin, Ekaterinburg, Russia

nigamadt@gmail.com

Информация о статье

Поступила в редакцию: 10.09.24

Одобрена после рецензирования: 21.09.24

Принята к публикации: 30.09.24

Information about the article

The article was submitted 10.09.24

Approved after reviewing 21.09.24

Accepted for publication 30.09.24

Archimandrite Peter (Kamensky) and his contribution to the process of acquiring and systematizing Chinese books

Архимандрит Петр (Каменский) и его вклад в процесс приобретения и систематизации китайских книг

Харитоновна Анна Михайловна

Санкт-Петербургский государственный университет,

Санкт-Петербург, Россия

a.kharitonova@spbu.ru,

<https://orcid.org/0000-0003-4234-5579>

Anna M. Kharitonova

St. Petersburg State University, St.

Petersburg, Russia

a.kharitonova@spbu.ru,

<https://orcid.org/0000-0003-4234-5579>

УДК 94 | НАУЧНАЯ СТАТЬЯ | [HTTPS://DOI.ORG/10.24412/2686-9675-3-2024-68-83](https://doi.org/10.24412/2686-9675-3-2024-68-83)

АННОТАЦИЯ

В статье рассмотрена деятельность архимандрита Петра Каменского (1765-1845), связанная с процессом приобретения китайских книг в Пекине. Актуальность выбранной темы обусловлена тем, что данный частный исследовательский вопрос в науке еще не был изучен. Ключевыми источниками являются материалы архива внешней политики Российской Империи (г. Москва) и систематический каталог китайских рукописей и ксилографов Публичной библиотеки. Источниковедческий метод исследования позволил наиболее полно изучить архивные материалы. С помощью герменевтического метода удалось наиболее объективно интерпретировать соответствующие данные.

ABSTRACT

The article examines the activities of Archimandrite Peter Kamensky (1765-1845) related to the process of acquiring Chinese books in Beijing. The chosen topic has not yet been studied in the scholarship. The key sources are materials from the Archive of Foreign Policy of the Russian Empire (Moscow) and the systematic catalog of Chinese manuscripts and woodcuts of the Public Library (Saint-Petersburg). The paper abides to the source research method which suggests a careful study of the archival materials. The hermeneutic method allowed to interpret the relevant data most objectively.

Archimandrite Peter Kamensky played important role in acquiring and systematizing Chi-

Архимандрит Петр Каменский сыграл большую роль в процессе приобретения и систематизации китайских книг. Под его началом успешно обучались восточным языкам члены миссии, способные впоследствии к практической переводческой деятельности. Архимандрит Петр сам активно переводил китайские и маньчжурские источники на русский язык, о чем свидетельствуют сохранившиеся в архивах реестры книг и рукописей. По поручению Азиатского департамента министерства иностранных дел, а также по просьбе директора Публичной библиотеки архимандрит Петр покупал книги, ксилографы, рукописи на китайском, маньчжурском и монгольском языках. Кроме того, благодаря стараниям его ученика Петра Чжоу Буржуа, коллекция книг П. Каменского пополнялась переводами католических миссионеров христианской литературы, например, переводы Джулио Алени. Богатый материал для выявления причастности той или иной книги к коллекции Петра Каменского дают рукописные пометки в сохранившихся книгах. Петр Каменский совместно со Степаном Липовцовым явился составителем каталога китайских и японских книг, тем самым приложив усилия также к процессу каталогизации и систематизации книжного наследия.

Ключевые слова. Архимандрит Петр (Каменский), российско-китайские отношения, китайская книжная коллекция, Российская духовная миссия в Пекине, христианство в Китае

Благодарность. Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и КАОН. Научный проект № 21-59-93001. («Собрания

nese books in Russia. Under his leadership, members of the Russian Orthodox mission in Beijing successfully studied oriental languages and were subsequently capable of conducting translation work. Archimandrite Peter himself actively translated Chinese and Manchu sources into Russian, the registers of books and manuscripts preserved in the archives serve as evidence of his efforts. On behalf of the Asian Department of the Ministry of Foreign Affairs, as well as upon the request of the director of the Public Library, Archimandrite Peter purchased books, Woodblock printed books, and manuscripts in Chinese, Manchu and Mongolian. In addition, thanks to the efforts of his student Peter Zhou Bourgeois, the collection of P. Kamensky's books was supplanted by the translations of Christian literature by Catholic missionaries, for example, translations of Giulio Aleni. Rich material for identifying whether a particular book belongs to the collection of Peter Kamensky is provided in handwritten notes in the surviving books. Pyotr Kamensky together with Stepan Lipovtsov compiled a catalog of Chinese and Japanese books, hence contributing to the process of cataloging and systematizing the book heritage.

Keywords. Archimandrite Peter (Kamensky), Russian-Chinese relations, Chinese book collection, Russian Orthodox Mission in Beijing, Christianity in China

Acknowledgements. The reported study was funded by RFBR and CASS, project number 21-59-93001 ("Collections of Chinese Manuscripts and Early Printed Books in Scientific Institutions of St. Petersburg: Attribution, Research and Systematization").

китайских рукописей и старопечатных книг в научных учреждениях Санкт-Петербурга: выявление, исследование и систематизация»)

Для цитирования. Харитонов А.М. Архимандрит Петр (Каменский) и его вклад в процесс приобретения и систематизации китайских книг. *Современные востоковедческие исследования*. 2024; Том 6 (3). С. 68-83 <https://doi.org/10.24412/2686-9675-2-2024-68-83>

ВВЕДЕНИЕ

Географический детерминизм обусловил богатые возможности для Российского государства в процессе становления отечественного Китаеведения. Письменное наследие российских собирателей знаний о Китае берет свое начало еще в XV веке, когда был создан знаменитый памятник древнерусской литературы «Хождение за три моря» тверского купца Афанасия Никитина (ок. 1440- ок. 1475). В Китае он не был, тем не менее, в его книге встречаются упоминания о Северном и Южном Китае, а текст памятника изобилует интересными подробностями о стране, например, о производстве фарфора. Начало реальных двусторонних контактов приходится на XVII век, а именно начиная с посольства Ивана Петлина 1618 года. Это событие является отправной точкой российско-китайских отношений. Несмотря на то, что не все задачи данного посольства были достигнуты, собранные в ходе миссии сведения имели большое значение для дальнейшего развития отношений с Китаем, кроме того, был открыт сухопутный маршрут из Европы в Китай через Сибирь и Монголию.

For citation. Kharitonova A.M. Archimandrite Peter (Kamensky) and his contribution to the process of acquiring and systematizing Chinese books. *Modern Oriental Studies*. 2024; Volume 6 (№3). P. 68-83 (In Russ.) <https://doi.org/10.24412/2686-9675-3-2024-68-83>

Новую страницу в российско-китайском взаимодействии открыло учреждение Российской духовной миссии в Пекине в первой четверти XVIII века, что укрепило двусторонние отношения и способствовало становлению российской синологии. Миссия решала вопросы церковного представительства России, окормления своей паствы из числа албазинцев, а также выполняла функции дипломатического представительства за неимением соответствующего официального органа. Одной из ключевых составляющих работы миссии было научное исследование региона: изучение языков (маньчжурского, китайского, монгольского), истории, культуры и религии Китая. С этой целью приобретались книги и предметы материальной культуры, которые в дальнейшем были переданы в музеи, государственные или научные учреждения, а также оседали в частных коллекциях. Процесс собирания китайских рукописей и старопечатных книг, хранящихся ныне в различных собраниях научных учреждений на берегах Невы, продолжался многие десятилетия.

Одним из таких собирателей китайских книг стал синолог и священнослужитель Павел Иванович Каменский (1765-1845). Он родился в 1765 году в Нижегородской губернии в семье сельского священника Богородицкой церкви. Окончил Нижегородскую духовную семинарию (1787), народное училище в Балахне (1788), обучался в Московском университете «логике, физике, математике, всеобщей истории и естественному праву» (1791) (Дацышен, Чегодаев, 2013, 34). Несмотря на то, что биография П.И. Каменского не раз становилась темой исследования отечественных ученых (Шаталов О.В. (Шаталов, 2000, 203-218), Ларичев В.Е., Пиков Г.Г., Тюрюмина Л.В. (Ларичев, Пиков, Тюрюмина, 2006, 281-292), Чегодаев А.Б. (Чегодаев, 2009, 48-54), Дацышен В.Г. (Дацышен, 2012, 96-100; Дацышен, Чегодаев, 2013)), рассматривавших различные аспекты его профессиональной деятельности, недостаточно изученным остается тема приобретения китайских книг П.И. Каменским.

ОБЩИЕ СВЕДЕНИЯ О П.И. КАМЕНСКОМ В РОССИЙСКОЙ ДУХОВНОЙ МИССИИ В ПЕКИНЕ

Павел Иванович Каменский был зачислен на службу в Коллегию иностранных дел в качестве студента 20 февраля 1793 года. В рамках российской духовной миссии он находился в Китае дважды: сначала студентом восьмой миссии (1794-1807), а затем начальником десятой миссии (1821-1830).

Восьмая духовная миссия (1794—1807) вошла в историю изучения Китая в первую очередь благодаря научной и переводческой дея-

тельности трех её членов: начальнику миссии архимандриту Софронию (Грибовскому) (?-1814), студенту Павлу Каменскому (1765-1845) и студенту Степану Липовцову (1770-1841). Кроме них в составе числились иеромонахи Иессей (?-1804) и Варлаам (?-1802); иеродиакон Вавила (?-1797); причетники Козьма Карганский и Василий Богородский; студенты Карп Круглополов, Иван Малышев (1770-1806), Василий Новоселов.

Стараниями архимандрита Софония Грибовского была основана библиотека при миссии в 1795 году, которая в первую очередь предназначалась для нужд студентов миссии. Архимандрит Софоний уделял много времени и сил организации учебных занятий. На церковные деньги был нанят частный учитель, благодаря которому за полгода «стали ученики по манджурски уметь говорить и частью с манджурского на русский язык переводить» (Скачков, 1977, 83).

Десятая духовная миссия в Пекине (1821—1830) под начальством архимандрита Петра внесла огромный вклад в изучение китайского языка и переводческую традицию в России. На сегодняшний день труды и деятельность практически каждого из членов миссии освещены в научной литературе, некоторые архивные документы личного происхождения также опубликованы. Миссия состояла из двух иеромонахов: Вениамина (Морачевича) (Лапин, 2018, 866-874) и Даниила Сивиллова (1798-1871) (Маяцкий, Завидовская, 2022, 141-152); иеродиакона Израиля; причетников Николая Вознесенского и Алексея Сосницкого (-1843); студентов Кондрата Крымского

(1796-1861), Захара Леонтьевского (1799-1874) и Василия Абрамовича; Врача Осипа Войцеховского (1793-1850). Приставом миссии был назначен подполковник Егор Федорович Тимковский (1790-1875) (Тимковский, 1821).

Известно, что в бытность десятой духовной миссии врачом О.П. Войцеховским (1793-1850) приобретались книги по медицине (Завидовская, 2021, 85-92). В том числе «Бэньцао ганму» (本草綱目, Компендиум лекарственных веществ) — книга по древнекитайской фармакопее. О.П. Войцеховский «приобретал в 1826 г., очевидно, у главы X миссии, первого русского собирателя материалов по китайской медицине — архимандрита Петра (Павла Ивановича Каменского, 1765-1845)» (Ли, Чурилов, 2014, 273). Подтверждением тому, что архимандрит Петр действительно был знаком с этой рукописью, служит примечание в реестре китайских книг для министра финансов от 1833 года: «Книги¹, означенные в реестре, представленном Министру финансов, находятся в Библиотеке Императорской Академии Наук и переведены уже на российский язык. Перевод означенной под № 1-м [Имеется ввиду «Бэньцао ганму» — прим. А. Харитонова] сделанный сокращенно студентом Каменским в бытность его в Пекине, остается доселе в рукописи, а прочих трех под №2,3 и 4 бывшим переведенным Леонтьевым, напечатан...» (АВПРИ, 1833, д.1п.16, л. 16).

Будучи студентом восьмой духовной миссии, Петр Каменский уже начинал свою профессиональную деятельность, изучая язык и со-

вершенствуясь в переводе. Вероятно, не малую роль в этом сыграла личность Софрония Грибовского. Тем временем, находясь в должности начальника миссии, архимандрит Петр Каменский стал активным собирателем китайских книг и способствовал своим примером процессу приобретения книг других членов миссии, например, врача Осипа Войцеховского.

НАКОПЛЕНИЕ ЗНАНИЙ О КИТАЕ И ПРИОБРЕТЕНИЕ КНИГ ПРИ АРХИМАНДРИТЕ ПЕТРЕ КАМЕНСКОМ

В Пекине под началом архимандрита Петра приобретались книги, в последствии переданные в Петербург. Сотрудники миссии плодотворно занимались переводами, которые были нацелены на изучение классического и современного Китая. Кроме того, членами миссии были оставлены дневники, которые отражали события, происходившие в Китае в первой половине XIX века. Одним из таких примеров серьезного научного вклада в российскую синологию могут служить сочинения и переводы Захара Леонтьевского (Нестерова, 1991, 49-54), Даниила Сивилова (Маяцкий, Завидовская, 2022, 141-152) и других членов миссии (Самойлов, 2022, 33-40).

Сам архимандрит Петр также занимался переводческой деятельностью. В архиве внешней политики Российской империи в папке с документами, посвященными десятой духовной миссии, хранятся два реестра книг. Один из них «Реестр Китайских и Манджурских книг, рукописей, Русских переводов и проч:

¹ В данной статье при цитировании оригинальных текстов используется современная норма орфографии, за исключением специфических терминов, в этом случае орфография сохраняется.

хранящихся в библиотеке Азиатского Департамента» (АВПРИ, д.1п.2., л. 404–408) служит тому иллюстрацией. В этом реестре содержатся сведения о переводах Петра Каменского и Степана Липовцова на русский язык.

«...47. Собрание Указов Манджурских Императоров на Российском языке, рукописный перевод Каменского.

48. Собрание докладов Манджурского Министерства, переведенных на Российский язык Г[осподином]. Каменским. Руко[писный]- прим. А. Харитоновой]...

50. История Чингизного дома, перевод с Манджурского Г[осподина- прим. А. Харитоновой]. Каменского. Рукописный.

51. Сокращение Китайской истории на Российском языке, перевод Г[осподина- прим. А. Харитоновой]. Каменского. Рукопись...

53. Журнал Китайского Посланника Баоджуя [в исторических источниках Боочжу- прим. А. Харитоновой] к Далай Ламе и Контайше [титул крупного феодала — прим. А. Харитоновой] Зюнгарскому [Джунгарскому — прим. А. Харитоновой] на Манджурском языке с Российским переводом Г. Каменского, рукописный...

65. Разные замечания, переводы и тому подобное на Российском языке Г. Каменского.

66. Анекдоты знаменитых мужей, отличившихся исполнением сыновней должности, перевод Каменского, рукописные» (АВПРИ, д.1п.2., л. 406–407.об.).

Другой список «Реестр книгам, находящимся в Пекинской библиотеке» (АВПРИ, д.1п.2., л. 409–413), совмещенный с *Catalogus Librorum Latinorum* [Каталог латинских книг - прим. А. Харитоновой], содержит запись *Grammatica Bant: Kamensky* (АВПРИ, д.1п.2., л. 412.об.).

Помимо переводческой деятельности Архимандрит Петр покупал книги для государственных или частных нужд. Известно, что в настоящее время книги с его автографами и маргиналиями хранятся в таких научных учреждениях, как Институт восточных рукописей Российской академии наук, Российская национальная библиотека, Научная библиотека Санкт-Петербургского государственного университета (Харитонов, 2021, 335). Причем приобретались не только книги, содержавшие сведения о Китае, но и христианские сочинения: одним из таких примеров служат «Верные правила, смывающие грехи» [Дицзуй чжэнгуэй, 抵罪正規 — прим. А. Харитоновой]. Известно, что это перевод на китайский язык итальянского иезуита, католического миссионера Джулио Алени (1582-1649) (Алени). В должности начальника миссии Петр Каменский приступил к процессу возвращения в лоно православной церкви албазинцев, уклонившихся в «китайское идолопоклонничество» (Архимандрит..., 1896). В пометке на книге, оставленной П. Каменским, находится соответствующая информация: «1822 года ноября 20го дня для умножения пособий к преподаванию христианства Албазинцам Господь послал сию... книгу [«Верные правила, смывающие грехи» — прим. А. Харитоновой]» (Китайские рукописи, 1993, 124).

Под руководством архимандрита началась серьезная работа по обучению членов миссии восточным языкам и последующей переводческой работе. «Именно миссия П.И. Каменского подготовила самое большое число учеников, способных по возвращении из Китая к практической работе с языками» (История, 1990, 270). В инструкции, подготовленной для десятой миссии, помимо прочего были прописаны рекомендации, касающиеся учебных дел членов миссии: «Вы можете сами для себя выбирать изучение одного китайского или маньчжурского языка» (АВПРИ, д.1п.127., л. 9–9.об.). Уже в этом «учебном» разделе инструкции написано о тех книгах, на которые членам миссии необходимо обратить внимание в изучении, переводах и приобретении. «Священники, получившие достаточное в сих языках познание, должны будут заниматься исследованием веры Фоевой², и веры Лоудзья³, переводами книг из коих изъясняются правила сих вер и приготовлением нужных на них возражений» (АВПРИ, д.1п.127., л. 9.об.). Образованные члены миссии также могли заниматься переводом катехизиса для занятия с албазинцами; изучением других восточных языков, истории Индии и ее религии. Помимо религиозной литературы, посредством привлечения четырех студентов миссии внимание было обращено к изучению 1. Медицины и естественных наук; 2. Математических наук, литературы и философии, в особенности конфуцианства; 3. Истории, географии, статистики и китайской государственной юриспруденции; 4. Сельского хозяй-

ства, домашней жизни, земледелия, ремесел и художеств (АВПРИ, д.1п.127., л. 10.об.-11).

В инструкции также было рекомендовано сообщать посредством Иркутского гражданского губернатора о всех делах и важных событиях, происходивших в Китае. В помощь наиболее эффективной работе миссии были предоставлены «вместе с другими иностранными и русскими книгами многие сочинения и записки, относящиеся к Китаю и вообще к востоку, сверх того прилагается список, заслуживающих уважения китайских книг, и тех в особенности, которые нужны как для изучения языков китайского и маньчжурского, так и для приобретения прочих вышеозначенных сведений» (АВПРИ, д.1п.127., л. 12.об.-13). Дополнительно было указано, что миссия должна была пополнять свою библиотеку: «Миссия по мере данных ей средств собирать для своей библиотеки; как эти книги, так и другие достойные любопытства; равным образом доставить географические карты, планы городов, семена...» (АВПРИ, д.1п.127., л. 13). Также инструкция затронула вопросы перевода китайских книг: «Интереснейшие китайские книги должны быть переводимы на русский язык, равномерно полезно будет и с русского перевести на академический словарь на китайский, маньчжурский и монгольский, также стараться сочинить для этих языков грамматику; но чтобы не обременить студентов излишней работой, некоторые из этих переводов могут быть отложены до возвращения миссии в отечество» (АВПРИ, д.1п.127., л. 13.об.-14).

² Имеется ввиду буддизм, от китайского слова 佛教 (Фоцзяо).

³ Имеется ввиду даосизм, от имени основателя учения — Лаоцзы (老子)

В процесс перевода христианской литературы, помимо членов миссии, внес свой вклад китаец Петр Чжоу Буржуа (Харитонов, 2021, 333-339). Некоторое время он находился в стенах российской духовной миссии в Пекине под началом Архимандрита Петра. Сведения о нем до недавнего времени были практически неизвестны. По всей видимости, он был китаец по происхождению. Его обучал русскому языку архимандрит Петр и давал переводы образцов западной христианской литературы. Например, рукопись «Песнь святого сновидения», в оригинале «Видение святого Бернарда» авторства французского средневекового богослова Бернарда Клервоского (1090-1153) была переведена с китайского на русский язык в учебных целях (Харитонов, Лю, 2022, 153-163).

Его личность остается малоизученной. Известно, что его отец был военным, а дядя учился миссионерскому делу в Европе. Сам Петр Чжоу Буржуа в разные периоды жизни был солдатом гвардии маньчжурских войск (Пекинского Корпуса Учжэнь-Чоха). Кроме того, его готовили к роли проповедника французские иезуиты местного монастыря и намеривались отправить его в Европу для получения соответствующего образования. Однако после очередных гонений на христиан, разыгравшихся в начале XIX века, Петр Буржуа отошел от католической церкви и вернулся к военной службе. Судя по всему, через некоторое время Петр Буржуа примкнул к православной духовной миссии и активно сотрудничал с ней. Ранее в научной литературе были собраны сведения о нем, оставленные приставом десятой духов-

ной миссии Е.Ф. Тимковским. Он писал, что китаец Петр Буржуа хорошо говорил и писал на французском языке и на латыни. Ученый китаец за небольшую плату преподавал китайский язык студентам российской духовной миссии. Хотя, как отмечал пристав, имея затруднения в общении на китайском языке, как учащиеся, так и преподаватель, охотно переходили на латынь: «к тому же и сам Буржуа, подобно многим Езуитам, не имеет достаточных и правильных знаний в Китайском языке» (Тимковский, 1821, ч.2, 159). Е.Ф. Тимковский, с одной стороны, указывал на то, что Петр Буржуа был разносторонней и образованной личностью, и при этом был знаком с католицизмом. С другой стороны, его знаний было недостаточно, что могло влиять на качество его преподавания.

Новые сведения о китаец Петре Чжоу Буржуа можно подчерпнуть в дневнике пристава следующей, одиннадцатой, духовной миссии Михаила Васильевича Ладыженского (1802-1875). В своем дневнике в декабре 1830 года пристав писал: «Сегодня обедает у студентов учитель г. Петр-Буржуа китаец — антик⁴ во всех отношениях. В Европе его бы озолотили, а здесь он пользуется окладом простого солдата и принужден поддерживать себя уроками... Он говорит довольно изрядно по-русски, пишет и читает. Знаниями своими в нашем языке обязан О. А. Петру [Отцу Архимандриту Петру Каменскому — прим. А. Харитоновой]» (Ладыженский, 1908). По словам М.В. Ладыженского, Петр Буржуа охотно совершенствовался в знаниях русского языка и истории России, знакомясь с трудами Н.И. Греча и Н.М.

⁴ В переносном смысле: редкость, чужак.

Карамзина. М.В. Ладыженский сходился во мнении с Е.Ф. Тимковским, что китаец Петр был интересной и разносторонней личностью. Буржуа говорил о бремени знания о Западном мире среди других китайцев: «Здесь же[в Китае — прим. А. Харитоновой]... я ... должен еще скрываться и утверждать, что по-европейски вовсе не знаю, иначе бы мне подвергнуться гонению» (Ладыженский, 1908).

Сам Архимандрит Петр оставил некоторые упоминания о Буржуа на страницах переводов христианских книг. П. Каменский писал об успехах в переводе китайца «Песни святого сновидения» (Харитонova, Лю, 2022, 153-163). Архимандрит оставил надпись на христианском сочинении католических миссионеров «Верные правила, смывающие грехи»: «... Господь послал сию безценную нравственную христианским преисполненную книгу чрез Друга моего Петра Джоу...» (Китайские рукописи, 1993, 124). Таким образом, можно увидеть, что сам Буржуа способствовал пополнению христианской литературы.

Архимандрит Петр приобретал рукописные или ксилографические книги по инструкции от Азиатского департамента министерства иностранных дел. В АВПРИ хранится документ, датированный 11 июля 1832 года и составленный на тот момент бывшим начальником Пекинской духовной миссии архимандритом Петром:

«Во исполнении высочайше утвержденной инструкции, данной мне, я долгом считал в Китае снискивать лучшие и полезнейшие книги, с следствием того мной и куплены на казенную сумму 1e 太清一統志 дай цин и тун чжи

в 12ти, томах, пространнейшая вся Империи География и всех Китаю известных народов. 2e 太清會典 Дай цин хуэй дянь, в 41 томе состоящую книгу, всех Государственных постановлений, которые при сем, с приличием за многие годы печатных газет почтеннейше и препровождаю. Июля дня 1832го» (АВПРИ, 1823, д.1п.16., л. 2).

Петр Каменский внес вклад также в каталогизацию книг. Например, совместно с переводчиком Степаном Липовцовым был составлен каталог китайских и японских книг, хранящихся в Библиотеке императорской академии наук (Каменский, Липовцов, 1818).

В систематическом каталоге китайских рукописей и ксилографов Публичной библиотеки (ныне Российской национальной библиотеки, г. СПб) сохранились сведения о коллекции книг архимандрита Петра, в разное время приобретенных Публичной библиотекой (Китайские рукописи, 1993, 6). В 1819 году П.И. Каменский дарит библиотеке свои переводы китайских и маньчжурских сочинений (Китайские рукописи, 1993, 9). В 1832 году архимандрит Петр передает библиотеке коллекцию китайских, маньчжурских и монгольских книг, кроме того, 11 книг переходят в Санкт-Петербургскую Духовную Академию (Китайские рукописи, 1993, 10-11). Список книг восстанавливается по его дневнику, который хранится в Архиве востоковедов ИВР РАН (Китайские рукописи, 1993, 10).

Вклад Петра Каменского в фондообразование Публичной библиотеки оказался значительным. Одним из подтверждений тому

служат многочисленные упоминания в обзорных статьях сотрудников Российской национальной библиотеки о дарении книг этим деятелем (Официальный). Например, указывается, что по просьбе директора библиотеки А.Н. Оленина архимандрит Петр в 1831 году «подарил 48 китайских, маньчжурских, монгольских рукописей и ксилографов, содержащих переводы произведений христианских авторов» (Официальный). Некоторые книги, хранящиеся ныне в РНБ, имеют дарственные надписи: «Реестр на китайском языке миссионерами изданных книг. Принадлежит Архимандриту Петру. 1831 года. Который имею честь поднести Его В/ысоко/ Превосходительству директору Публичной в С.П/етербурге/ библиотеки» (Китайские рукописи, 1993, 127).

Книги из коллекции Петра Каменского передавались в фонд Публичной библиотеки и через длительное время после кончины архимандрита. Так, согласно краткому отчету о новых поступлениях за 1950-1951 годы, в рукописное отделение библиотеки в 1941 году поступили «двадцать китайских рукописей XIXв., преимущественно христианско-богословского содержания из библиотеки Петра Каменского» (Китайские рукописи, 1993, 25). Поступления также были в 1956 году (Китайские рукописи, 1993, 26).

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Архимандрит Петр внес огромный вклад в процесс приобретения китайских и христианских книг, а также в их дальнейшую систематизацию для нужд российской науки. По его пути накопления знаний о Китае двигались члены последующих духовных миссий, находившихся в Пекине. Важно привести несколько архивных документов, связанных с именем архимандрита Аввакума Честного (в миру Дмитрий Семенович Честной, 1801-1866), который был принят в качестве иеромонаха в состав 11-й Пекинской духовной миссии под начальством архимандрита Вениамина (Морачевича)⁵.

После возвращения из Китая Аввакум Честной, по поручению Азиатского департамента начал описание и систематизацию книг библиотеки данного ведомства. Эта скрупулезная работа длилась не один год. Например, в АВПРИ хранится «Реестр китайских и маньчжурских книг, купленных по прибытии в Пекин новой миссии», датированный 31 июня 1841 г. Авторство реестра устанавливается подписью: «Верно: заведующий делами Миссии, иеромонах Аввакум Честной. 31 июня 1841. Означенную сумму на покупку книг, серебром триста одну лану⁶ и девять чин, и чохами⁷ пятьдесят три тысячи пятьсот малых чохов

⁵ В 11-й духовной миссии также были иеромонах Феофилакт (Киселевский, 1809-1840), иеродиакон Поликарп (Тугаринов, 1806-1894), лекарь Порфирий Кириллов (1801-1864), студенты Е.И. Сычевский, П.П. Курляндцев, Григорий Михайлович Розов (в миссии сначала псаломщик, а с 1833 года – студент миссии, 1808-1853), Алексей Иванович Кованько (1808-1870), художник Антон Михайлович Легашев (1798-1865). Приставом миссии был назначен подполковник М. В. Ладьженский (1802-1875). Командированными к миссии были ботаник Александр Андреевич Бунге (1803-1890), астроном Егор Николаевич Фус (1806-1854) и монголист Осип Михайлович Ковалевский (1801-1878). До Урги (совр. Улан-Батор) миссию сопровождал А.В. Попов - профессор Казанского университета по кафедре монгольского языка.

получил от Г. пристава миссии иеромонах Аввакум Честной» (АВПРИ, 1841, д.1п.16., л. 33.об.). В реестре перечислены китайские и маньчжурские исторические и географические произведения, книги по буддизму, медицинские справочники, книги по судоходному делу — всего 31 наименование.

В 1843 году отец Аввакум закончил работу, результатом которой стал «Каталог книг, рукописям и картам на китайском, маньчжурском, монгольском, тибетском и санскритском языках, находящимся в библиотеке Азиатского департамента». Всего на 102 страницах было упомянуто 609 письменных единиц (Августин, 2002,2003). Этот каталог был опубликован в 1843 году в Санкт-Петербурге (Каталог, 1843).

Сложно переоценить роль, которую сыграл архимандрит Петр Каменский, в процессе приобретения и систематизации китайских книг. Под его началом успешно обучались восточным языкам члены миссии, способные впоследствии к практической переводческой работе. Архимандрит Петр сам активно переводил китайские и маньчжурские источники на русский язык, о чем свидетельствуют сохранившиеся реестры книг и рукописей. По поручению Азиатского департамента министерства иностранных дел, а также по просьбе директора Публичной библиотеки архимандрит Петр покупал книги, ксилографы, рукописи на китай-

ском, маньчжурском и монгольском языках для их библиотек. Кроме того, благодаря стараниям его ученика Петра Чжоу Буржуа, коллекция книг П. Каменского пополнялась переводами католических миссионеров христианской литературы, например, переводы Джулио Алени. Петр Каменский совместно со Степаном Липовцовым явился составителем каталога китайских и японских книг, тем самым приложив усилия также к процессу каталогизации и систематизации книжного наследия.

Список литературы

1. Дацышен В.Г., Чегодаев А.Б. *Архимандрит Петр (Каменский)*. М., Гонконг: Братство святых первоверховных апостолов Петра и Павла, 2013.
2. Шаталов О.В. Архимандрит Петр (Каменский) и десятая Российская православная миссия в Пекине. *Исторический вестник*. М., 2000. №2 (6). С.203-218.
3. Ларичев В.Е., Пиков Г.Г., Тюрюмина Л.В. Архимандрит Петр (Каменский) как один из пионеров монголоведения. *Сибирь на перекрестье мировых религий: материалы 30-й межрегион. Науч.-практ.конф., посвящ. Памяти выдающегося ученого и педагога, специалиста по библеистике, проф. НГУ Михаила Иосифовича Рижского*. Новосибирск, 2006. С. 281-292.

⁶Лан или лян — мера веса (примерно 31,25 грамм) и китайская денежная единица в виде небольшого серебряного слитка.

⁷Чох или цянь — китайская денежная единица, по форме представляет собой преимущественно вид круглой бронзовой монеты с квадратным отверстием в центре.

4. Чегодаев А.Б. Документы П.И. Каменского в архивохранилищах России. *Отечественные архивы*. 2009. №4. С.48-54.
5. Дацышен В.Г. Архимандрит Петр (Каменский) и становление русско-китайского взаимодействия в сфере медицины. *Сибирское медицинское обозрение*. 2012. Т.78, №6. С.96-100.
6. Скачков П.Е. *Очерки истории русского китаеведения*. М.: Наука, 1977.
7. Лапин П.А. Начальник одиннадцатой Российской духовной миссии в Пекине О. Вениамин (Морачевич) как преподаватель школы русского языка при дворцовой канцелярии (1825-1840). *Общество и государство в Китае*. Т. 48. № 2. М.: ИВ РАН, 2018. С. 866–874
8. Маяцкий Д.И., Завидовская Е.А. Синологические исследования архимандрита Даниила (Сивиллова) и его переводы на китайский язык православных сочинений. *Вестник НГУ. Серия: История, филология*. 2022. Т. 21, № 4: Востоковедение. С. 141–152.
9. Тимковский Е.Ф. *Путешествие в Китай через Монголию в 1820 и 1821 годах*. С картой, чертежами и рисунками. Печатано по Высочайшему повелению, иждивением казны. В трех частях. Санкт-Петербург: Типография Медицинского департамента Министерства внутренних дел, 1821.
10. Завидовская Е.А. Первичное исследование собрания китайских книг О.П. Войцеховского (1793-1850), приобретаемых для библиотеки Императорского Казанского университета. *Россия — Китай: история и культура: сборник статей и докладов участников XIV Международной научно-практической конференции*, Казань, 11–13 ноября 2021 года. – Казань: Издательство АН РТ, 2021. С. 85-92.
11. Ли Минь, Чурилов Л.П. Китайские рукописи и старопечатные книги по медицине в фондах Восточного отдела научной библиотеки имени М. Горького Санкт-Петербургского государственного университета. *Вестник Санкт-Петербургского университета*. Сер.11. Вып.2. 2014. С.259-276.
12. АВПРИ, ф. СПб ГА I-5, оп. 4, д. 1п.16.
13. Нестерова Е.В. Новое о коллекции китайских рисунков З. Ф. Леонтьевского. Вопросы атрибуции. *Письменные памятники и проблемы истории культуры народов Востока*. XXIV годичная научная сессия ЛО ИВ АН СССР (доклады и сообщения). 1989 г. Часть 1. М.: Наука, ГРВЛ, 1991. С. 49–54.
14. Самойлов Н.А. Десятая Пекинская Духовная миссия и ее роль в российско-китайских культурных связях. *Клио*. № 05 (185). 2022. С. 33-40.
15. АВПРИ, ф. СПб ГА I-5, оп. 4, д. 1п.2.
16. Харитонов А.М. О китайских книгах архимандрита Петра (Каменского) в восточном отделе Научной библиотеки им. М. Горького СПбГУ. *Россия — Китай: история и культура: сборник статей и докладов участников XIV Международной научно-практической конференции*, Казань, 11–13 ноября 2021 года. – Казань: Издательство АН РТ, 2021. С. 85-92.

- Казань, 11–13 ноября 2021 года. Казань: Издательство АН РТ, 2021. С. 333-339
17. Алени. *Православная энциклопедия под редакцией Патриарха Московского и всея Руси Кирилла* <https://www.pravenc.ru/text/115034.html> (дата обращения 15.07.2024)
18. Архимандрит Петр Каменский, начальник десятой российско-императорской миссии в Пекине. *Русская старина*, № 3. 1896. https://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/China/XIX/1820-1840/Kamenskij_P_I/text4.htm (дата обращения 15.07.2024)
19. *Китайские рукописи и ксилографы Публичной библиотеки*: Сист. кат. / Сост. К.С. Яхонтов. Л., 1993.
20. *История отечественного востоковедения до середины XIX века*. М.: Наука. Главная редакция восточной литературы, 1990.
21. АВПРИ, ф. СПб ГА I-5, оп. 4, д. 1п.127.
22. Харитонова А.М., Лю Жомэй "Песнь святого сновидения" и ее двуязычный рукописный список из книжной коллекции архимандрита Петра (Каменского). *Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: История, филология*. 2022. Т. 21, № 4. С. 153-163.
23. Ладыженский М.В. Дневник веденный в Пекине с 1-го декабря 1830-го года. *Китайский благовестник*, № 27-28. 1908. https://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/China/XIX/1820-1840/Ladyzenskij_M_V/text15.htm (дата обращения 15.07.2024)
24. Каменский П., Липовцов С. *Каталог китайским и японским книгам, в Библиотеке Императорской Академии наук хранящимся*. По препоручению господина президента оной Академии, Сергея Семеновича Уварова, вновь сделанный Государственной коллегии иностранных дел переводчиками, коллежскими асессорами: Павлом Каменским и Степаном Липовцовым. СПб: изд.Акад.наук. 1818.
25. Официальный сайт РНБ: отдел рукописей. *Первая половина XIX в.: трофеи, дары, коллекции*. <https://nlr.ru/manuscripts/RA80/dary> (дата обращения 15.07.2024)
26. Августин (Никитин). Архимандрит Аввакум (Честной) — миссионер, дипломат, востоковед. *Альманах «Альфа и Омега»*. № 34, 35. 2002, 2003. <https://www.pravmir.ru/arhimandrit-avvakum-chestnoy-missioner-diplomat-vostokoved/> (дата обращения 15.07.2024)
27. *Каталог книг, рукописям и картам на китайском, маньчжурском, монгольском, тибетском и санскритском языках, находящимся в Библиотеке Азиатского департамента*. - Санкт-Петербург, 1843. Библиотека русского географического общества. <https://elib.rgo.ru/handle/123456789/211733> (дата обращения 15.07.2024)

References

1. Datsyshen V.G., Chegodaev A.B. *Archimandrite Peter (Kamensky)*. М., Hong Kong: Bratstvo svjatyh pervoverhovnyh apostolov

- Petra i Pavla, 2013. (In Russ.)
2. Shatalov O.V. Archimandrite Peter (Kamensky) and the tenth Russian Orthodox mission in Beijing. *Historical bulletin*. M., 2000. No. 2 (6). pp.203-218. (In Russ.)
 3. Larichev V.E., Pikov G.G., Tyuryumina L.V. Archimandrite Peter (Kamensky) as one of the pioneers of Mongolian studies. *Siberia at the crossroads of world religions: materials of the 30th interregion. Scientific and practical conference dedicated to In memory of the outstanding scientist and teacher, specialist in biblical studies, prof. NSU Mikhail Iosifovich Rizhsky*. Novosibirsk, 2006. pp. 281-292. (In Russ.)
 4. Chegodaev A.B. Documents of P.I. Kamensky in the archives of Russia. *Domestic archives*. 2009. No. 4. pp.48-54. (In Russ.)
 5. Datsyshen V.G. Archimandrite Peter (Kamensky) and the formation of Russian-Chinese interaction in the field of medicine. *Siberian Medical Review*. 2012. T.78, No. 6. pp.96-100. (In Russ.)
 6. Skachkov P.E. *Essays on the history of Russian sinology*. M.: Nauka, 1977. (In Russ.)
 7. Lapin P.A. Head of the Eleventh Russian Ecclesiastical Mission in Beijing O. Veniamin (Moracevich) as a teacher at the Russian language school at the palace chancellery (1825-1840). *Society and state in China*. T. 48. No. 2. M.: IV RAS, 2018. pp. 866-874. (In Russ.)
 8. Mayatsky D.I., Zavidovskaya E.A. Sinological studies of Archimandrite Daniel (Sibyllov) and his translations of Orthodox works into Chinese. *Bulletin of NSU. Series: History, philology*. 2022. T. 21, No. 4: Asian and African Studies. pp. 141-152. (In Russ.)
 9. Timkovsky E.F. *Travel to China via Mongolia in 1820 and 1821*. With map, drawings and drawings. Printed by order of the Highest, at the expense of the treasury. In three parts. St. Petersburg: Типография Медицинского departamenta Ministerstva vnutrennih del, 1821. (In Russ.)
 10. Zavidovskaya E.A. Primary research into the collection of Chinese books by O.P. Voitsekhovskiy (1793-1850), acquired for the library of the Imperial Kazan University. *Russia — China: history and culture: a collection of articles and reports of participants of the XIV International Scientific and Practical Conference, Kazan, November 11-13, 2021*. – Kazan: Izdatel'stvo AN RT, 2021. pp. 85-92. (In Russ.)
 11. Li Min, Churilov L.P. Chinese manuscripts and early printed books on medicine in the collections of the Oriental Department of the Scientific Library named after M. Gorky of St. Petersburg State University. *Bulletin of St. Petersburg University*. Ser.11. Issue 2. 2014. pp. 259-276. (In Russ.)
 12. Archive of Foreign Policy of the Russian Empire (AVPRI), f. SPb GA I-5, op. 4, d. 1p.16. (In Russ.)
 13. Nesterova E.V. New information about the collection of Chinese drawings by Z. F. Leontievsky. Attribution issues. *Written monuments and problems of the cultural history of*

- the peoples of the East*. XXIV annual scientific session of the Leningrad Institute of Oriental Studies of the USSR Academy of Sciences (reports and communications). 1989. Part 1. M.: Nauka, GRVL, 1991. pp. 49–54. (In Russ.)
14. Samoilov N.A. The Tenth Beijing Spiritual Mission and its role in Russian-Chinese cultural relations. *Clio*. No. 05(185). 2022. pp. 33-40. (In Russ.)
 15. AVPRI, f. SPb GA I-5, op. 4, d. 1p.2. (In Russ.)
 16. Kharitonova A.M. About the Chinese books of Archimandrite Peter (Kamensky) in the eastern department of the Scientific Library. M. Gorky St. Petersburg State University. *Russia — China: history and culture: a collection of articles and reports of participants of the XJV International Scientific and Practical Conference, Kazan, November 11–13, 2021*. Kazan: Izdatel'stvo AN RT, 2021. pp. 333-339. (In Russ.)
 17. Aleni. *Orthodox encyclopedia edited by Patriarch Kirill of Moscow and All Rus'*. <https://www.pravenc.ru/text/115034.html> (accessed: 15.07.2024) (In Russ.)
 18. Archimandrite Peter Kamensky, head of the tenth Russian-Imperial mission in Beijing. *Russian antiquity*, No. 3. 1896. (In Russ.)
 19. *Chinese manuscripts and woodcuts of the Public Library: Syst. cat. / Comp. K.S. Yakhontov*. L., 1993. (In Russ.)
 20. History of Russian Oriental studies until the middle of the 19th century. M.: Nauka, 1990 (In Russ.)
 21. AVPRI, f. SPb GA I-5, op. 4, d. 1p.127. (In Russ.)
 22. Kharitonova A.M., Liu Ruomei “Song of the Holy Dream” and its bilingual handwritten copy from the book collection of Archimandrite Peter (Kamensky). *Bulletin of Novosibirsk State University. Series: History, philology*. 2022. T. 21, No. 4. pp. 153-163. (In Russ.)
 23. Ladyzhensky M.V. Diary kept in Beijing since December 1, 1830. *Chinese Evangelist*, No. 27-28. 1908. https://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/China/XIX/1820-1840/Ladyzenskij_M_V/text15.htm (accessed: 15.07.2024) (In Russ.)
 24. Kamensky P., Lipovtsov S. *Catalog of Chinese and Japanese books stored in the Library of the Imperial Academy of Sciences*. On the instructions of the President of this Academy, Sergei Semenovich Uvarov, again made to the State Collegium of Foreign Affairs by translators, collegiate assessors: Pavel Kamensky and Stepan Lipovtsov. St. Petersburg, 1818. (In Russ.)
 25. Official website of the Russian National Library: manuscript department. *First half of the 19th century: trophies, gifts, collections*. <https://nlr.ru/manuscripts/RA80/dary> (accessed: 15.07.2024) (In Russ.)
 26. Augustine (Nikitin). Archimandrite Avvakum (Chestnoj) —missionary, diplomat, orientalist. *Almanac "Alpha and Omega"*. No. 34, 35. 2002, 2003. <https://www.pravmir.ru/archimandrit-avvakum-chestnoy-missioner-diplomat-vostokoved/> (accessed: 15.07.2024) (In Russ.)

27. Catalog of books, manuscripts and maps in Chinese, Manchu, Mongolian, Tibetan and Sanskrit languages, located in the Library of the Asian Department. — St. Petersburg, 1843. Library of the Russian Geographical Society. <https://elib.rgo.ru/handle/123456789/211733> (accessed: 15.07.2024) (In Russ.)

Сведения об авторе

Харитоновна Анна Михайловна

ассистент

Кафедра теории общественного развития
стран Азии и Африки,

Санкт-Петербургский государственный
университет,

Санкт-Петербург, Россия

a.kharitonova@spbu.ru

Information about the author

Anna M. Kharitonova

Assistant Professor

Department of Theory of Social Development
of Asian and African Countries

St. Petersburg State University

St. Petersburg, Russia

a.kharitonova@spbu.ru

Информация о статье

Поступила в редакцию: 10.09.24

Одобрена после рецензирования: 21.09.24

Принята к публикации: 30.09.24

Information about the article

The article was submitted 10.09.24

Approved after reviewing 21.09.24

Accepted for publication 30.09.24

Kang Youwei biography from “Qing shi gao”

Биография Кан Ювэя из «Цин ши гао»

Мартынов Дмитрий Евгеньевич*Казанский (Приволжский) федеральный университет, Казань, Россия**Автор, ответственный за переписку:**dmitrymartynov80@mail.ru**<https://orcid.org/0000-0001-5385-1915>***Dmitry E. Martynov***Kazan (Volga region) Federal University, Kazan, Russia**Corresponding author:**dmitrymartynov80@mail.ru**<https://orcid.org/0000-0001-5385-1915>*УДК 94(510)+ 655.552 | НАУЧНАЯ СТАТЬЯ | [HTTPS://DOI.ORG/10.24412/2686-9675-3-2024-84](https://doi.org/10.24412/2686-9675-3-2024-84)**АННОТАЦИЯ**

В статье с ознакомительными целями приведён фрагмент цзюани 473 (цзюань 260 раздела «Биографии») «Черновика истории Цин» (*Цин ши гао*), опубликованного в 1928 г. Создание этого свода было санкционировано Юань Шикаем в 1914 г. под началом отставного цинского бюрократа Чжао Эрсюня (1844–1927). Биография Кан Ювэя отсутствовала в исходном тексте *Цин ши гао* и была добавлена в ксилографическом издании под редакцией Цзиньяна (1878–1962). Биография не содержит искажений событий 1898 г., идеи Движения за реформы сводятся к формуле «как сделать свою страну могущественной», а причиной провала реформ названо то, что «новая эра настала внезапно». С монархических позиций Ювэю выносятся похвала за конституционно-монархические убеждения и протесты против ликвидации

ABSTRACT

The article, for informational purposes, contains a fragment of *juan* 473 (*juan* 260 of the “Biographies” section) of the “Draft History of Qing” (*Qing shi gao*), published in 1928. The creation of this trait was authorized by Yuan Shikai in 1914 under the leadership of the retired Qing bureaucrat Zhao Erxiong (1844–1927). Kang Youwei’s biography was missing from the original *Qing shi gao* text and was added in the woodcut edition edited by Jinliang (1878–1962). The biography does not contain distortions of the events of 1898, the ideas of the Reform Movement are reduced to the formula “how to make our country powerful,” and the reason for the failure of the reforms is that “the new era came suddenly.” From a monarchical perspective, Kang Youwei is praised for his constitutional-monarchist ideals and protests against the abolition of the monarchy

монархии в 1911 г. В интеллектуальном отношении Кан Ювэй характеризуется как «великий идейный новатор, заложивший начало новой традиции».

Ключевые слова. История Китая, китайская историография, «Цин ши гао», Кан Ювэй, империя Цин, Китайская Республика, биография.

Для цитирования: Мартынов Д.Е. Биография Кан Ювэя из «Цин ши гао» // *Современные востоковедческие исследования*. 2024; Том 6 (3). С. 84- <https://doi.org/10.24412/2686-9675-2-2024-84>

Настоящая публикация призвана обратить внимание синологической общественности на недооцененный и крайне плохо изученный источник — «Черновик “Истории Цин”» (*Цин ши гао* 清史稿). По жанру и обстоятельствам создания – это последний представитель семейства «образцовых» или династийных историй (*чжэн ши* 正史). Данные тексты создавались после падения предыдущей династии на основе официальных документов, собираемых специально для этой цели. То есть образцовая история решала две задачи: легитимизации нового политического режима, который считался одобренным Небом (именно это значение

in 1911. Intellectually, Kang Youwei is characterized as “a great ideological innovator who laid the foundation for a new tradition.”

Keywords. History of China, Chinese historiography, “Qing shi gao”, Kang Youwei, Qing Empire, Republic of China, biography.

For citation: Martynov D.E. Kang Youwei biography from “Qing shi gao”. *Modern Oriental Studies*. 2024; Volume 6 (№3). P. 84- (In Russ.) <https://doi.org/10.24412/2686-9675-3-2024-84->

вкладывается китайской политической культурой в термин «династия» 朝) и одновременно рационального объяснения предыдущего царствующего дома, из-за чего высшие силы приводили на трон Срединного государства более добродетельный царственный дом.

В марте 1914 г. указом президента Юань Шикая (袁世凱, 1859–1916) была создана комиссия по написанию истории Цин (*Цин ши гуань* 清史館). В президентском указе оговаривалось, что следует «придерживаться образцов “Двадцати четырёх историй”». Главой историографического ведомства был назначен Чжао Эрсюнь (趙爾巽, 1844–1927)¹ сановник свергнутой

¹ Чжао Эрсюнь происходил из служивых Синего знамени китайского происхождения (так называемых ханьцзюней), предки его получили маньчжурское имя и вступали в браки с маньчжурскими аристократами. Его отец был убит во время Тайпинского восстания. Высшей конфуцианской степени удостоился в 1874 г., служил компилятором Академии Ханьлинь, а также гражданским комиссаром (布政使) в нескольких провинциях. С 1903 г. – губернатор Хунани, в 1905 г. переведён генерал-губернатором Шэньцзиня (ныне Ляонин). В 1908 г. переведён на пост губернатора Сычуани, и с 1911 г. переведен на пост генерал-губернатора трёх провинций Северо-востока и ревизора (欽差大臣). После Синьхайской революции жил в Циндао, откуда был призван Юань Шикаем возглавить историографическое ведомство.

династии, обладатель высшей конфуцианской степени *цзиньши*, но мало известный как ученый-конфуцианец. Обладавший монархическими амбициями Юань Шикай, безусловно, рассматривал проект «Истории Цин» как важную часть нематериального авторитета власти, своего рода «капитал легитимности». Поддержка старых чиновников династии Цин позволила в 1915 г. Юань Шикаю провозгласить себя императором [4, pp. 179–180]. Чжао Эрсюнь пригласил в авторский коллектив более ста «отставных талантов» (*исянь* 逸賢), но примерно половина из них не явилась на службу и не участвовали в работе.

После кончины Юань Шикая весной 1916 г. проект «Истории Цин» испытывал сложности с финансированием и получением материалов государственных архивов. Чжао Эрсюнь сотрудничал с милитаристами Бэйянской группировки (北洋军阀), в том числе одиозными персонажами: У Пэйфу (吳佩孚, 1874–1939) и Чжан Цзолинем (張作霖, 1875–1928). К 1927 г. Чжао Эрсюнь опубликовал получившийся «сырой» текст. Основных причин было три: во-первых, в Китае

резко ухудшилась политическая ситуация, шёл Северный поход и произошёл раскол между Гоминьданом и Коммунистической партией Китая. Во-вторых, в Китае бурными темпами шла научная революция и «движение за новую культуру», неблагоприятные для традиционного историографического проекта. В-третьих, главе редакторского коллектива исполнилось 84 года, и он опасался не дожить до завершения работы [4, p. 180]².

При печатании текста его было решено озаглавить как «Черновик» (稿) по образцу «Черновика истории Мин» XVIII в. Тайваньский историк Чэнь Сиюань (陳熙遠) утверждал также, что определение «черновик» должно было смягчить возможную критику слева и справа, так как черновик по определению подлежал доработке. Издательский комитет «Истории Цин» гоминьдановское правительство передало в Музей дворца Гугун, основанный в 1925 г. Директор музея И Пэйцзи (易培基, 1880–1937)³ в обращении в Исполнительный Юань Республики (правительство)⁴ предложил запретить публикацию «Черновика истории Цин», найдя

² Чжао Эрсюнь скончался незадолго до взятия Пекина национально-революционной армией. Чэнь Сиюань из всех причин самой серьёзной полагал вторую.

³ Уроженец Хунани, ученик Чжан Бинлиня и однокурсник Лу Синя. Получил высшее образование в Японии, после основания Республики служил секретарём президента Ли Юаньхуна. Далее перешёл на должность профессора Хунаньского педагогического института, одним из его учеников стал Мао Цзэдун. В 1925 г. по приглашению Государственного совета Китайской Республики возглавил процесс создания Национального дворцового музея, официально основанного 10 октября 1925 г. в Запретном городе. И Пэйцзи одновременно совмещал должность в департаменте Министерства образования и директора Пекинского женского пединститута. После переворота Дуань Цижуя был приговорен к аресту и бежал в Шанхай, где возглавлял Национальный университет профсоюзов. В 1927 г. новое гоминьдановское правительство назначило его комиссаром по делам Дворцового музея, главой которого стал в 1929 г. В отставке по болезни с 1933 г.

⁴ Чэнь Сиюань утверждал, что текст обращения был составлен историком Ли Цзунтуном (李宗侗, 1895–1975), получившим образование во Франции.

в нём девятнадцать погрешностей, которые характеризовал как «контрреволюционные». Глава правительства Чан Кайши своим декретом 1930 г. запретил *Цин ши гао* как «нелепое» издание, чья идеология противоречит республиканизму и национализму [4, p. 181]⁵.

По мнению Чэнь Сиюаня, по-видимому, ни одна из китайских официальных историй не создавалась в столь свободных для её авторов условиях, как *Цин ши гао*. Нет никаких свидетельств, что Юань Шикай или кто-либо из милитаристов вмешивался в работу авторского коллектива. То есть монархисты-ортодоксы-консерваторы имели полную возможность демонстрировать верноподданные чувства, не вступая в конфликт с военными властями и далее с республиканцами, которые отрицали предшествующий режим [4, p. 182].

Одним из важнейших источников конфликта авторов *Цин ши гао* с гоминьдановской властью стал вопрос календаря. Установление эры правления являлось традиционным способом утверждения новой династии или режима, что закреплено ещё летописью Конфуция *Чунь цю*. С 1 января 1912 г. в Китае действовал революционный календарь, намеренно игнорируемый цинскими историографами. Отрекшийся император Пу И в соглашении с республиканскими властями прямо соглашался использовать новый календарь со счётом лет от основания Республики. Чжао Эрсюнь и его авторы для

датировки событий после 1911 г. из принципа использовали не формулу «такой-то год республики», а только обозначения года по циклическим знакам «небесных стволов и земных ветвей» (天干地支). Естественно, что монархисты не использовали термина «революционные мученики», как и самого слова «революция». Для последней использовалось, например, сочетание «планировать бунт» (谋乱) или «поднимать мятеж» (作乱).

Издание 1928 г. включало 529 цзюаней текста (вместе с предисловием и оглавлением — 536), распределённых по традиционным разделам: 25 цзюаней «Основных анналов»; 135 цзюаней «Трактатов»; 53 цзюаня «Таблиц» и 316 цзюаней «Биографий» [1, 2]. Несмотря на принципиальный консерватизм составителей, редакторская коллегия не могла игнорировать новых реалий. Таким образом, среди трактатов появились главы «О коммуникациях» (交通志, цз. 149–152) и «О дипломатических отношениях» (邦交志, цз. 153–160), хотя большая часть раздела написана в традиционном духе и с использованием традиционной хронологии. Некоторые инновации заметны в разделе биографий, например, главы «Жизнеописания иностранных вождей» (土司列傳, цз. 512–517) [2, 5].

Источниковая база *Цин ши гао* типична для сочинений этого жанра: в основном, это «Цин шилу» (清实录), изданные ранее биографии

⁵Получил Однако и в современной КНР Цин ши гао критикуется за «феодалные суеверия», хотя тут же указывается, что сопоставимого по всеохватности обобщающего труда по эпохе Цин так и не создано, и «Черновик» во многих отношениях остается незаменимым [2]. Примерно так же характеризует свод немецкий синолог У. Теобальд [5].

заслуженных сановников, географические описания и некоторые другие материалы [2].

Всего существуют несколько версий *Цин ши гао*. Маньчжур Цзиньлянь (金梁, 1878–1962)⁶ вывез ксилографические матрицы из Пекина (как раз шло наступление гоминьдановских войск на столицу), дополнил некоторые биографии аннотациями и добавил 473-ю цзюань, содержащую биографии Чжан Сюня, Кан Ювэя и Чжан Бяо, часть которой мы даём в приложении. Всего им было отпечатано 1100 экземпляров, из которых 400 предназначались для рассылки по крупнейшим библиотекам, в том числе за пределами Китая. Версия Цзиньляня получила название «Первого застенного издания» (*гуаньвай ицинъ бэнь* 關外一次本). Не согласные с этой версией члены издательского коллектива предприняли в Пекине «Первое внутривенное издание» (*гуаньнэй ицинъ бэнь* 關內一次本). В 1942 г. Цзиньлянь внёс ещё дополнения, в частности, убрал жизнеописание Чжан Бяо, добавив биографии эрудитов Чжу Юня (朱筠, 1729–1781) и Вэн Фангана (翁方綱, 1733–1818) — так называемое «Второе застенное издание», вышедшее в Шанхае. В 1979 году издательство «Чжунхуа шуцзюй» выпустило наборное критическое издание с пунктуацией, за основу которого была взята вторая редакция

Цзиньляня с обозначением различий разных версий [2, 5].

Немецкий китаевед Ульрих Теобальд (Тюбингенский университет) единственный обратил внимание на жизнеописание Кан Ювэя из *Цин ши гао*, хотя и очень кратко. Он утверждал, что, поскольку Кан Ювэй являлся критиком династии, его наследие «описывается менее благоприятными словами, чем кто-либо ещё» [5]. На наш взгляд, это в корне неверное утверждение. В приложенном ниже переводе как нельзя лучше видно, как можно «обойти» нетерпимые с точки зрения ортодоксии события 1898 г., зато жизненный финал Кан Ювэя — консерватора и монархиста — отлично подходил для *Цин ши гао*.

Перевод осуществлён по оцифрованному изданию «Чжунхуа шуцзюй», размещённому на платформе *Chinese Text Project* [3].

[Перевод]

Кан Ювэй, второе имя Гуанся, прозвище Гэншэн, имя, данное при рождении, Цзуи, уроженец Наньхая в Гуандуне. В 21-й год Гуансюй (1895 г.) [удостоился степени] *цзиньши* [и получил распределение] помощником столоначальника в ведомство общественных работ.

⁶ Происходил из служивых Белого знамени, размещённых в Сычуани. Дед служил окружным судьей, отец командовал гарнизоном в Чжапу. В 1904 г. Цзиньлянь удостоился высшей конфуцианской степени цзиньши, служил компилятором Академии Ханьлинь, цензором, ответственным за Пекинский университет, далее переведён в Фэнтянь, где служил под началом Чжао Эрсюня. После революции служил в Маньчжурии, в 1913 г. стал наставником Чжан Сюэяна — сына Чжан Цзолиня, будущего маршала. Одновременно был директором Шэньянского дворцового музея. Во время монархического переворота Чжан Сюня 1917 г. получил должность министра внутренних дел. После захвата Северо-восточного Китая японцами в 1931 г. Цзиньлянь переехал с семейством в Тяньцзинь, однако затем был призван императором Маньчжоу-го Пу И, служил директором Фэнтяньского музея, возглавлял издательства по печатанию «Сыку цюаньшу» и дополнению «Истории Цин». После основания КНР работал библиотекарем в Литературном музее.

Учителем его был Чжу Цыци, высокоэрудированный знаток канона и классических комментариев, частным образом изучал неканоническое учение Гунъяна, и слова Конфуция об изменении установлений. В высшей степени почитая учение Конфуция, ранее основал академию, в которой воспитал множество учеников. Далее он представил цензору [меморандумы] об изменении правления более чем в 10000 слов, за что против него было подано обвинение в прельщении простолюдинов и извращении учения совершенномудрого (т.е., Конфуция), и что его книги надлежало сжечь. Во время прений о бюджете японо-китайской войны Ювэй собрал учёных всех провинций, подписавших «Меморандум прибывших на экзамены», отвергал условия мира, требовал перенести столицу и провести политическую реформу, но не добился цели. Тогда он в одиночку направил докладную записку в Цензорат, и, наконец, получил высочайшее одобрение и повеление передать его книги для рассмотрения. Вскоре он был приглашен на совещание министров по во-

просу установления спокойствия в государстве, на котором представил проект реформы государственного строя, для чего следует учредить новое министерство, принять новые законы, приступить к реформе управления и осуществлению новой политики. То же он говорил во время прений в ведомстве внешних сношений.

В 24-й год [под девизом Гуансюй] (1897 г.) Ювэй учредил «Союз защиты Родины» (*Баогухуэй* 保国会) в столице государства, а министр Ли Дуанфэнь⁷, академики Сюй Чжицзин⁸ и Чжан Боси⁹, цензор Гао Сецзэн¹⁰ независимо друг от друга рекомендовали таланты Ювэя, и потому он был призван на аудиенцию [у государя]. Ювэй почтительно излагал: «варвары четырех стран света объединяются и нападают [на Срединное государство], промедление смерти подобно; если не совершать обновления на Срединное государство], промедление смерти подобно; если не совершать обновления (*вэйсинь* 维新)¹¹ и не реформировать старинных [установлений], невозможно усиливаться¹². Изменение установлений

⁷ Получил Ли Дуаньфэнь (李端棻, 1833–1907) — политик эпохи Цин, уроженец Гуйяна. Будучи главой экзаменационной комиссии Гуандуна, обратил внимание на талантливого простолюдина Лян Цичао (ученика Кан Ювэя) и женил его на своей сестре Ли Хуэйсянь. После переворота 1898 г. был сослан в Синьцзян, амнистированный, служил по ведомству образования, в 1906 г. основал первую современную среднюю школу в Гуйяне, существующую и поныне.

⁸ Сюй Чжицзин (徐致靖, 1844–1918) — цинский администратор, уроженец Цзянсу. Стипендиат Академии Ханьлинь, именно он передал на Высочайшее имя меморандум Кан Ювэя о реформах. После переворота 1898 г. был приговорён к смертной казни с отсрочкой приговора (по заступничеству Ли Хунчжана), амнистирован в 1902 г., до самой смерти вел уединенную жизнь в Ханчжоу.

⁹ Чжан Боси (张百熙, 1847–1907) — цинский политик и педагог, уроженец Хунани. Начиная службу в Академии Ханьлинь, вершиной его карьеры стала должность министра почты и связи (1905). Основатель и первый директор Пекинского университета (1901), основоположник современной системы образования в Китае. Посмертно удостоен титула гуна.

¹⁰ Гао Сецзэн (高燮曾, 1838 или 1841–1917) — чиновник династии Цин, уроженец Хубэя.

¹¹ Этот же термин обозначает консервативную революцию Мэйдзи (1867 г.) в Японии.

¹² Вариант перевода: «устоять» или «не сдаться» (不能自强).

следует осуществлять комплексно, по единому плану; дабы реформа осуществлялась повсюду, следует подбирать людей для административных действий». Государь со вздохом спросил: «Как можно воздействовать на тех, кто создаёт препоны?» Ювэй ответил: «Ныне (就) августейший владыка располагает властью, способен изменять вещи, разрабатывать планы и удерживать стратегические позиции; этого достаточно для спасения государства. Поистине, [круг] министров, держащихся старины, должен быть расширен приглашением малых чинов, используемых по службе в порядке исключения; одновременно [государь] должен издать повеление скорбящим подданным, дабы упорядочить сердца людей (收拾人心)». Августейший согласился со всем. Аудиенция началась в час Дракона¹³ и окончилась после полудня, [Кан Ювэй] получил назначение сверхштатным правителем канцелярии Управления внешних сношений для разъяснения поручения [государя]. Очень скоро он привлек к себе чтеца Ханьлиньской академии Ян Жуя, императорского секретаря Линь Сюя, управляющего делами Лю Гуаньди, областного правителя Тань Сытуна¹⁴, принявших участие в разработке новой поли-

тики (синь чжэн 新政). Ювэй провел серию обсуждений, по результатам которых обновили регламент государственных экзаменов, из программы которых исключалось сочинение на темы «Четверокнижия» (Сы шу вэнь 四书文) взамен которых вводилось сочинение о принципах управления государством (цэ лунь 策论); учреждались Столичная учительская палата, бюро переводов и [государственное] издательство; вводились награды за развитие земледелия и успехи в агрономии, и новые исследования в области совершенствования техники¹⁵, во всех провинциях учреждались школы и академии, а образованным людям дозволялось подавать меморандумы с обсуждением государственной политики, чтобы предлагать [правительству] изменение установлений. [Были изданы указы] о сокращении: службы снабжения императрицы и наследника (詹事府)¹⁶, канцелярии по приёму жалоб и прошений трону (通政司)¹⁷, судебных чиновников по уголовным делам (大理)¹⁸, почётных титулов «за светлые заслуги» (光祿)¹⁹ и государевых конюших (太仆)²⁰, распорядителей по приему вассалов (鸿臚) всех присутственных палат, [отменены] дублирующие должности провинциальных

¹³ Китайский двойной час, длившийся от 7 до 9 часов утра.

¹⁴ Все перечисленные вошли в сонм «Шести благородных мужей [года] у-суй» (戊戌六君子), казнённых в сентябре 1898 г. после консервативного переворота. Кроме перечисленных, в число этих шестерых вошли: младший брат Кан Ювэя — Кан Гуанжэнь и Ян Шэньсю.

¹⁵ Дословно: «новых орудийных предметов» (新器).

¹⁶ Существовала до воцарения династии Цин (до 1644 г.).

¹⁷ Существовала от династии Сун (960–1279).

¹⁸ Жаловались с III в. до н.э.

¹⁹ Титул существует с эпохи Чжоу (XI – III вв. до н.э.).

²⁰ Титул эпохи Хань (III в. до н.э. – III в. н.э.)

губернаторов и генерал-губернаторов, главного инспектора укрепления дамб на Хуанхэ и содержания Императорского канала, комиссаров по перевозке хлебного налога и окружных управляющих соляной монополии, открыт Зал Прекрасного служения (懋勤殿)²¹, объявлено о всеобъемлющей политической реформе (定制度), смене девиза правления, переносе столицы и инспекционной поездке государя на Юг. Прежде, чем все это было исполнено, было дозволено высказывать свое мнение, и последовали обвинения товарищу министра церемонии в воспрепятствовании императорским повелениям и нарушениям долга. Старые служаки, опасаясь [за свою судьбу], объединились для критики, а личное очень серьезное обвинение против Ювэя выдвинул цензор и императорский личный секретарь Вэньти²². Высочайший [т.е. государь]²³ решил судьбу Ювэя, повелев ему покинуть столицу и назначив главой правительственной газеты [в Шанхае].

Высочайший, хотя и принял бразды правления, сталкиваясь с проблемами, неизменно следовал желаниям вдовствующей императрицы [Цыси]; осмысляя длительные унижения и гнёт со стороны иностранных держав, помышлял о переменах и реформе установлений,

размышлял, как сделать свою страну могущественной, задействовав идеи Ювэя (用有为言) о трёх этапах преобразований и научно-технических заимствованиях внутри страны и за границей. Однако новая эра настала внезапно, [великое дело] не держалось в тайне, и завершилось злом. В то время ходили слухи, что солдаты окружают Летний дворец (Ихэюань 颐和园) и нападут на вдовствующую императрицу; сердца людей были в смятении. Киноварный указ (朱谕)²⁴ Высочайшего, изданный во время обсуждений примирения [консерваторов и реформаторов], содержал слова: «Престол Наш пока ещё не укреплен», и эти незначительные слова распространились, как зараза. В результате вдовствующая императрица из-под опущенного занавеса (帘后) повелела немедленно прекратить новую политику. Ювэя как [смутьяна], создавшего клику, оскорблявшего Величество, расстроившего дела правления, [повелевалось] отрешить от должности и арестовать. Ювэй успел бежать, схватили его младшего брата Гуанжэня и Ян Жуюя и бросили в застенки, после чего срочно приговорили к обезглавливанию. Далее был повторён указ, что Ювэй совершил величайшее преступление (大逆不道), подстрекал к заговору,

²¹ Павильон Запретного города в Пекине. Первоначально служил кабинетом императора Канси (康熙, 1661–1723), далее использовался как помещение для дежурных чиновников Академии Ханьлинь. Императоры использовали данное помещение для ознакомления с важнейшими делами Министерства наказаний, требующих августейшего решения. Смысл данной фразы: император Гуансюй сделал свою особу более открытой для информации и предложений с мест.

²² Вэньти (文悌, 1849–1910) — маньчжурский сановник клана Гувальгия Желтого знамени. После 1898 г. служил префектом Лояна в Хэнани, боролся с ихэтуанями.

²³ В оригинале 上先, т.е. «покойный Высочайший».

²⁴ Оформлял чрезвычайные предписания, переписывался красной тушью, что должно было означать личное распоряжение императора.

обнародовал подложный Киноварный указ; за поимку его и членов его семьи установили награду. Ювэй под покровом ночи сел на паром и отправился на юг, а дойдя до Усуна²⁵, был встречен английским военным кораблём. В то время распространялись слухи, что Высочайший тайно низвержен с трона и убит²⁶; а Ювэй набросал черновик предсмертной клятвы и якобы утопился в море. Англичане, узнав об этих слухах, уведомили, что Ювэй спасся и бежал в Японию, а далее странствовал по всем странам Южных морей, Европы и Америки. Там [т.е. в эмиграции] он почитал государя и призывал к спасению императора и родины, создал политическое общество и издавал газету, собирал средства, строил планы, которые неизменно оканчивались крахом, подвергся бесчисленным опасностям. В конце концов, он собрал средства и поднял восстание в Цзяннани, но правительственные войска раскрыли и подавили заговор, и разгромили его группировку. Повсюду распространялись указы о запрете чтения его книг и газетных статей под страхом оказаться соучастником заговора.

Поначалу вдовствующая императрица предложила низложить императора под предлогом его болезни, и на долгое время затворила его на острове Интай²⁷. Ювэй опубликовал эти известия в первом номере издаваемого им журнала, присовокупив петиции лучших людей за прекращение этих действий; обвинения выдвигали также иностранцы. Наместник Лянцзяна Лю Кунь²⁸ сказал: «Правитель и подданные разобщены, это приводит к разобщённости Китая и иностранных держав, отчего оборона гаваней затруднена», и выступил против низложения старого правителя и возведения на престол нового (废立). Когда восстали ихэтуаньские бандиты (拳匪), начались убийства иностранцев, громко осуждаемые реформаторами (新党)²⁹; вдовствующая императрица попыталась, используя [ихэтуаней], укрепить свою власть, и сразу же сделалась зачинщицей великой смуты; на всех, кто был сторонником Ювэя и поддерживал его партию, обрушились неожиданные несчастья.

В третий год [правления под девизом Сюаньтун] (1911 г.) началась замятня в Хубэе

²⁵ Что Порт Шанхая в устье одноименной реки.

²⁶ Использовано понятие высокой лексики 弑, означающее убийство вышестоящего, особенно отца или государя.

²⁷ Искусственный остров в парке Чжуннаньхуа — императорской резиденции.

²⁸ Лю Кунь (刘坤一, 1830–1902) — цинский сановник, уроженец Хунани. Наравне с Чжан Чжидуном возглавлял «Движение за усвоение заморских дел» (洋务运动), с 1875 г. попеременно занимал должности генерал-губернатора Лянцзяна и Лянгуана, покровительствовал деятельности Цзяннаньского арсенала. С 1890 г. вновь губернатор Лянцзяна и контролёр заморской торговли. Посмертно удостоен титула «Верный нань».

²⁹ Исторически этот термин («Новая партия/группировка») обозначал придворную партию сторонников этактистских реформ Ван Аньши (王安石, 1021–1086) эпохи династии Сун в XI в. В эпоху Цин «Новой партией» стали именовать сторонников реформ Кан Ювэя, а потом буржуазных революционеров круга Сунь Ятсена.

(鄂变作), [правительство] воспретило деятельность партий, те, кто были наказаны после переворота 1898 г. (戊戌政变), и вследствие чего Ювэй спасался бегством, [проведя в эмиграции] более десяти лет, начали строить планы возвращения на родину. То был момент, когда народ и армия (民军) решили учредить республику (共和), тогда как при дворе обсуждали введение конституции (立宪). Ювэй призывал к созданию «конституционно-монархической республики» (虚君共和), говоря: «Монархический строй в Китае существует многие тысячи лет, что невозможно изменить в один момент, власть Великой Цин довела до предела прямо-ту, а благодеяния предыдущих династий глубоко отпечатались в сердцах людей. Сохранив императорский титул, сможем объединить пять национальностей³⁰, устранить смуту, уладить конфликты, и нет для этого более благоприятного момента, чем сейчас». Премьер-министр Цинского кабинета³¹ Юань Шикай повиновался воле народа и армии, решительно изменил отношение к республиканскому строю, подчиняясь подданным, приказал издать указ об отречении. Ювэй понимал, что пустых слов недостаточно, чтобы прекратить захват власти теми, кто держал военную силу, и потому в одиночку странствовал и искал немногих соратников во властных структурах, но за долгие годы ничего

не добился. В год *дин сы* (1917 г.) произошёл военный путч Чжан Сюня (张勋复辟), который назначил Ювэя вице-президентом Палаты старейшин (弼德院). Сюнь предполагал ввести конституционную монархию, Ювэй, как и прежде, ратовал за «конституционно-монархическую республику». После подавления [путча Чжан Сюня] Ювэй скрывался в американском посольстве, а потом кружным путем вернулся в Шанхай.

В год *цзя цзы* (1924 г.) произошла смена дворца³², был пересмотрен режим преференций³³. Ювэй направил циркулярную телеграмму-молнию, оспаривая это. В сокращении она гласила: «Режим преференций заключен между императором Великой Цин (大清皇帝) и Временным правительством Республики (民国临时政府), оформлен постановлением, действует на постоянной основе под гарантии британского посланника, официальные документы доведены до всеобщего сведения правительств всех стран, равносильны межгосударственным договорам. Ныне правительство самовольно изменило условия соглашения, принудив [парламент] к одобрению; осмеливается ввести во дворец войска, бесцеремонно обыскать императора, оскорблять и изгонять императорских жен и наложниц, конфисковать драгоценности вопреки государственному соглашению,

³⁰ 五族 — пять основных национальностей Китая (ханьцы, маньчжуры, монголы, мусульманские народы, тибетцы).

³¹ 内阁总理大臣.

³² Т.е. императорское семейство и придворные были изгнаны из Запретного города, где оставались по соглашению с Юань Шикаем.

³³ Согласно условиям отречения династии Цин, в пределах Запретного города сохранялась титулатура и придворный этикет, из государственного бюджета выделялись средства на содержание императорской фамилии.

нарушая собственную конституцию и международные гарантии. Внешнеполитические договоры можно принимать и отвергать, но можем ли мы принимать и отвергать [собственное] государство? Вышний государь есть общее достояние Поднебесной (皇上天下为公)³⁴, [предкоим] сообща благоговеют в центре и на окраинах (中外共仰). Неужто согласие разобьется и сменится соперничеством? Поистине, это позор всей Республики!»

Перебравшись в следующем году (1925 г.) в Тяньцзинь, Ювэй побывал на аудиенции [низложенного императора], приводил в порядок рукописи, слава его таланта распространилась далеко, как и злословие о нем. В год дин мао (1927 г.) Ювэю исполнилось семьдесят лет³⁵, [отрекшийся государь] пожаловал его [жезлом] долголетия и своеручно написанным поздравлением, что до слез растрогало [юбиляра]; в ответном послании он поведал о миновавших бедах и оказанных благодеяниях, патетически описал свою жизнь, полную трудностей и опасностей, скорби и гнева. Время от времени Ювэй скорбел о настоящем и тосковал, храня в памяти пережитое, а когда боль становилась нестерпимой, стонал или смеялся без причины. На одре болезни он познал самого себя, составил набросок предсмертного послания, окончив свои дни в Циндао.

Ювэй обладал необыкновенными талантами, для него не существовало неведомого во всех науках древности и современности, отли-

чался твердокаменной уверенностью в себе, был великим идейным новатором, регулярно давал начало новым традициям. Во-первых, он рассуждал о реформах, во-вторых, о Великом единении, под которым подразумевал Эру великого спокойствия, которая непременно настанет сама собою; незадолго до кончины постиг принцип «у Неба и человека одно тело» (天人一体之理). Он составил великое множество трудов, включая «Исследование Конфуция-реформатора» (孔子改制考), «Исследование подложных канонов Синьского учения» (新学伪经考), «Учение о “Веснах и осенях” г-на Дуна» (春秋董氏学), «Исследование глубоких речей и великих смыслов, укрытых в “Веснах и осенях”» (春秋笔削大义微言考), «Книгу о Великом единении» (大同书), «О спасении родины [развитием] материальной цивилизации» (物质救国论), «Об электричестве» (电通), далее: «Главы учителя Кана о внешнем и внутреннем» (康子内外篇), «Записки Чансинской академии» (长兴学舍), «Соломенную хижину среди мириады деревьев и трав» (万木草堂), «Записи учения, преподанного у шалаша Небесного странника» (天游庐讲学记), описания путешествий по многим странам, и поэтическую антологию.

Итог таков: в эры правления Гуан[суй] (1875–1908 гг.) и Сюань[тун] (1908–1911) перемены в мире³⁶ следовали одна за другой, и в Среднем государстве изменения можно охарактеризовать как перемены к худшему. Эти события фиксируются историографами

³⁴ Кан Ювэй переиначил формулу конфуцианского «Канона церемоний» (礼记) — «Поднебесная — общее достояние» (天下为公). В 1920-е гг. это и важный лозунг Трёх народных принципов Сунь Ятсена.

³⁵ По китайскому счету от зачатия.

³⁶ Это же сочетание иероглифов (世变) означает «мировые потрясения, изменения в связи со сменой века».

и распространяются [повсюду]. Эпоха, наступившая после года синь хай (1911 г.), ещё не может быть зафиксирована в истории. Единственное [исключение сделаем] лишь для путча года дин сы [переворота Чжан Сюня 1917 г.] и смены дворца года цзя цзы (1924 г.), когда произошло отречение, [ибо они] составляют два величайших события, вдобавок, Сюнь и Ювэй оказались вовлечены в дела Цинского императорского дома и память об этих людях не должна исчезнуть. Нынешние историографы не избегают упоминания трех ванов поздней династии Мин (1644–1661 гг.), как и верных им старых сановников. Ныне подражаем их стилю, используя при написании данной главы. Вполне возможно извлечь уроки из событий начала и конца дома Цин.

Библиография

1. Цин ши гао // Чжунго да байкэ цюаньшу, ди эр бянь (清史稿 中国大百科全书第二版) [Большая китайская энциклопедия, изд. 2-е]. Т. 18. Пекин: Чжунго да байкэ цюаньшу чубаньшэ, 2009. С. 174.
2. Цин ши гао цзяочжу (《清史稿》校注) [Черновик «Истории Цин» сверенный и откомментированный] // Чжунхуа вэньши ван 中华文史网. URL: <http://www.qinghistory.cn/qsg/351527.shtml>
3. Чжан Сюнь, Кан Ювэй (张勋康有为) // Цин ши гао, ле чжуань 260 (清史稿列传二百六十) [Черновик «Истории Цин», раздел жизнеописаний, цюань 260] // Chinese Text Project = 中國哲學書電子化計劃. URL: <https://ctext.org/wiki.pl?if=gb&chapter=120757>
4. Chen Hsi-Yuan. Last Chapter Unfinished: The Making of the Official Qing History and the Crisis of Traditional Chinese Historiography // *Historiography East and West*. 2004. Vol. 2, no. 2. P. 173–204. DOI 10.1163/157018606779068306.
5. Qingshigao 清史稿 // ChinaKnowledge.de – An Encyclopaedia on Chinese History and Literature. URL: <http://www.china-knowledge.de/Literature/Historiography/qingshigao.html>

References

1. Mustafa Qingshi Gao // *Zhongguo da baike quanshu, di er bian* (清史稿 中国大百科全书第二版) [Encyclopedia of China, 2nd ed.]. Vol. 18. Beijing: Zhongguo da baike quanshu chubanshe, 2009. P. 174. (In Chinese)
2. Qingshi Gao jiao zhu (《清史稿》校注) [Annotations to the Draft History of Qing Dynasty] // *Zhonghua wenshi wang* 中华文史网. URL: <http://www.qinghistory.cn/qsg/351527.shtml> (In Chinese)
3. Zhang Xun, Kang Youwei (张勋康有为), in *Qingshi gao lie zhuan 260* (清史稿列传二百六十) [Draft History of Qing, Biographies, juan 260] // Chinese Text Project = 中國哲學書電子化計劃. URL: <https://ctext.org/wiki.pl?if=gb&chapter=120757>
4. Chen Hsi-Yuan. Last Chapter Unfinished: The Making of the Official Qing History and the

Crisis of Traditional Chinese Historiography // Historiography East and West. 2004. Vol. 2, no. 2. P. 173–204. DOI 10.1163/157018606779068306.

5. Qingshigao 清史稿 // ChinaKnowledge.de – An Encyclopaedia on Chinese History and Literature. URL: <http://www.china-knowledge.de/Literature/Historiography/qingshigao.html>

Сведения об авторе

Дмитрий Евгеньевич Мартынов,

Доктор исторических наук, профессор
Казанский (Приволжский) федеральный
университет

dmitrymartynov80@mail.ru

Information about the author

Dmitry E. Martynov,

Doctor of History, Professor
Kazan (Volga region) Federal University

dmitrymartynov80@mail.ru

Информация о статье

Поступила в редакцию: 10.09.24

Одобрена после рецензирования: 21.09.24

Принята к публикации: 30.09.24

Information about the article

The article was submitted 10.09.24

Approved after reviewing 21.09.24

Accepted for publication 30.09.24

**Historiographical experience of young chemist:
an essay “India before and after sepoy mutiny” by Prafullachandra Ray**

**Историографический опыт молодого химика:
эссе Профуллочондро Рая «Индия до и после Восстания сипаев»**

Скорородова Татьяна Григорьевна

*Пензенский государственный университет,
г. Пенза, Российская Федерация
skorokhod71@mail.ru*

Tatiana G. Skorokhodova

*Penza State University,
Penza, Russian Federation
skorokhod71@mail.ru*

УДК 30 | НАУЧНАЯ СТАТЬЯ | [HTTPS://DOI.ORG/10.24412/2686-9675-3-2024-97-117](https://doi.org/10.24412/2686-9675-3-2024-97-117)

АННОТАЦИЯ

Эссе Профуллочондро Рая «Индия до и после Восстания сипаев» анализируется в контексте развития исторического сознания в эпоху Бенгальского Возрождения XIX – начала XIX вв. Историкографический опыт молодого индийского студента-химика представлен как символический ответ на интеллектуальный императив развития исследований индийской истории самими индийцами. П. Рай попытался описать «историю современности» в Индии в её политическом и экономическом, а также в социокультурном измерениях. Эссе занимает место значительное место на фоне фактического отсутствия индийских индигенных трудов о британской колонизации и правлении XVIII–XIX вв. На основе широкого круга источников П. Рай представил многосторонний и многозначный процесс и содержание истории

ABSTRACT

An essay *India before and after Mutiny* by Prafullachandra Ray has been analyzed in the context of development of historical consciousness during the Bengal Renaissance Nineteenth – early Twentieth centuries. The historiographical experience of young Indian student-chemist is presented as one of symbolic response to intellectual imperative to develop the study of Indian history by Indians. P. Ray tried to describe the history of contemporaneity for India in its political and economic along with social-cultural dimensions. The essay takes place of outstanding research against the backdrop of a lack of Indian indigenous works on XVIII–XIXth century colonization and the rule by the British. Based on the broad circle of sources, P. Ray presented many-sided and ambiguous process and content of history ‘before and after’ Mutiny (1857) to explain Indian modernization.

«до и после» Восстания (1857), чтобы объяснить модернизацию Индии. Он описывает, как и каким образом британское завоевание и правление изменило ход истории Индии. С одной стороны, индийцы были лишены возможности участия во власти и управлении, и на них было возложено бремя военных и экономических расходов. С другой стороны, импорт современных западных институтов и экономических форм создал не только опасность для благосостояния Индийского населения (бедность, голод и др.), но и широкие возможности в экономике (развитие промышленного и сельскохозяйственного производства и др.), образования и современной науки, а также в политической сфере (развитие национального сознания и создание политической нации). Все проблемы и провалы в колониальной ситуации не отменяют положительное движение Индии в современный мир. П. Рай выдвигает идею экономического, интеллектуального и культурного развития соотечественников и перспективную мысль о принятии на себя ответственности за свою страну через будущее участие во власти.

Ключевые слова: История Индии Нового времени, Бенгальское Возрождение, историческое сознание, Профуллочондро Рай, историография, модернизация.

Для цитирования: Скороходова Т.Г. Историографический опыт молодого химика: эссе Профуллочондро Рая «Индия до и после Восстания сипаев». *Современные востоковедческие исследования*. 2024; Том 6 (3). С. 97-117 <https://doi.org/10.24412/2686-9675-3-2024-97-117>

He describes how and in what way the British conquest and government had changed the course of India's history. On the one hand, Indians were excluded from the power and administration, and the burden of military and economic expenses was placed on them. On the other hand, the import of modern Western institutions and economic forms had created not only danger to welfare of Indian population (poverty, starvation etc.), but also the broad advantages in economy (development of both industry and agriculture in India), education and modern science as well as in political sphere (development of national consciousness and the creation of political nation). All the problems and failures in colonial condition are not canceled the positive moving of India in the Modern world. P. Ray raises an idea of economical, intellectual and cultural development of compatriots and perspective idea of taking responsibility for their country through the future participation in government.

Keywords: Modern Indian history, the Bengal Renaissance, historical consciousness, Prafullachandra Ray, historiography, modernization.

For citation: Skorokhodova T.G. Historiographical experience of young chemist: an essay "India before and after sepoy mutiny" by Prafullachandra Ray. *Modern Oriental Studies*. 2024; Volume 6 (№3). P. 97-117 (In Russ.) <https://doi.org/10.24412/2686-9675-3-2024-97-117>

«...В 1885 г. лорд Иддсли (Iddesleigh), который был министром по делам Индии в 1867–1868, а ныне лорд-ректор университета, объявил, что за лучшее эссе на тему “Индия до и после Восстания сипаев” будет присуждена награда. И хотя я был занят в лаборатории и готовился к экзаменам на степень бакалавра, я испытал искушение присоединиться к списку участников» [Ray, 1932, С. 61], — вспоминал индийский химик и общественный деятель Профуллочондро Рай (1861–1944). Что побудило молодого бенгальского студента Эдинбургского университета погрузиться в изучение книг и источников по истории политики и экономики Британской Индии XIX в., его родины, свыше ста лет находящейся в колониальной зависимости от одной из ведущих модернизированных стран Европы? Только ли его «скрытая, почти врождённая любовь к историческим исследованиям», которая пробудилась в момент объявления конкурса [Ray, 1932, С. 61], придала ему смелости состязаться с учёными-выпускниками Эдинбургского университета, и только ли «любовь автора к его стране, любовь к учёности и широта ума», отмеченные Хирендронатхом Мукерджи [Mukherjee, 2012, С. v]?

Историографический опыт Профуллочондро Раия был звеном в последовательном процессе формирования исторического сознания и осмысления истории Индии в эпоху национально-культурного ренессанса в Бенгалии XIX — начала XX вв. [См.: Dasgupta 2011; Dasgupta 2012]. Бенгальское Возрождение было исторически первым в ряду региональных социокультурных движений и процессов в колониальной Индии. Новые интеллектуальные элиты, сло-

жившиеся благодаря освоению западного научного и культурного знания наряду с приобретением к индийскому культурному наследию и традиционной учёности, занялись осмыслением новой ситуации и состояния общества, а также общественно-реформаторской деятельностью. И одной из значимых областей приложения их усилий стали гуманитарные науки, в первую очередь история.

Импорт институтов современного образования и науки по каналам колониального управления и первоначально в интересах администрации подчинённых территорий, равно как и благодаря научным интересам европейских учёных обеспечил встречное движение индийских интеллектуалов, чьими усилиями были заложены основы развития современной науки в Индии [См.: Рашковский, 1990, С. 137–158; Lourdasamy 2004; Mallick 2006; Das Gupta (Ed.), 2011]. Однако если естественные науки в Индии имели давние традиции и древнюю историю, то в социогуманитарных науках устойчивые традиции сложились не во всех областях познания: в частности, неразвитой была социальная мысль (в отличие от политической), не сложилась и история как особая дисциплина, предметом которой является эволюция общества во времени. Это равнодушие к истории, смешение её с мифологическими нарративами, игнорирование хронологии и своеобразное отношение ко времени справедливо считается отличительной особенностью индийской цивилизации [См., напр.: Алаев 2018], но с вовлечением индийской цивилизационной общности в процессы модернизации в колониальный период ситуация в интеллектуальной сфере стала

динамически меняться. С одной стороны, так и не написанная индийцами индийская история превратилась в объект живого научного интереса европейских учёных-гуманитариев, которые занялись её реконструкцией, опираясь на доступные и вновь открываемые археологические и письменные источники [Korff, 1969; Алаев, 2013, С. 16–74]. С другой стороны, представители новых интеллектуальных кругов, озабоченных судьбой своей страны и настоящим состоянием общества, тоже почувствовали вкус к науке истории и серьёзно задумались об истории Индии, и первыми здесь были бенгальские интеллектуалы.

Рождение интереса к истории Индии в Бенгалии можно отсчитывать с «Краткого очерка древних и современных границ и истории Индии» (1831) философа, реформатора и политика Раммохана Рая (1872–1833), открывшего целый ряд векторов ренессансных процессов своими идеями, трудами и инициативами. Затем его младшие современники, ученики поэта и просветителя Г. В. Л. Дерозио основали в 1838 г. «Общество содействия приобретению всеобщих знаний». Среди их трудов, прочитанных в виде докладов на заседаниях, было несколько попыток последовательно представить ход истории страны (Перичанд Митро, Гобиндочондро Шен). На открытии Общества молодой учёный и общественный деятель Кришномохан Банерджи (1813–1885) прочитал лекцию «О природе и важности исторических исследований», где впервые сформулировал императив изучения истории Индии в контексте истории всемирной. Поскольку она – «одна из древнейших цивилизаций Азии»,

следует взяться за её научное постижение, которое ценно не только как знание, но и для просвещения соотечественников, дабы способствовать их воспитанию и моральному возрождению: «Если изучение истории имеет такое огромное значение для человечества вообще, то насколько более важно оно для людей, находящихся в нашем положении! Мы никоим образом не можем удовлетвориться существующим положением дел. Нам жаль, что нас окружают столь несчастные и деградирующие соотечественники, и мы желали бы гордиться более мудрыми и совершенными умами и вдохновляться стойким гражданским духом» [Banerjea, 1965, С. 22].

Этот императив исследования собственной истории был повторен и обоснован в 1876 г. в публичной лекции «Исследование индийской истории» Сурендронатха Банерджи (1848–1925), тогда преподавателя Метрополитэн-колледжа, будущего политика-конгрессиста. Он поднял проблему её научного исследования в контексте нравственного и социального возрождения страны, развернув её как пять уровней данности:

- 1) отсутствие индийцев-историков и потребность в них;
- 2) наличие предмета исследования — политической и культурной истории;
- 3) наличие опыта изучения истории Индии иностранцами;
- 4) затруднения с доступом к историческим источникам и их сохранностью;

5) необходимость реконструкции хода истории индуктивным методом и сложением данных разных источников с одновременным следованием принципам объективности, «практического здравомыслия» и «ограничению богатого воображения».

Смысл изучения истории — тот же, что и у К. Банерджи: «Прошлое должно быть изучено, прежде чем дело Индийского возрождения (regeneration) будет возможно завершить» [Banerjea, 1970, С. 235, 230]. Так или иначе, императив исторического познания родной страны был в XIX в. известен большинству мыслящих интеллектуалов Бенгалии и других регионов, и в меру возможностей они взяли на себя роль историков и создавали исторические работы — большей частью посвящённые истории региона (Бенгалии), но также охватывающие периоды истории субконтинента с древности [Mukherjee, 1958, С. 365–366]. Писатель Бонкимчондро Чоттопаддхай предложил художественные картины событий относительно недавней истории (XVII–XIX в.) в романах. Друг и единомышленник Сурендронатха Банерджи, экономист Ромешчондро Дотто (1848–1909) начал работу над многотомной историей цивилизации Древней Индии, основываясь на санскритских источниках. При этом очевиден наибольший интерес к древней истории, относительно меньший — к так называемому мусульманскому периоду истории Индии. Новая — недавняя история, связанная с современностью, с вовлечением общества в процессе модернизационной трансформации, становилось

предметом интереса реже, а импульс её анализа чаще приходил от европейцев.

1. В случае с Профуллочондро Раем обращение к «истории современности» произошло в инокультурном окружении по «внешнему» поводу, резонируя с личной склонностью к историко-гуманитарной проблематике у студента, знающего, что он «был рождён для химии» [Ray, 1932, С. 59] и вместе с нею изучающего в Эдинбурге физику, ботанику и зоологию. Однако молодой бенгальский интеллигент вырос в атмосфере эпохи духовного и культурного ренессанса и был восприимчив к императивам, рождённым средой, выходцем из которой он был — средой бхоролок (бенг. букв. благородные люди, джентльмены).

2. Сын землевладельца среднего достатка из Восточной Бенгалии (деревня Рарули дистрикта Джессор), чьи предки служили бенгальским навабам во время империи Великих Моголов, а затем в административном аппарате Ост-Индской компании, Профуллочондро Рай вырос в семье, культурно и социально погружённой в атмосферу Бенгальского Ренессанса. Начальное образование мальчик получил в основанной в Рарули его отцом английской средней школе, а после переезда семьи в Калькутту продолжил обучение в школе, основанной шотландцем Дэвидом Хэйром, другом и единомышленником Раммохана Рая. Из-за болезни вынужденный на два года оставить школу, Профуллочондро смог «потворствовать своей страсти к занятиям без помех и препятствий» — читать бенгальскую и английскую художественную литературу наряду с естественнонаучной и гуманитарной [Ray, 1932, С. 33]. В автобиографии

он называет историю среди своих любимых школьных предметов [Ray, 1932, С. 27–28], а в его круге чтения присутствует множество трудов по европейской истории наряду с первыми историческими работами индийских учёных — Раджендролала Митро и других. Затем Профуллочондро Рай продолжил обучение в Метрополитэн-колледже, основанном выдающимся просветителем и реформатором Ишшорчондро Биддешагором. Одновременно юноша слушал курс физики и химии в Президентском колледже и «почти неосознанно начал втягиваться именно в эту отрасль науки» [Ray, 1932, С. 47]. Получив стипендию Гилкрита, Профуллочондро уехал в Англию и поступил в Эдинбургский университет.

3. В биографии учёного, которого на родине называют «отцом химии в Индии», который явился признанным на мировом уровне исследователем в области органической химии, основателем химической промышленности в Бенгалии, профессором Калькутского университета, воспитавшим плеяду учёных-химиков Индии XX века [Zachariah, 2006; Chakrabarti, 2011; Chakravorty, 2014; Dasgupta, 2012, С. 152–169], эссе можно было бы считать случайным эпизодом, если бы, с одной стороны, в его сознание не вошли ключевые идеи и устремления и эпохи вместе с характерными чертами её молодого исторического сознания, а с другой стороны, если бы сам он не считал его значимым событием, которое «в известной мере окрасило мою будущую карьеру» [Ray, 1932, С. 61]. Спустя почти два десятилетия П. Рай успешно выступил в роли историка, но не общества, а науки: его «История индусской хи-

мии» в двух томах (1902–1909) охватила временной период от появления алхимических идей в Ведах до 1600 г. н. э. и сохранила научное значение и в начале XXI в. Более того, сопряжение истории индийской науки с контекстом социальной эволюции позволило ему стать одним из первых науковедов Индии [См.: Рай, 2022]. И поэтому его эссе 1885 года заслуживает пристального внимания не только как «проба пера» будущего историка науки, или «одно из проявлений националистического сознания» на позднем этапе Бенгальского Ренессанса [Dasgupta, 2011, С. 411–412] и «зрелости и патриотизма» молодого учёного [Ray, 2012, С. iii], но в первую очередь как опыт осмысления истории модернизирующейся Индии, своего рода «истории современности», хронологически опередивший аналогичные труды старших современников, профессионально занимающихся историческими исследованиями, — прежде всего Ромешчондро Дотто, автора двухтомной «Экономической истории Индии» (1902–1904).

4. К работе Профуллочондро отнёсся со всей серьёзностью: изучил все доступные ему в библиотеке университета труды о современной Индии, включая французские (Русселе «Индия раджей» и Ланойе «Современная Индия»), обратился к материалам британской, французской ('Revue des deux Mondes') и индийской ('Hindu Patriot') прессы и стенограммам парламентских дебатов (Hansard), а также книгам по политэкономии («Очерки индийской финансовой системы» Фосета и др.) [Ray, 1932, С. 61–62]. Это наложило известный отпечаток на эссе — источники, выступления и аналитические пассажи учёных и политиков в нём

обширно и часто цитируются, создавая впечатление диалога с участниками событий и экспертами: автор предоставляет им давать оценки происходящему и порой этим ограничивается. Текст «Индии до и после Восстания сипаев», тем не менее, оставляет впечатление упорного стремления автора быть объективным самому и воссоздать столь же объективную картину индийской истории на протяжении века колониального правления. Но именно объективности жюри конкурса не оценило: эссе сочли «полным горьких обличений по адресу британского управления» [Ray, 1932, С. 62], — в этом причина присуждения награды другому участнику, хотя эссе П. Рая и было отмечено как равноценное призовому как *proxime accesserant* (лат. «близко подошедшее к цели»). Бывший чиновник администрации Соединённых провинций Индии, востоковед-арабист, принципал университета Уильям Мьюэр (Muir, 1819–1905), напротив, специально отметил работу Профуллочондро Рая как «Имеющую знаки редкого совершенства» [Ray, 1932, С. 65].

5. «В искусстве написания книг я был начинающим, особенно в требующемся описании, но будучи индийцем, я подумал, что эту возможность упустить нельзя, и, собрав обширный материал, набрался смелости и принялся наносить чернила на бумагу», — вспоминает П. Рай [Ray, 1932, С. 62]. По его словам, он стремился быть кратким, избегать многословия и придерживаться самой сути дела. Структура его нарратива вполне продумана и построена на сочетании хронологического и проблемно-тематического принципов изложения содержания. Первая часть разделена на четыре главы

и в основном посвящена политической истории с основания Индийской империи англичанами и до правления генерал-губернатора лорда Р. Мэйо, «с особым вниманием к администрациям, создавшим или исполнившим планы материального и морального прогресса этой земли» [Ray, 2012, С. 2]. Вторая часть — описание экономического, интеллектуального и морального состояния и проблем, достижений и провалов эпохи британского правления — экономики, социальных отношений и институтов (три главы).

6. Особо отметим факт публикации эссе П. Рая сначала за свой счёт в университетской типографии, затем переиздание в 1886 г. Ему было предпослано посвящение студентам университета, а один экземпляр отправлен члену британского парламента Джон Брайту (1811–1889) – и он ответил автору сочувственным письмом, где особо отмечал «неведение части общественности... страны (Англии — Т.С.) и безмерный эгоизм здесь, как и в Индии, по отношению к нашим подлинным интересам в Индии», а также нарушение моральных обязательств и принципов истинной государственной мудрости» [Цит. по: Ray, 1932, С. 64]. Письмо было опубликовано в ‘London Times’ и в индийской прессе. «В те дни я придерживался доктрины о прощении (*mendicancy*) и с детским простодушием был убеждён, что если ущемления и обиды, от которых стонет наша страна, могли бы быть преподнесены вниманию британского народа, то они могли бы быть исправлены, — отмечал П. Рай в автобиографии. — Разочарование не заставило себя долго ждать. Нет в мировой истории ни одного примера,

чтобы господствующая раса по своей свободной воле и согласию пошла бы на уступки подчинённому народу» [Ray, 1932, С. 63]. По этой реплике нетрудно выявить мотивы, побудившие П. Рая сделать свой труд достоянием общности, создать обобщённую картину происходящих в колонии, не умалчивая о положительных изменениях, но также откровенно описывая недостатки, проблемы и провалы — экономические и политические. За этим мотивом — новая традиция понимания британской политической системы у интеллектуалов Бенгалии, которые выработали убеждение в том, что британские власти в Индии *должны следовать* тем же императивам и нормам управления и деятельности, что выработаны у них на родине, а задача индийской общественности — обнародовать все случаи их нарушения и все проблемы в индийском социуме. Эту традицию П. Рай воспроизводит, когда в посвящении студентам констатирует: «Плачевное состояние Индии в настоящее время произошло из-за неоправданного пренебрежения и серьёзного безразличия Англии к делам этой Империи. Англия по сию пору терпит поражение — прискорбно терпит поражение в исполнении её *священных обязанностей в отношении Индии* (Курсив мой — Т.С.)» [Ray, 2012, С. xvi]. И в том же посвящении «Индийский студент» надеется, что его поколение английских студентов, придя во власть, пересоздаст отношения Индии и Англии на качественной основе, а для первой настанет новая «счастливая» эпоха.

7. Обобщённым предметом исследования П. Рая в целом оказывается политическая история Индии с второй половины XVIII века, но

к ней содержательно примыкают её экономические и социокультурные аспекты — следствия политики в колонии.

8. Отправная точка политической истории Индии этого периода — появление европейцев (французов и англичан), сумевших поставить на службу своим интересам местное население: «Это Дюплекс первым показал, как из сырого местного *материала* можно создать блестящих солдат, если вымуштровать и обучить их по европейскому образцу» [Ray, 2012, С. 2]. Воспринявший этот опыт Роберт Клайв стал действительным автократом в Бенгалии, использующим все средства и все обстоятельства для основания колониальной империи; именно за это, несмотря на все злоупотребления он был признан на родине «исполнившим достойную службу для его страны» [Ray, 2012, С. 4]. Затем парламент законодательно утвердил первую систему управления индийскими владениями Британии в 1773 г. во главе с генерал-губернатором, и так началась новая политическая история. «В то время как лорд Клайв заложил основы индийской империи, Хейстингс внёс вклад в её консолидацию», — отмечает П. Рай [Ray, 2012, С. 5], не забывая упомянуть о злоупотреблениях первого генерал-губернатора и подчёркивая успехи культурной политики. По его словам, Хейстингс первый «...сделал успешную попытку развернуть нечто подобное космосу в хаосе: не только установил правовые институты (Королевский суд) в Калькутте по британскому образцу, но и инициировал изучение местных систем права — индуистского и мусульманского, а также открыл государственный мусульманский колледж

(Мадрассу) в Калькутте 1781 году. «Нелегко постичь, что привело к созданию названных институтов; — замечает автор эссе по поводу культурных мероприятий колониальных властей, — возможно, в основании этого лежало некоторое глубокое *политическое значение* (Курсив мой — Т. С.) — охота за популярностью. Иностранные правители таким путём предстали в глазах людей Востока покровителями учёности» [Ray, 2012, С. 70]. Но самым существенным из всех событий первых лет становления британской власти П. Рай назвал «систематическое исключение детей этой земли» — индийцев — из управления их страной — «всех, кроме самых раболопных и деградирующих» [Ray, 2012, С. 16]. Это произошло при лорде Корнуоллисе, который своими реформами в сфере управления и собственности («Постоянное землеустройство»), по сути, создал весь механизм управления Индией. Вытеснение индийцев со всех высоких ответственных постов было одной стороной реформ политической системы Индии, другая появилась при подчинении её южных областей — в войне с Майсором (с Типу Султаном): «Первый, но никоим образом не последний пример, когда известная поговорка *divide et impera* была с блестящим успехом применена в Индии». Политика «разделяй и властвуй» тогда проявилась в противопоставлении маратхов как союзников Корнуоллиса войскам Типу Султана, и скоро обернулась против самих маратхов «с ужасающими последствиями» [Ray, 2012, С. 9]. И то, и другое, по сути, составило подход, заданный самим Корнуоллисом и разделяемый в целом большинством его соотечественников: индий-

ские провинции должны управляться «исключительно с оглядкой на интересы правящей державы» [Ray, 2012, С. 10]; фактически он сохраняется, невзирая на все перемены.

9. Описываемая Профуллочондро Раем политическая история до и после Восстания сипаев в 1857–1859 гг. выдержана в стиле краткого нарратива о содержании политики каждого из сменяющих друг друга генерал-губернаторов: решения и реформы, войны и аннексии. В целом она предстаёт как всё новые и новые присоединения территорий и колониальные войны, благодаря которым всё более и более возрастают доходы казны Ост-Индской компании, но менее всего выигрывает местное население. Так, лорд Уэллсли и лорд Корнуоллис мастерски играли на противоречиях, «никогда не воевали одновременно сразу с несколькими врагами», используя не только военную силу, но также лесть и подкуп» [Ray, 2012, С. 10]. Ф. Р. Хейстингс воевал с горцами Непала (1814–1816), «доказывая, что он второй Уэллсли, хотя и более миниатюрного масштаба»; «главным событием правления лорда Эмхерста является Первая бирманская война», стоившая 13 млн фунтов [Ray, 2012, С. 13, 14]. С дотошностью экономиста П. Рай констатирует расходы и людские потери Индии от ведущих колониальной властью войн: лорд Окленд и лорд Элленборо, пытавшиеся противостоять росту влияния царской России в Центральной Азии, вели затяжную первую Англо-афганскую войну, стоившую Индии 20 000 жизней и 15 млн. ф. ст. [Ray, 2012, С. 18]; при лорде Хардинге (1844–1848) началась кровопролитная Первая Панджабская война, вторая война

с сикхами пришлось на правление маркиза Дальхузи (1848–1856) и завершилась полным присоединением Пенджаба. Этот генерал-губернатор в подзаголовке к четвёртой главе назван «присоединителем» (an annexationist) различных территорий, так как после аннексии Пенджаба последовала целая серия присоединённых индийских княжеств (Саттара, Нагпур, Ауд).

10. Иными словами, история Индии до Восстания — это история подчинения разных областей и их объединения в Индийскую империю, становления Британского радж (правления), которое, к тому же, всячески оправдывается и обосновывается завоевателями и их сторонниками. К последним примкнули христианские миссионеры датской колонии Серампур — в своём журнале «Друг Индии» они всячески восхваляли и защищали действия Дальхузи по присоединению княжеств, объявленных выморочными. «Прежде серампурский журнал был источником высоких и возвышенных доктрин; но теперь, увы, проповедника полностью вытеснил сторонник аннексий; и тот, кто до сих пор писал словно ангел, теперь говорит как попка дурак», — саркастически замечает П. Рай [Ray, 2012, С. 25]. Когда же аннексия становится свершившимся фактом, британцы начинают прославлять свои достижения — как в случае с аннексией Пенджаба (появление железнодорожного сообщения, свобода торговли и т. д.). Но автор эссе ставит главный политический вопрос: «Но стало ли хотя бы немногим лучше его (пенджабского крестьянина — Т. С.) положение?». Ответ на него дают сами британские должностные лица в цитатах, приводимых П. Раем, — положение населения не

улучшается никак, поскольку крестьяне выплачивают непосильный налог [Ray, 2012, С. 23–24].

11. На этом фоне аннексий и войн реформы и импорт в Индию современных институтов выглядят счастливыми исключениями среди основных направлений деятельности колониальной администрации. Но именно они показывают действительно *полезные* мероприятия в интересах населения Индии — политически зависимого и подчинённого. Фактически эта политика «открыла новую эпоху в истории Британской Индии» [Ray, 2012, С. 15].

12. «В то время как одно индийское государство быстро исчезало вслед за другим, в англо-индийском календаре немалое место занимали проекты морального и материального прогресса на этой земле», — так П. Рай предваряет описание администрации Уильяма Бентинка 1828–1835, время, когда «меч... ржавел в ножнах, а генерал-губернатор посвятил себя труду реформирования с усердием пенсильванского квакера» [Ray, 2012, С. 15]. Тогда индийцы более отчётливо стали видеть цели своих завоевателей и осознали наличие у Британии «высокой и благородной миссии помимо ведения агрессивной политики» [Ray, 2012, С. 15]. Способность видеть реальность с точки зрения индийцев выгодно отличала, по мнению П. Рая, Уильяма Бентинка от всех его предшественников, и первым его важным шагом были закреплённые в Хартии Ост-Индской компании 1833 г. меры по расширению доступа индейцев к замещению должностей в судебной и исполнительной власти в системе управления Индией [Ray, 2012, С. 16]. Другим славным деянием было запрещение обычая самосожжения вдов (*sati*)

в 1829 г. — и в этом Бентинк также оказался способным увидеть индийскую точку зрения, выраженную Раммоханом Раем в его «крестовом походе против бесчеловечной практики» [Ray, 2012, С. 17].

13. С заметной симпатией П. Рай говорит и об усилиях Т. Б. Маколея в области современного образования и отмене цензурных ограничений прессы при Ч. Меткафе. Несмотря на «политику аннексий... во всём её неприкрытом уродстве», и Дальхузи явил себя как реформатор. Автор стремится сохранить объективность и представляет потому «другую сторону... картины» [Ray, 2012, С. 35]. Дальхузи способствовал техническому прогрессу страны, когда решительно взялся за проведение в жизнь программы строительства в Индии железных дорог при поддержке «патерналистского правительства» и привлечения частного английского капитала [Ray, 2012, С. 35–36]. При нём были созданы телеграф и почтовая служба, организованы общественные работы по строительству дорог, а школы, где преподавание идёт на родном языке, при его покровительстве заработали в разных провинциях Британской Индии, а Дринкуотер Бетюн основал первые женские школы. Потому-то, несмотря на расходящуюся и с правом, и с моралью, противную человечности политику аннексий Дальхузи, П. Рай полагает, что в будущем «беспристрастный историк, возможно, склонен будет отвести ему место сразу после, если не вместе с Бентинком» [Ray, 2012, С. 37–38].

14. Случившееся в правление Каннинга (1856–1862) Восстание сипаев П. Рай не описы-

вает (его причины и ход «не являются целью исследования»); но это, бесспорно, «веха в истории Индии», своего рода испытание на прочность верности и лояльности индийских подданных Империи британскому правлению; и в целом народ «выказал стойкую и преданную лояльность британскому делу» [Ray, 2012, С. 38]. Исходом Восстания стало подтверждение священных и нерушимых прав индийских подданных королевы и дарование им права голоса и участия в делах страны [Ray, 2012, С. 40]. И в этом же году были основаны три университета в Калькутте, Бомбее и Мадрасе.

15. Политика других правителей Индии (теперь вице-королей), по описанию П. Рая, была сосредоточена на преобразованиях в структуре управления и некоторых усовершенствованиях финансовой системы, хотя этот же период отмечен рядом негативных следствий в жизни народа — от перекалывания расходов по возросшему госдолгу Индии на её население и до случаев массового голода в регионах (Орисса 1866 и др.) [Ray, 2012, С. 41].

16. Чем дальше, тем больше в очерке П. Рая политической истории проступает экономическая подоплёка; но экономике он посвятил особую главу, где показал, что для благополучия народа Индии реально представляет собой подход управления в интересах правящей державы. Ключевая его фраза для понимания экономического состояния колонии — «Япония управляется японцами для японцев; Индия управляется чужой нацией, в огромной степени, если не в основном, ради выгоды последней» [Ray, 2012, С. 54]. С одной стороны, П. Рай

принял за должное классическую экономическую теорию Адама Смита для объяснения рыночной экономики, с другой же на индийском материале увидел, что «политическая экономия — это самое удобная вещь в руках наших государственных деятелей, когда Индия является жертвой», и полностью игнорируется ситуация, что «огромный процент доходов Индии тратится... с полным пренебрежением поучениями Адама Смита и Джона Стюарта Милля» [Ray, 2012, С. 53]. По таким характеристикам, как постоянно растущие госзаймы от имени Министерства по делам Индии, разорительные для земледельцев системы налогообложения, соляной налог на население и другие прямые и косвенные налоги и сборы; обесценение серебра; постоянный дефицит бюджета из-за военных расходов (при том что «Англия не вложила не фартинга в облегчение финансовых тягот Индии» даже в период, когда после Восстания сипаев страна оказалась на грани банкротства [Ray, 2012, С. 41]) и так далее, — очевидно, что страна пребывает в состоянии хронического и постоянно воспроизводимого расстройств финансовой системы. Пагубность её для благополучия населения очевидна, как и несправедливость системы экономического взаимодействия с Англией. «Индия — одна из беднейших стран, принуждена к партнёрству с богатейшей страной в мире. Самый покорный, сговорчивый, законопослушный, пассивный и миролюбивый народ теперь обременён ношей, которая, принимая во внимание бедность Индии, должно быть, тяжелейшая в мире» [Ray, 2012, С. 55], — заключает Профуллочондро, подчёркивая в этой политике львиную долю

военных расходов, включая имперские затраты (войны в Новой Зеландии, Китае, Персии, Абиссинии, Афганистане и Египте) [Ray, 2012, С. 56]. Немногие из высших чиновников и парламентариев в метрополии протестуют против этой ситуации, тогда как «британскую общественность, которая, как правило, не посвящена в тайной индийских финансов, держат в неведении» [Ray, 2012, С. 47]. При этом попытки экономии не имеют результата, важнейшие области обеспечения реального благополучия, такие как образование населения (начальное и среднее) и другие, страдают от хронического недофинансирования и большей частью держатся на инициативах индийских энтузиастов просвещения и миссионеров, а планы правительства никак не проводятся в жизнь [Ray, 2012, С. 53–54]. Это сильно контрастирует с суммами расходов на одно только начальное образование в метрополии — Англии и Уэльсе. Выход из ситуации П. Рай видит на пути открытия доступа индийцев в финансовые структуры и категорически отвергает излюбленный аргумент европейцев о «неспособности» индийцев к управленческой и финансово-экономической деятельности [Ray, 2012, С. 60–61].

17. Фундаментальной экономической проблемой для Профуллочондро Рая является бедность. В основном это состояние проявилось на фоне устойчивого мифа о «сказочном богатстве Индии» в структуре её экономики, остающейся аграрной, со слабо развитым промышленным производством. «Бедность Индии заключается главным образом в факте, что она вынуждена зависеть от сельского хозяйства, и не только от него, — подчёркивает П. Рай

разительное отличие своей страны от стран Европы с их урбанизацией и индустриализацией. —<...>, К сожалению, в Индии вряд ли существует какое-либо различие между сельским и городским населением. <...> Около 70 % населения должно поддерживать своё существование обработкой земли». По официальным данным, народ живёт в крайней бедности, на 3–4 пенса в день, а в отдельных провинциях и на 1,5 пенса [Ray, 2012, С. 101–102]. Сравнение с любой из современных западных стран также оказывается не в пользу Индии: так, развитое сельское хозяйство США высвечивает ряд причин бедности первой — истощение её сельскохозяйственных земель, высокая плотность сельского населения, отсутствие достаточного объёма производства продовольствия и потому невозможность стать экспортёром в этой области [Ray, 2012, С. 103–104]. Хроническое недоедание и периодически повторяющийся голод с многочисленными жертвами (до 16 млн. с начала XIX в.) [Ray, 2012, С. 65]. — печальное социально-демографическое следствие отсутствия продуманной политики, признанное даже метрополиями.

18. Констатируя экономические проблемы и отставание Индии от динамично развивающихся стран Европы и Америки, П. Рай не допускает и мысли о реставрации прежнего доколониального порядка — даже несмотря на то, что население индийских княжеств выглядит более благополучным и процветающим по сравнению с населением британских колониальных регионов, так как свободно от непомерных сборов и кабалы ростовщиков, а местные князья «тратят свой доход дома». «Средства

преодоления бедности», решения проблемы недоедания и голода, по мысли автора эссе, лежат в плоскости создания в Индии современной индустриальной экономики, с опорой на знание местной специфики и с оглядкой на прогрессивный опыт других стран. В области сельскохозяйственного производства первейшим средством Профуллочондро считает уже проводимые мероприятия по ирригации вместе с созданием страховых фондов на случай непредвиденных обстоятельств, то есть голода [Ray, 2012, С. 65]. Данные, собранные по разным независимым источникам, рисуют неутешительную картину пренебрежения ирригацией на фоне преследуемых колониальной властью и эгоистических целей — военных расходов и извлечения прибыли. «...Историю наших ирригационных работ можно свести к трём фразам: плохая работа, управление и некомпетентность», — с горечью констатировал П. Рай, — поскольку индусские и мусульманские правители не ждали (или не принимали) ни фартинга дохода от вложенного капитала, нас невозможно заставить действовать, если мы не будем уверены, что нам удастся пожать богатый урожай» [Ray, 2012, С. 67]. Поэтому достойное средство развития сельского хозяйства не действует.

19. «Как создать промышленное население в Индии — это проблема проблем, это её жизненная проблема» [Ray, 2012, С.103–104], — заявляет П. Рай, указывая на потребность Индии в общей индустриализации. Во второй половине XIX века «младенческая индустрия Индии» во всём зависима от экономики метрополии, и ей просто необходимо развиваться,

«приняв тактику европейских наций»: населению — ориентироваться на освоение новых видов производства и рыночный спрос, состоятельным классам — вкладывать свои средства/капиталы в новые фабрики и становиться предпринимателями, создающими не только полезный и востребованный товар, но и рабочие места, то есть занятость для «тысяч своих голодающих соотечественников» [Ray, 2012, С. 104–105].

20. В эссе П. Рая возникает и значимая для него тема влияния рационального мышления и научного знания на экономическое и технологическое развитие общества и его успешную интеграцию в современный мир. С умелым применением научных знаний молодой учёный связывает экономический прогресс современной ему Европы, и видит фатальную ошибку правительства колониальной Индии в отсутствии внимания «к происходящему в прогрессивном мире» [Ray, 2012, С. 105–107]. В частности, он считает, что в Индии целый ряд важнейших отраслей может быть коренным образом перестроен на основе новых научно-технологических достижений, причём это отрасли, где занято множество работников, но производство идёт самым примитивным образом (рыбоводство, шелководство, соляной промысел, добыча селитры и проч.) [Ray, 2012, С. 108–109]. Однако для этого, как и для многих других научно-производственных трансформаций экономики, требуется развивать в стране научные и техническое образование, которые, как П. Рай знает на личном опыте и опыте соотечественников и других регионов Индии, — фактически не удостоены внимания властей, не-

взирая на отпущенные на оснащение колледжей средства [Ray, 2012, С. 109]. Открытых «инженерных колледжей» в некоторых крупных городах явно недостаточно для достойного естественнонаучного и технического образования, так как они являются обычными средними школами [Ray, 2012, С. 110]. Несмотря на известные усилия и инициативы властей Индии, инженерное образование страдает от нехватки средств, учебных лабораторий и качественного преподавания.

21. Тема инженерного, в частности, и современного научного образования в Индии — часть общих размышлений Профуллочондро Рая о социокультурных трансформациях в её Новой истории. В особой главе он показывает, как благодаря политическому действию различных британских генерал-губернаторов медленно и с переменным успехом началось распространение западного образования в Индии — от У. Хейстингса до 1885 года, и для Профуллочондро самую важную службу его стране сослужили те, кто так или иначе поддерживал просветительские инициативы и импортировал институты, а не отдавал все силы и финансовые средства войнам и аннексиям. С Хейстингса ведётся отсчёт покровительства традиционной учёности, продолжившегося основанием Санскритского колледжа в Бенаресе 1793 г., но всё это лежало в русле присущей индийцам «исключительной приверженности классике и метафизике с незапамятных времён» [Ray, 2012, С. 109], то есть тех знаний, которые не способствуют социальному прогрессу и ограничивают интеллектуальную деятельность элитами, не допуская к ней простолюдыне. Об этом

П. Рай будет не раз говорить впоследствии, но в «Индии до и после Восстания сипаев» этой особенностью индийской мысли будут объясняться не только затруднения в развитии технического и научного образования, но и общий фон просвещения в Индии XIX в., которое началось благодаря импульсу извне. «Роль, сыгранная Англией в продвижении интеллектуального прогресса индийцев, составляет ярчайшие главы в англо-индийской истории», — резюмирует Профуллочондро Рай после описания этих условных «глав» [Ray, 2012, С. 81].

22. К декларированному «усовершенствованию условий миллионов, вверенных их заботе», британские власти приступили не сразу, довольно долго предпочитая «поощрение учёных туземцев». Поэтому «задолго до того как Англия выучилась делать что-либо в этом роде, они сами (индийцы — Т. С.) основали колледж в Калькутте на собственные добровольные пожертвования для обучения молодёжи английской литературе и наукам» [Ray, 2012, С. 71], — пишет П. Рай об основании в 1817 г. Хинду колледжа, саркастически отмечая, какие небольшие суммы шли на дело образования, и как власть не отвечала на запрос местного населения на современное европейское образование и слепо защищала ориенталистские приоритеты в этой области. Ситуация стала меняться только с приходом Уильяма Бентинка и Томаса Бабингтона Маколея с его схемой развития образования. Особой вехой просвещения стало основание Медицинского колледжа (1835), ниспровергнувшего кастовые предрасудки: «Да, это был день, полный событий для будущей Индии, — когда индус сказал долгое

и последнее “прощай” взлелеянному двадцатью веками изуверству, взял скальпель и вскрыл труп» [Ray, 2012, С. 74].

23. В разных регионах, не только в Бенгалии, но и в Бомбейском и Мадрасском президентствах усилиями англичан и индийцев, чиновников и местных элит, частных лиц и особенно христианских миссионеров были основаны колледжи и школы. Но если Т. Б. Маколей назван у П. Рая «отцом высшего образования в Индии» [Ray, 2012, С. 75], то ещё более значительной стала «Интеллектуальная хартия Индии», предложенная сэром Чарлзом Вудом: сохраняя значительную роль высшего образования, она обеспечивала образование для масс в светских школах, обучающих на родных языках, в правительственных колледжах и затем университетах [Ray, 2012, С. 76–77]. Начавшись при Дальхузи, внедрение этой схемы продолжилось при Каннинге и Мэйо. При всех недоработках и терниях на пути просвещения, Англии удалось распространить в образованных классах ключевые знания и современные модели мышления, включая «принципы конституционализма». И главный итог П. Рай видит в «поднимающемся национальном сознании (nationality)» индийцев [Ray, 2012, С. 82].

24. Однако Профуллочондро не ставит происходящие в Индии изменения в заслугу исключительно усилиям европейских энтузиастов просвещения; по инициативам индийцев и действиям местных региональных реформаторов можно судить об интеллектуальном, духовном и социальном движении местного населения навстречу новому знанию и культуре Запада. П. Рай первым описывает то, что

участники событий периода новой «англо-индийской истории» сознавали как «возрождение», Не раз появляется в очерке Раммохан Рай — как борец против обычая сати и инициатор «морального возрождения», как автор «патетического обращения к представителю британской нации» (письмо У. П. Эмхерсту о необходимости европейского образования индийцев, 1823 — Т. С.) задолго до Маколея предвосхитившего его схему распространения образования, но оставшегося тогда «гласом вопиющего в пустыне», — и «мы не знаем, кто из двоих достоин большего восхищения — Раммохан Рай или Маколей» [Ray, 2012, С. 17, 75–76]. Раммохан упомянут и как религиозный реформатор, исследовавший другие религии и обративший умы индуистов к монотеистическому содержанию духовного наследия Вед, основатель «теистической церкви» (общества Брахмо Самадж). Его усилия и труды вместе с деятельностью сторонников и последователей, которых Профуллочондро Рай называет молодой Индией, — создали новые движения, стремящиеся придать обществу новый импульс развития в будущем.

25. С одной стороны, эта молодая Индия опирается на собственное наследие, на открытое ею знание о том, что «индусы были культурной нацией на протяжении последних двух тысячелетий и более», и что древняя Индия была не только богата философией и поэзией, но и была «колыбелью математических наук» [Ray, 2012, С. 77–78]. С другой же стороны, современные индусы получили «новое интеллектуальное рождение» благодаря тому, что «открыли в наследии Запада источник вдохно-

вения» [Ray, 2012, С. 78] и восприняли всё, что пожелали. П. Рай считает содержанием происходящих социокультурных процессов Индии, по сути, особый синтез индийского и западного: «Индус на горьком опыте усвоил, что не следует внедрять западные манеры и обычаи *in toto*, если он желает, чтобы реформы, которые он проводит, укоренились и распространились вглубь и вширь, в глубины общества; он должен в целом хранить родительское наследство, обрубить некоторые старые высохшие ветви и привить на их место новые и сильные, здоровые, он должен реформировать, а не революционизировать» [Ray, 2012, С. 78], так что современный духовный, культурный и социально-политический подъём в Индии — это результат совместных усилий индийцев, хотя последние и «отказываются признавать суровую и непреодолимую логику фактов», в которой вполне естественны пробуждение самосознания и конструктивных устремлений индийцев, их нежелание мириться с ограничениями их прав и возможностей в собственной стране и критическое мышление политической сфере. Современный индиец, по словам П. Рая, «...видит очевидный разрыв между идеалом и реальностью; ему трудно примирить практику британских государственных деятелей с их обещаниями. Здоровое искусство управления государством заключается в предвидении или, по меньшей мере, в прочтении велений времени, и соответствующем этому действию [Ray, 2012, С. 82]. В этом свете вполне адекватными, по мнению молодого учёного, выглядят современные политические запросы индийцев на участие во власти — начиная с гражданского управления

и продолжая созданием национальной Ассамблеи (по модели английского парламента!), занимающейся в масштабах Индии законодательными и исполнительными делами в сотрудничестве с колониальной властью [Ray, 2012, С. 85–86].

26. В главе об индийских княжествах Профуллочондро специально предложил сравнение достоинств местного (native) и британского правления в индийских регионах, считая его источником «ценных уроков». Несмотря ни на что, княжества остаются территориями, которые управляются индийцами и «предоставляют достаточную сферу для проявления административных способностей», в то время как в британских владениях представителей местного населения стесняют ограничения в доступе к управлению и тем более политическому управлению [Ray, 2012, С. 99]. В них сохраняются местные институты самоуправления (общинные панчаяты), тогда как в британских колониях власть любого рода, будь то гражданская, судебная или административная, отчуждена от местных институтов и передана английским магистратам или высокооплачиваемым чиновникам [Ray, 2012, С. 93]. Британские политики прикрывают это исключение местного населения из всех сфер управления разговорами о «неоценимом благе», принесённом населению колонизованных регионов Индии, и к тому же склонны сравнивать своё правление с прежним — могольским, для этого «выбирая некоторые худшие типы магометанских деспотов и изуверов» [Ray, 2012, С. 90]. Профуллочондро не согласен с обеими тенденциями; он предлагает аккуратнее выбирать пе-

риоды для сравнения: сопоставлять не могольскую и британскую политику разных исторических эпох, а могольскую политику в Индии, чьей вершиной стало изучение разнообразных религий и провозглашение всеобщей терпимости при императоре Акбаре, с политикой того же периода в елизаветинской Англии, с гонениями на подданных королевы, «которые имели несчастье отличаться от неё в догматических тонкостях» [Ray, 2012, С. 90]. В Индии «религиозная толерантность, поддерживаемая политикой, продиктованной не только благоразумием, но не менее — великодушием, была правилом, а не исключением при Моголах» [Ray, 2012, С. 90]; его нарушила только политика Аурангзеба. Более того, могольские императоры не исключали из системы управления иноверцев, тогда как самым фактом разрастания бюрократического аппарата и незнания народа, за который ответственны британские чиновники [Ray, 2012, С. 94], уже ставится под сомнение безусловность блага иностранной власти.

27. П. Рай постоянно даёт слово британским политикам, нелицеприятно оценивающим факты и процессы своего времени в Индии; это они осуждают, критикуют и предупреждают о негативных последствиях, и очень часто замещают авторские выводы. Это происходит и при сравнении местного и британского правления — об унижении целого народа вместо его возвышения после завоевания в эссе сказано словами Ф. Р. Хейстингса (1817) [Ray, 2012, С. 96], о «состоянии деградации, в котором мы держим туземцев», и обращении с ними «как с низшей расой живых существ» — цитатой

Т. Манро [Ray, 2012, С. 101], о неутешительных перспективах применения политики «военного деспотизма» в управлении 150-миллионным народом — Р. Кобдена [Ray, 2012, С. 100].

28. Подчёркнуто объективная, даже объективистская позиция автора «Индии до и после Восстания сипаев», казалось бы, скрывает его собственные умозаключения за многочисленными и пространными цитатами из источников, однако при известной мозаичности повествования Рая его эссе может быть интерпретировано не только как одно из звеньев становления нового исторического сознания, но и как подступ к философии индийской истории — если перефразировать термин мексиканского философа Леопольдо Сеа. Пробуя перо в искусстве историописания, П. Рай de facto отвечает на прозвучавший в лекции Сурендронатха Банерджи императив постижения истории и попыткой реконструкции картины «истории современности» в Индии и решает проблему её научного исследования. Профуллочондро выступил в роли историка и так актуализировал предмет — историю Индии XVIII–XIX веков, колонизованной европейской державой. Он представил опыт исторического исследования, предпринятого индийцем при фактическом отсутствии индигенных исследований, но с имеющейся в достатке источниковой базой. Индуктивная реконструкция с умелым сложением данных и вместе с «практическим здравомыслием» (С. Банерджи) показала многогранность и многозначность хода и содержания исторического процесса в Индии XIX века.

29. Своим текстом Профуллочондро Рай высказал мысли, значимые для становления философского понимания истории Индии. Прежде всего это текст о том, как идёт модернизация Индии, о процессе и первых результатах. Начавшийся с появления британцев, процесс завоевания Индии и превращения в колонию политически, экономически и культурно изменил ход её истории: 1) исключил возможность участия во власти для отстаивания представителями местного населения своих интересов; 2) начал внедрять новые выработанные европейской цивилизацией институты и экономические формы и так создал угрозу благополучию населения в виде бедности и периодического голода при невостребованных населением возможностях новой системы производства; 3) возложил на население непомерное бремя расходов на военно-политические мероприятия и обслуживание экономических интересов британского бизнеса и в колонии, и в метрополии; и одновременно 4) открыл индийцам доступ к современному образованию и научному знанию, в ограниченном, но насущно необходимом в изменившихся обстоятельствах масштабе; 5) пробудил ориентальными исследованиями интерес к индийской истории и наследию у «детей этой земли» и вполне логично 6) вызвал рост самосознания и обозначил перспективу объединения народов Индии в политическую нацию. При всех проблемах, издержках и провалах, обусловленных большей частью колониальной зависимостью, движение Индии в современный мир у Профуллочондро Рая выглядит положительным и безальтернативным: в эссе нет и следа сожалений

о славном прошлом его страны, не говоря уже об идее его реставрации. Идея возрождения, пронизывающая разделы о культурных движениях в индийских регионах, связывается с искусным синтезом Родного и Другого в лице достижений и институтов Европы, с моральным и духовным развитием соотечественников автора, и в перспективе — с принятием на себя ответственности за свою судьбу и свою страну, т. е. с участием во власти. И этот процесс движения в современность и возрождения не завершён; эссе Профуллочондро Рая символически обнаруживает феномен бытия индийцев в истории, которое продолжается и длится в векторном, развёрнутом в будущее времени; это бытие людей, открытых новому, исполненных уважения к культурному наследию, готовых распоряжаться собственной судьбой и достойно отвечать на запросы и вызовы эпохи.

Список литературы

1. Ray, Prafulla Chandra. *Life and Experiences of Bengali Chemist*. L.: Kegan Paul, Trübner & Co. 1932. 557 p.
2. Mukherjee, Hirendranath. Foreword to the Rammohun Library Edition. Ray Prafullachandra. *India: Before and after Mutiny*. Ed. by R.K. Jha and R. Bhatt. New Delhi: Ministry of Information and Broadcasting, 2012. P. v–viii.
3. Dasgupta, Subrata. *Awakening: The Story of the Bengal Renaissance*. Noida: Random House Publishers, 2011. 481 p.
4. Dasgupta, Subrata. *The Bengal Renaissance: Identity and Creativity from Rammohun Roy to Rabindranath Tagore*. Delhi: Permanent Black, 2012. 280 p.
5. Рашковский, Е. Б. *Научное знание, институты науки и интеллигенция в странах Востока XIX—XX вв.* М.: Наука, 1990. 202 с.
6. Lourdusamy, J. *Science and National Consciousness in Bengal: 1870–1930*. Madras: Orient Blackswan, 2004. 257 p.
7. Mallick, Sambit. Democratizing Scientific Knowledge through Building Scientific Institutions in Nineteenth Century India: the Sociology of Science Perspective. *Current Science*. Vol. 90, № 8, 25 April 2006. P. 1138–1145.
8. Das Gupta, Uma (Ed.) *Science and Modern India: An Institutional History. C. 1784–1947*. Delhi, etc.: Pearson Education India, 2011. 1232 p.
9. Алаев, Л. Б. Индусское отношение ко времени и к исторической памяти (к вопросу о специфике индийской цивилизации). *Вестник Института востоковедения РАН*. 2018. № 6. С. 31–40.
10. Kopf, David. *British Orientalism and Bengal Renaissance*. Berkeley: University of California Press, 1969. 324 p.
11. Алаев, Л. Б. *Историография истории Индии*. М.: Институт востоковедения РАН, 2013. 427 с.
12. Banerjee, Krishna Mohun. On the Nature and Importance of Historical Studies. *Awakening in Bengal in the Early Nineteenth Century*. Selected Documents. Ed. by G. Chattopadhyay. Calcutta: Progressive Publishers, 1965. P. 1–23.
13. Banerjee, Surendranath. The Study of Indian History. *Nationalism in Asia and Africa*. Ed. with an Introd. by Elie Kedourie. N. Y., Cleavland, L., 1970. P. 225–244.
14. Mukherjee, Bimala Prasad. History. *Studies in the Bengal Renaissance*. Ed. by A. Gupta.

- Calcutta: Jadavpur University, 1958. P. 360–385.
15. Zachariah, Benjamin. The Chemistry of a Bengali Life. Acharya Prafulla Chandra Ray in His Times and Spaces. *Beyond Representation: Colonial and Postcolonial Constructions of Indian Identity*. Ed. by Crispin Bates. Oxford University Press, 2006. P. 322–352.
 16. Chakrabarti, Pratik. 'Science and Swadeshi: The Establishment and Growth of the Bengal Chemical and Pharmaceutical Works, 1893–1947'. *Science and Modern India: An Institutional History. C. 1784–1947*. Ed. by Uma Das Gupta. Delhi, etc.: Pearson Education India, 2011. P. 117–142.
 17. Chakravorty, Animesh. 'The Chemical Researches of Acharya Prafulla Chandra Ray'. *Indian Journal of History of Science*, 2014. 49.4. p. 361–370.
 18. Рай, Профуллочондро. Бенгальский мозг и его неправильное применение. Пер. и комм. Т. Г. Скороходовой. *Вопросы философии*. 2022. № 1. С. 172–185.
 19. Ray, Prafulla Chandra. *India: Before and after Mutiny*. Ed. by R. K. Jha and R. Bhatt. New Delhi: Ministry of Information and Broadcasting. 2012. 114 p.
 3. Dasgupta, Subrata. *Awakening: The Story of the Bengal Renaissance*. Noida: Random House Publishers, 2011. 481 p.
 4. Dasgupta, Subrata. *The Bengal Renaissance: Identity and Creativity from Rammohun Roy to Rabindranath Tagore*. Delhi: Permanent Black, 2012. 280 p.
 5. Rashkovsky, Eugene B. *Scientific Knowledge, Institutional Science, the Intellelectuals in the East, 19th – 20th Centuries*, Moscow: Nauka, 1990. 202 p. (in Russian).
 6. Lourdusamy, J. *Science and National Consciousness in Bengal: 1870–1930*. Madras: Orient Blackswan, 2004. 257 p.
 7. Mallick, Sambit. *Democratizing Scientific Knowledge through Building Scientific Institutions in Nineteenth Century India: the Sociology of Science Perspective*. *Current Science*. Vol. 90, № 8, 25 April 2006. P. 1138–1145.
 8. Das Gupta, Uma (Ed.) *Science and Modern India: An Institutional History. C. 1784–1947*. Delhi, etc.: Pearson Education India, 2011. 1232 p.
 9. Alayev, L. B. *Hindu Attitude to Time and Historical Memory (To the Question of Peculiarities of the Indian Civilization)*. *Vestnik Instituta vostokovedenija RAN*. 2018. № 6. P. 31–40.
 10. Kopf, David. *British Orientalism and Bengal Renaissance*. Berkeley: University of California Press, 1969. 324 p.
 11. Alayev, L. B. *Historiography of Indian History*. Moscow: Institut vostokovedenija RAN, 2013. 427 p.
 12. Banerjea, Krishna Mohun. *On the Nature and Importance of Historical Studies. Awakening in Bengal in the Early Nineteenth Century. Selected Documents*. Ed. by G. Chattopadhyay.

References

1. Ray, Prafulla Chandra. *Life and Experiences of Bengali Chemist*. L., Kegan Paul, Trübner & Co. 1932. 557 p.
2. Mukherjee, Hirendranath. Foreword to the Rammohun Library Edition. Ray Prafullachandra. *India: Before and after Mutiny*. Ed. by R.K. Jha and R. Bhatt. New Delhi: Ministry of Information and Broadcasting, 2012. P. v–viii.

- Calcutta: Progressive Publishers, 1965. P. 1–23.
13. Banerjee, Surendranath. The Study of Indian History. Nationalism in Asia and Africa. Ed. with an Introd. by Elie Kedourie. N. Y., Cleavland, L., 1970. P. 225–244.
 14. Mukherjee, Bimala Prasad. History. Studies in the Bengal Renaissance. Ed. by A. Gupta. Calcutta: Jadavpur University, 1958. P. 360–385.
 15. Zachariah, Benjamin. The Chemistry of a Bengali Life. Acharya Prafulla Chandra Ray in His Times and Spaces. Beyond Representation: Colonial and Postcolonial Constructions of Indian Identity. Ed. by Crispin Bates. Oxford University Press, 2006. P. 322–352.
 16. Chakrabarti, Pratik. ‘Science and Swadeshi: The Establishment and Growth of the Bengal Chemical and Pharmaceutical Works, 1893–1947’. Science and Modern India: An Institutional History. C. 1784–1947. Ed. by Uma Das Gupta. Delhi, etc.: Pearson Education India, 2011. P. 117–142.
 17. Chakravorty, Animesh. ‘The Chemical Researches of Acharya Prafulla Chandra Ray’. Indian Journal of History of Science, 2014. 49.4. p. 361–370.
 18. Ray, Prafulla Chandra. Bengali Brain and its Misuse. Russian translation by T. G. Skorokhodova. Voprosy filosofii. 2022. № 1. P. 172–185.
 19. Ray, Prafulla Chandra. India: Before and after Mutiny. Ed. by R. K. Jha and R. Bhatt. New Delhi: Ministry of Information and Broadcasting. 2012. 114 p.

Сведения об авторе

Скорородова Татьяна Григорьевна

Профессор, доктор философских наук,
кандидат исторических наук

Кафедра теории и практики социальной
работы

Пензенский государственный университет
440026, Пенза, ул. Красная, 40, Россия
skorokhod71@mail.ru

Information about the author

Tatiana G. Skorokhodova

Professor, Doctor of Philosophy; Candidate
of History

Department “Theory and Practice of Social
Work”

Penza State University, 440026, Penza,
Krasnaya str, 40, Russia
skorokhod71@mail.ru

Информация о статье

Поступила в редакцию: 10.09.24

Одобрена после рецензирования: 21.09.24

Принята к публикации: 30.09.24

Information about the article

The article was submitted 10.09.24

Approved after reviewing 21.09.24

Accepted for publication 30.09.24

Dokyo mirrors as an example of the influence of China and Korea on bronze production in Japan during the Kofun period

Зеркала-докё как образец влияния Китая и Кореи на производство бронзы в Японии периода Кофун

**Силакова-Макарова С.А.¹,
Хань Юн², Лю Сюй³**

¹ Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия;
Казанский (Приволжский) федеральный университет, Казань, Россия

² Казанский (Приволжский) федеральный университет, Казань, Россия

³ Казанский (Приволжский) федеральный университет, Казань, Россия

Автор, ответственный за переписку:

silakova.sa@mail.ru

<http://orcid.org/0000-0002-7931-6432>

**Sofiya A. Silakova-Makarova ¹,
Han Yong², Liu Xu³**

¹ St.-Petersburg State University, St.-Petersburg, Russia; Kazan (Volga region) Federal University, Kazan, Russia

² Kazan (Volga region) Federal University, Kazan, Russia

³ Kazan (Volga region) Federal University, Kazan, Russia

Corresponding author: silakova.sa@mail.ru

<http://orcid.org/0000-0002-7931-6432>

УДК 94, 902 | НАУЧНАЯ СТАТЬЯ | [HTTPS://DOI.ORG/10.24412/2686-9675-3-2024-118-130](https://doi.org/10.24412/2686-9675-3-2024-118-130)

АННОТАЦИЯ

Данная статья посвящена изучению влияния культуры Китая и Кореи на формирование древнеяпонской бронзовой культуры. На основе образцов японских бронзовых погребальных зеркал-докё, представленных в музеях Японии и Республики Корея были выведены основные характерные черты японского бронзолитейного искусства указанного периода,

ABSTRACT

This article is devoted to the study of the influence of the culture of China and Korea on the formation of the ancient Japanese bronze culture. Based on samples of Japanese bronze funerary dokyo mirrors presented in museums in Japan and the Republic of Korea, the main characteristic features of Japanese bronze casting art of this period were deduced, as well as forms of influence and

а также выделены формы влияния и заимствования культурных элементов из Кореи и Китая.

Ключевые слова: Япония, Китай, Корея, археология, погребальная культура, бронзовые зеркала

Для цитирования: Силакова-Макарова С.А., Хань Юн, Лю Сюй. Зеркала-докё как образец влияния Китая и Кореи на производство бронзы в Японии периода Кофун. *Современные востоковедческие исследования*. 2024; Том 6 (3). С. 118-130 <https://doi.org/10.24412/2686-9675-3-2024-118-130>

Период Дзёмон (XIII – начало IV вв. до н.э.) в общей археологии соотносится с периодом неолита. Названный по распространенной на тот момент по всей Японии керамики с «веревочным орнаментом», или, согласно терминологии британского археолога Э. Морса «cord-marked pottery» (Morse, 1879, P.257). В данный период стал формироваться хозяйственный уклад протояпонского общества, основанный на сочетании охоты, рыболовства и собирательства. Массовые захоронения данного периода указывают на высокую степень оседлости, что подтверждают ряд захоронений у крупных поселений, а не массовые случаи захоронения людей прямо на месте их смерти, что встречалось ранее в большем объеме (Мещеряков, 2010, С. 56-59). Однако в захоронениях не было единства уклада, так как не были сформированы единые представления о загробной жизни. В данный период была распространена практика перезахоронения-могари, частично интерпретировавшаяся как появле-

borrowing of cultural elements from Korea and China were identified.

Keywords: Japan, China, Korea, archeology, funerary culture, bronze mirrors

For citation: Silakova-Makarova S.A., Han Yong, Liu Xu. Dokyo mirrors as an example of the influence of China and Korea on bronze production in Japan during the Kofun period. *Modern Oriental Studies*. 2024; Volume 6 (№3). P. 118-130 (In Russ.) <https://doi.org/10.24412/2686-9675-3-2024-118-130>

ние родильной магии, когда спустя несколько месяцев или лет после похорон плоть отделялась от костей, а очищенные кости с почестями перекладывали в глиняный или керамический сосуд (Бакшеев, 2002, С. 7-25). Также в северной части Кюсю (острове, наиболее близком к Корейскому полуострову) в период позднего Дзёмона стали появляться захоронения человека в различных позах в гробах-ящиках или гробах урнах, отдаленно схожих с корейскими дольменами южного типа (Пак, 1979, С. 60).

Сменивший Дзёмон период Яёй (300 г. до н.э. – 300 г. н.э.) можно характеризовать как бронзово-железный век. Данный период был распространен не по всей Японии, однако, по данным археологов, очагом его распространения стал север о. Кюсю, что произошло под влиянием переселенцев с юга Корейского полуострова. Причины их миграции неизвестны по сей день. Вероятно, они были связаны с похолоданием в Азии, вызвавшим политическую нестабильность в начале в Китае, а затем и в Корее.

Любопытным является то, что в Японии нет разделения на бронзовый и железный века: оба металла приходят на архипелаг практически одновременно вместе с волной миграции на острова. Под воздействием пришедшей континентальной культуры, железо и бронза были внедрены в культуру Японии (Childe, 1936, P. 185). В период Яёй они заняли разные ниши: железо стало использоваться в изготовлении оружия и предметов хозяйства (мечи, наконечники копий, серпы, рыболовные крючки), в то время как менее практичная бронза приобрела сакральное значение. Бронзовые предметы использовались для изготовления символов власти и предметов религиозного культа. В частности, таким образом в Японии появились культовые мечи (родственники кинжалов-*ninxa*), колокольчики-*дотаку* и бронзовые зеркала, в Японии получившие название *докё* (Мещеряков, 2010, С. 72-77).

Погребальный ритуал периода Яёй не был единообразным для всего архипелага. В районе Канто (о. Хонсю) был по-прежнему распространен обряд *могари* для знати. На севере Кюсю над могилой сооружали насыпь из камней, а также, как и в регионе Осака, там стали появляться и захоронения дольменного типа – прототипы курганов периода Кофун. В центральной Японии, в районе современных городов Нара, Киото и Осака вокруг могилы рыли ров (или несколько) с водой.

Наиболее распространенными в период Кофун (250-538 гг.) стали захоронения в курганах. Вероятно, курганы были заимствованы из Кореи и Китая, о чем свидетельствуют ориентация курганов по оси север-юг, насыпь из 3 сту-

пеней, использование сульфида ртути в качестве красителя внутри погребальной камеры (Мещеряков, 2010, С. 86). В средний Кофун появились вариации форм курганов: квадратные, круглые, квадратно-круглые, или курганы в форме замочной скважины (*keyhole tumuli*). Внутри кургана была погребальная камера, в которую гроб помещался через отверстие сверху. Гробы были деревянными, из японского кедра, каменными или керамическими, в зависимости региона погребения и состоятельности семьи умершего. Погребальный инвентарь размещался в гробу, размеры которого могли достигать до 4 метров, и в погребальной камере. В качестве обязательных элементов погребального инвентаря использовались короны, бронзовые зеркала, бронзовое и железное оружие (алебарды, кинжалы, мечи, наконечники стрел), доспехи, бусы и браслеты, пластины-*магатама* (яшмовые пластины, по форме напоминавшие крупные корейские бусины-*гожок*). Вокруг кургана копались рвы или же строились каменные изгороди, на склонах ставились глиняные скульптуры-*ханива*, изображавшие жилища, людей, животных, музыкальные инструменты и утварь. Они устанавливались для охраны предков и, возможно, были созданы под влиянием китайских образцов, например, из гробницы Цинь Шихуана (Мещеряков, 2010, С. 91-94).

Остановимся на теме бронзовых погребальных зеркал как образце бронзолитейного искусства древней Японии, сформировавшемся под влиянием корейской и китайской культуры.

Согласно легенде, внук богини солнца Аматэрасу Ниниги-но Микото прибыл на землю, оказавшись на о. Кюсю, чтобы управлять

делами людей. Символами его божественной, небесной власти стали «три священных сокровища» (Воробьев, 1980, С. 108) — яшма, меч и бронзовое зеркало (Сэнсом, 1999, С. 30-33). Однако необходимо отметить, что родиной бронзовых ритуальных зеркал в реальности были отнюдь не Японские острова.

Родиной погребальных бронзовых зеркал считается Китай. Первые зеркала датируются периодом 2400-1900 гг. до н.э., что соответствует периоду позднего неолита. Бронзовые зеркала, носившие названия *цзин-цзы* (镜子) или *тун-цзин* (铜镜), по легенде, были созданы самим Желтым императором. Считалось, что зеркала, подобно солнцу, могли пропускать, или же отражать свет, который мог проецироваться и в загробный мир, указывая путь покойному предку. Такие зеркала укладывались по периметру погребальной камеры, в гроб и умершему на грудь и в ноги (Силакова и др., 2021, С. 266).

Бронзовое зеркало представляло собой плоский предмет круглой или овальной формы, небольшого диаметра (до 16 см в среднем), где одна сторона была отполирована, а на другую же, как правило, наносился орнамент: насечный, геометрический, травяной, иероглифический (например, «горный» орнамент в виде повторяющегося иероглифа «гора» 山), зооморфный. Позже, в эпоху Хань появились орнаменты с изображением божеств-покровителей, буддийских божеств, будд, бодхисаттв и архатов, животных-покровителей сторон света, драконов, фениксов, календарных животных, а также эпиграфические надписи

(Силакова-Макарова, 2022, С. 607). На оборотной, неполированной стороне зеркала также располагалось ушко-шишечка для подвешивания зеркала в погребальной камере (см. Рис.1).

Рис. 1. Зеркало с изображением четырёх Будд и четырёх зверей. Диаметр 24,1 см. Вес 1,87 кг. Династия Цзинь, IV век. Национальный музей Киото.

Fig. 1. Mirror with Four Buddhas and Four Beasts Design. Diameter 24.1 cm. Weight 1.87 kg. Jin dynasty, 4th century. Kyoto National Museum.

Довольно активным было влияние китайской культуры на близлежащие территории. Так, бронзовые зеркала проникли в V-IV вв. до н.э. на Корейский полуостров через территорию провинций Ляонин и Цилинь. Культура бронзовых зеркал вместе с бронзовыми ритуальными кинжалами-*нипха* и бусинами-*гогок* продвигалась с севера полуострова на юг. Зеркала-*тонгён* были довольно распространены, часто

Рис. 2. Бронзовое зеркало с линейным орнаментом. Диаметр 11,2 см. Корея, бронзовый век. Национальный музей Республики Корея.

Fig. 2. Bronze Mirrors with Coarse Linear Design. Diameter 11.2 cm. Korea, Bronze Age. National Museum of the Republic of Korea.

встречались в погребениях состоятельных людей. Китайские привозные зеркала были достаточно дороги для населения, в связи с чем стали появляться корейские подделки китайских зеркал, отличавшиеся более низким качеством металла. В поздний бронзовый — ранний железный век (300 гг. до н.э. – 300 гг. н.э.) стали появляться корейские зеркала: чаще всего с широким неорнаментированным ободом, выступами-шишечками (от двух до восьми), геометрическим орнаментом в виде сочетания косых линий и треугольников или TLV-орнаментом, похожим на соответствующие латинские буквы (Силакова и др., 2021, С. 267). Ушко-петля посередине зеркала сменилась на несколько ушек-

Рис. 3. Бронзовое зеркало с орнаментом TLV. Диаметр 7,7 см. Округ Наннан, Республика Корея. Национальный музей Республики Корея.

Fig. 3. Bronze Mirror with TLV Pattern. Diameter 7.7 cm. Nannan County, Republic of Korea. National Museum of the Republic of Korea.

петель в верхней части зеркала в начальный период изготовления бронзовых зеркал в Корее и на использование большого количества выступов-шишечек по всей оборотной стороне в более поздний период (см. Рис. 2, Рис. 3).

Культура погребальных бронзовых зеркал проникла в Японию, вероятно, в конце периода Дзёмон — начале периода Яёй, когда произошел период миграции массы рисоводов в Японию из района к югу от Янцзы напрямую, либо же через Корейский полуостров (Воробьев, 1980, С. 56-58). Ранее же через Маньчжурию и Корею на Японские острова пришли северные и северо-западные народности, что

способствовало распространению алтайской бронзовой культуры.

Через китайцев и корейцев культура бронзовых зеркал стала распространяться по территории Японских островов. Наиболее древними являются находки зеркал в погребениях на севере о-ва Кюсю, где в дольменах и погребениях периода Яёй в глиняных урнах в числе погребального инвентаря были обнаружены китайские зеркала, изделия из яшмы, корейские мечи. Более поздним центром был о-в Хонсю в Центральной Японии, где в дольменах были обнаружены уже вэйские зеркала (Воробьев, 1980, С. 74, 104).

О подарках в виде бронзовых зеркал говорится и в китайских источниках, таких как «Ханьшу» («Истории Ранней Хань») и «Вэйчжи вожэнь чуань» («Предании о людях ва (древних японцах)») из «Вэйшу» («Истории династии Вэй»). В «Ханьшу» говорится о вожэнях, которые «живут среди моря Лолан, делятся на сто с лишним владений и ежегодно приезжают с данью» (Гореляд, 2006, С. 8). В «Вэй чжи» говорится о даре вэйского вана правительнице Яматай Химико (Бимиху) в виде 100 зеркал. Также в числе подарков упоминаются мечи, секиры и копья (Воробьев, 1980, С. 78, 101).

Таким образом, уже в периоды позднего Яёй и раннего Кофун сопроводительный погребальный инвентарь в виде бронзовых зеркал, ритуальных мечей и копий приобрел, как и в Китае и Корее, религиозно-магический характер, стал использоваться с целью успокоения души покойного. Зеркала в погребальной камере ставились по периметру помещения

и обращались отражающей стороной к умершему, но довольно часто заворачивались в тончайшую шелковую ткань. Пример такого размещения зеркал могут быть зеркала из кургана Накаяма Оцука в регионе Нара (Edwards, 1999, Р. 95). Помимо вертикально стоящих зеркал, некоторые зеркала были помещены в особые шкатулки, изготовленные по китайской технологии, где на деревянный короб наносились слои шелковой ткани, покрывавшиеся лаком.

Самые древние зеркала из курганов в Японии имели геометрический орнамент из линий или кругов, сходящихся к центру. Помимо орнамента на зеркалах были бронзовые ушки-петли, с помощью которых зеркало подвешивалось. Такой орнамент и внешний вид зеркала встречался как среди китайских, так и корейских зеркал (Иванов, 2004, С. 23-26).

Согласно исследованиям археолога Уолтера Эдвардса, наибольшее число находок бронзовых зеркал периода позднего Яёй и Кофун относится к курганам префектуры Нара (Edwards, 1999, Р. 95). Найденные зеркала можно разделить на несколько видов (Воробьев, 1958, С. 73-94): 1. Раннеханьские («извивающейся змеи», «зубчатый», «геометрический»); 2. Позднеханьские («цветочный», «звериных голов», «листовидный», «облачный»); 3. Вэйские и периода Шести династий («зверей и небожителей», «звериный», «портретный»); 4. Корейские (орнаменты с изображением солнца, луны и звезд, орнамент TLV, «треугольный»). У зеркал варьировалось количество выступов-шишечек (более характерных для зеркал, пришедших из Кореи) или ушек-петель (для зеркал из Китая).

Как указывалось ранее, зеркала изначально были предметом импорта из Китая и Кореи, часто выступали в качестве даров. Однако постепенно технология изготовления зеркал была перенята в Японии. Зеркала стали изготавливаться изначально с помощью китайских литейных форм мастерами, мигрировавшими из Китая на архипелаг. Зеркала, сделанные в Японии, отличались большим количеством дубликатов, отлитых по одной форме, но зачастую размещенных в разных захоронениях (Edwards, 1999, P. 84-86).

Постепенно, зеркала стали приобретать японские локальные особенности, выделились основные орнаменты и произошли изменения в форме и размерах. Особенностью японских зеркал стало отличие в размерах. В среднем, зеркала достигали диаметра от 21 до 25 см. Одним из наиболее крупных зеркал считается найденное в кургане Хирабару префектуры Фукуока, чей диаметр равен 46,5 см, а вес 8 кг (Комиссаров, 2018, С. 6). Большинство зеркал, обнаруженных среди погребального инвентаря, были украшены китайским орнаментом «внутреннего цветка» (яп. *naikō kamonkyō*) (широкий внешний обод, внутренний обод с горизонтальными линиями, обращенные к центру дуги, пересекающие периметр центрального круга, крупный выступ-шишечка посередине, напоминающий солнце или звезду), который датируется II-I вв. до н.э. (Табарев и др., 2016, С. 17).

Помимо узора внутреннего цветка, часто встречался орнамент с треугольной оправой (яп. *sankakubuchi shinjūkyō*). Зеркало могло быть только с орнаментом из треугольников,

однако чаще всего оно сочеталось с изображениями божеств и мифических животных. Таким образом, оборотная неполированная сторона украшалась крупным выступом-шишечкой посередине, сложным рисунком божеств или животных и ободами, орнаментированными в виде цепи треугольников. Орнамент «небожителей и мифических зверей» (яп. *gamontai shinjūkyō*), упомянутый ранее, был заимствован из Китая, и так же, как и в Китае, на японских зеркалах чаще всего изображались фигуры, символизировавшие единство инь-ян, например, Сиван-му и Дунван-гун, дракон и тигр. Существовали вариации расположения божеств и животных на орнаменте: фигуры могли располагаться попарно (два божества или божество слева и животное справа), изображения божеств в фас или профиль (каждая фигура в паре смотрела в свою сторону) животных в профиль. Зеркала снабжались четырьмя выступами-шишечкой посередине и четырьмя выступами поменьше в центральной части зеркала, что помогало зонировать оборотную сторону на восемь частей, что было связано с сакральностью данного числа. Такие вариации зависели от веяния моды или от мастерской, изготовившее такое зеркало. Еще одной особенностью орнамента «небожителей и мифических животных» в Японии стал менее заметно выступающий внешний обод, за что такие зеркала принято называть «зеркалами с наклонным ободом» (Edwards, 1999, P. 89-90).

Необычным для Китая и Кореи культурным явлением стали разбитые бронзовые зеркала (яп. *hakyō*) — осколки зеркал, использовавшиеся взамен целых в погребениях.

По мнению японского исследователя Цзуджита Джуничиро, разбитые зеркала можно встретить во многих погребениях периода позднего Яёй, к раннему Кофуну они исчезают (Tsujiita, 2007, P. 49). Например, подобные зеркала были обнаружены в ранее упомянутом кургане Хирабару (преф. Фукуока). До сих пор точно неизвестны цели разбивания зеркал, однако по некоторым версиям зеркала разбивались из-за нехватки привозных зеркал для захоронения знати или для знати более низкого ранга. Множество осколков в гробницах, не совпадающих друг с другом указывают на стремление использовать больше разнообразных осколков зеркал для имитации богатства погребения. Чаще всего в виде осколков встречались зеркала с TLV орнаментом и орнаментом «внутреннего цветка». В осколках проделывались новые отверстия для их фиксации. Осколки зеркал делились на несколько типов: с сохранившейся центральной ручкой; без ручки; с одним или несколькими отверстиями; осколок из центральной части, осколок из края зеркала, часто из обода (Tsujiita, 2007, P. 50-51).

Для более полного понимания внешнего вида оборотных зеркал Древней Японии рассмотрим несколько примеров зеркал из погребений периода раннего Кофун, хранящиеся в музеях Японии, чьи коллекции доступны в электронном виде.

Японское бронзовое зеркало с орнаментом «внутреннего цветка» (Рис. 4) представляет собой зеркало из металлического бронзового сплава. Датируется IV в. и относится к зеркалам японского производства, о чем говорит его

диаметр (23,7 см) и особенности орнаментации. У зеркала широкий, слабо выступающий обод, три тонких обода с вертикальной насечкой, перемежающихся с ободом с кругами и рядом неровных горизонтальных линий. В центре оборотной стороны крупный выступ-шишечка, вокруг которого расположены круг и выгнутые к краям дуги, символизирующие цветок или солнце.

Рис. 4. Зеркало с орнаментом «внутреннего цветка». Диаметр 23,7 см. Период Кофун. Курган Тэндзинъяма, Нара, Япония. Национальный музей Нара.

Fig. 4. Mirror with "inner flower" ornament. Diameter 23.7 cm. Kofun period. Tenjinyama tumulus, Nara, Japan. Nara National Museum.

Зеркало с орнаментом «небожителей и мифических животных» (Рис. 5) также хранится в Национальном музее Нара. Оно датируется IV в. Зеркало не имеет всех характерных черт зеркала японского производства. Например,

Рис. 5. Зеркало с орнаментом «небожителей и мифических зверей». Диаметр 16,8 см. Период Кофун. Курган Тэндзинъяма, Нара, Япония. Национальный музей Нара.

Fig. 5. Mirror with an ornament of "celestials and mythical beasts". Diameter 16.8 cm. Kofun period. Tenjinyama tumulus, Nara, Japan. Nara National Museum.

у него не скошен внешний обод, хоть он и представляет собой довольно тонкую полосу. Орнамент оборотной стороны довольно разнообразен: есть ободья с горизонтальными и вертикальными полосами, обод с благопожелательной надписью, что часто встречалось в Китае. Основным на этом зеркале считается сочетание зубчатого орнамента и орнамента «небожителей и животных». По левую и правую стороны от центра в виде выступа-шишечки изображены будды в фас и, вероятно, архаты, обращенные к буддам в профиль. Сверху расположен тигр, а снизу — дракон.

Рис. 6. Зеркало с орнаментом «небожителей и мифических животных» и скошенным внешним ободом. Диаметр 16,8 см. Период Кофун. Курган Тэндзинъяма, Нара, Япония. Национальный музей Нара.

Fig. 6. Mirror with "celestials and mythical animals" ornament and beveled outer rim. Diameter 16.8 cm. Kofun period. Tenjinyama tumulus, Nara, Japan. Nara National Museum.

Следующее зеркало с орнаментом «небожителей и мифических животных» (Рис. 6) похоже на предыдущее, однако его отличает упомянутый ранее скошенный внешний обод, что было более характерно для зеркал из Японии, нежели из Кореи и Китая.

Зеркало с орнаментом TLV (Рис. 7), хранящееся в Национальном музее Нара, имеет корейское влияние. У него очень широкий орнаментированный внешний обод, сочетание знаков, похожих на латинские буквы T, L, V, круглого выступа шишечки, вписанного в квадрат

Рис. 7. Бронзовое зеркало с орнаментом TLV. Диаметр 20,3 см. Период Кофун. Курган Тэндзинъяма, Нара, Япония. Национальный музей Нара.

Fig. 7. Bronze mirror with TLV ornament. Diameter 20.3 cm. Kofun period. Tenjinyama tumulus, Nara, Japan. Nara National Museum.

с четырьмя маленькими выступами на каждой его грани.

Бронзовые зеркала-докё пришли на Японские острова из Китая напрямую или же через Корейский полуостров в древности, в период Яёй. Переняв китайскую традицию, в Японии их стали использовать в погребениях в качестве сопроводительного погребального инвентаря, считавшегося необходимым для того, чтобы указать путь усопшему. Практически до III в. н.э. на архипелаге не встречаются зеркала японского производства, они поставлялись в Японию в качестве даров или же просто приобретались. В период позднего Яёй и раннего

Кофун в Японии были распространены зеркала с китайскими или корейскими орнаментами, новшеств в орнаментации или изменения формы не было. Однако для погребений указанных периодов было характерно использование осколков зеркал, заменявших целые зеркала и использовавшихся с той же целью. Существуют разные объяснения данному факту, однако наиболее распространенной считается теория о том, что привозных бронзовых зеркал просто не хватало на все погребения.

Постепенно, с дестабилизацией политической обстановки в Китае, количество привозных зеркал уменьшается, однако появляются бронзовые зеркала, отлитые китайскими мастерами, перебравшимися в Японию. Начало самостоятельного изготовления зеркал привело к изменениям в изготовлении зеркал. Зеркала-докё увеличились в размерах (до 21-25 см) и в весе, в то время как орнаментация не изменилась. Наиболее распространенными стали орнаменты TLV, «внутреннего цветка», «небожителей и мифических зверей» и орнамента с треугольной оправой, часто сочетавшегося с вышеперечисленными. Вместо раннекитайских петельшек для фиксации зеркала использовались пришедшие из Кореи выступы-шишечки.

Изучение японских бронзовых зеркал подтверждает теорию культурного заимствования в треугольнике Китай-Корея-Япония. Японские бронзовые зеркала не были первичными предметами, имели явное китайское и корейское влияние, однако, попав на архипелаг, были приняты и переработаны древнеяпонской культурой, приобрели характерные особенности, отличные от зеркал Китая и Кореи.

Список литературы

1. *Morse E. S.* Traces of an early race in Japan. // The popular science monthly, 1879. N. 14. P. 257-266
2. *Мещеряков А. Н., Грачев М. В.* История древней Японии. М.: Наталис, 2010. 544 с.
3. *Бакшеев Е. С.* Древнейшие истоки погребального обряда могари по археологическим данным периода Дзёмон и Яёй. В сб. (отв.ред. В. М. Алпатов) История и культура Японии. М.: Институт востоковедения РАН, 2002. С.7-25
4. *Пак М. Н.* Очерки ранней истории Кореи. М.: Изд-во МГУ, 1979. 240 с.
5. *Childe V. G.* Man makes himself. London: Watts and Co, 1936. 275 p
6. *Воробьев М. В.* Япония в III-VI вв. М.: Наука, 1980. 344 с.
7. *Сэнсом Дж. Б.* Япония: краткая история культуры. СПб.: Евразия, 1999. 576 с.
8. *Силакова С. А., Гайнуллина Л. А.* Китайские бронзовые зеркала бронзового и железного веков из собраний музеев Республики Корея. // Россия — Китай: история и культура. Казань: Наука-Фэн, 2021. С. 265-270
9. *Силакова-Макарова С. А., Гайнуллина Л. А.* Китайское бронзолитейное искусство как образец культурного влияния на археологию Древней Кореи. // Ориенталистика, 2022. Вып. 5-3. С. 603-613
10. *Гореляд В. Н.* Классическая культура Япо-
- нии: очерки духовной жизни. СПб.: Петербургское востоковедение, 2006. 352 с.
11. *Edwards W.* Mirrors on Ancient Yamato: The Kurozuka Kofun Discovery and the Question of Yamatai. // Monumenta Nipponica, 1999. N. 54-1. P. 75-110
12. *Иванов В. В.* Роль Кореи в формировании духовной культуры Японии. // Россия и АТР, 2004. С. 23-33
13. *Воробьев М. В.* Древняя археология: историко-археологический очерк. М.: ИВЛ, 1958. 119 с.
14. *Комиссаров С. А., Соловьёва Е. А., Табарев А. В., Соловьёв А. И.* Основные этапы древней истории Японии (Материалы к учебному курсу «Археология Зарубежной Азии»). // Вестник НГУ. Серия: История, филология, 2008. Вып. 17-5. С. 9-20
15. *Табарев А. В., Иванова Д. А.* Повелительницы зеркал: особенности погребального инвентаря культуры Яёй, Японский архипелаг. // Гуманитарные науки в Сибири, 2016. Вып. 23-2. С. 15-18
16. *Tsujita J.* The change in the distribution system of bronze mirrors at the beginning of Kofun period Japan: as seen from fragmented bronze mirrors. // Bulletin of the Society for East Asian Archaeology, 2007. N. 1. P. 49-55

References

1. *Morse E. S.* Traces of an early race in Japan. // The popular science monthly, 1879. N. 14. P. 257-266

2. Meshcheryakov A. N., Grachev M. V. History of ancient Japan. M.: Natalis, 2010. 544 p.
3. Baksheev E. S. The most ancient origins of the Mogari funeral rite according to archaeological data from the Jomon and Yayoi periods. On Sat. (Ed. V. M. Alpatov) History and culture of Japan. M.: Institute of Oriental Studies RAS, 2002. P.7-25
4. Pak M. N. Essays on the early history of Korea. M.: Moscow State University Publishing House, 1979. 240 p.
5. Childe V. G. Man makes himself. London: Watts and Co, 1936. 275 p
6. Vorobyov M.V. Japan in the III-VI centuries. M.: Nauka, 1980. 344 p.
7. Sansom J.B. Japan: a brief history of culture. St. Petersburg: Eurasia, 1999. 576 p.
8. Silakova S. A., Gainullina L. A. Chinese bronze mirrors of the Bronze and Iron Ages from the collections of museums in the Republic of Korea. // Russia – China: history and culture. Kazan: Nauka-Fen, 2021. pp. 265-270
9. Silakova-Makarova S. A., Gainullina L. A. Chinese bronze casting art as an example of cultural influence on the archeology of Ancient Korea. // Oriental Studies, 2022. Vol. 5-3. pp. 603-613
10. Gorelyad V. N. Classical culture of Japan: essays on spiritual life. St. Petersburg: Petersburg Oriental Studies, 2006. 352 p.
11. Edwards W. Mirrors on Ancient Yamato: The Kurozuka Kofun Discovery and the Question of Yamatai. // Monumenta Nipponica, 1999. N. 54-1. P. 75-110
12. Ivanov V.V. The role of Korea in the formation of the spiritual culture of Japan. // Russia and the Asia-Pacific region, 2004. pp. 23-33
13. Vorobyov M.V. Ancient archeology: historical and archaeological essay. M.: IVL, 1958. 119 p.
14. Komissarov S. A., Solovyova E. A., Tabarev A. V., Solovyov A. I. The main stages of the ancient history of Japan (Materials for the training course “Archaeology of Foreign Asia”). // Bulletin of NSU. Series: History, philology, 2008. Vol. 17-5. pp. 9-20
15. Tabarev A.V., Ivanova D.A. Mistresses of Mirrors: Features of Funerary Equipment of the Yayoi Culture, Japanese Archipelago. // Humanities in Siberia, 2016. Vol. 23-2. pp. 15-18
16. Tsujita J. The change in the distribution system of bronze mirrors at the beginning of Kofun period Japan: as seen from fragmented bronze mirrors. // Bulletin of the Society for East Asian Archaeology, 2007. N. 1. P. 49-55

Сведения об авторах

Силакова-Макарова Софья Андреевна,
Соискатель; старший преподаватель ученой степени
Санкт-Петербургский государственный университет; Казанский (Приволжский) федеральный университет
silakova.sa@mail.ru

Хань Юн,

Старший преподаватель

Казанский (Приволжский) федеральный
университет

hanyong1953@163.com

Лю Сюй,

Ассистент

Казанский (Приволжский) федеральный
университет

645706201@qq.com

Information about the authors

Sofiya A. Silakova-Makarova,

Degree applicant, senior lecturer

St.-Petersburg State University, Kazan (Volga
region) Federal University

silakova.sa@mail.ru

Han Yong,

Senior lecturer

Kazan (Volga region) Federal University

hanyong1953@163.com

Liu Xu,

Assistant

Kazan (Volga region) Federal University

645706201@qq.com

Информация о статье

Поступила в редакцию: 10.09.24

Одобрена после рецензирования: 21.09.24

Принята к публикации: 30.09.24

Information about the article

The article was submitted 10.09.24

Approved after reviewing 21.09.24

Accepted for publication 30.09.24

**The White Sun and the Magic Mountain: Reign of Wu Ze-tian as Reflected
in the *Five Phases* Chapter of the *Old Book of Tang***

**Белое солнце и волшебная гора: сведения о правлении У Цзэ-тянь
(624–705) в главе «Пять фаз» «Старой книги [об эпохе] Тан»**

Скрыпник Екатерина Сергеевна

*Институт востоковедения Российской
академии наук, Москва, Россия*

Автор, ответственный за переписку:

esskrypnik@gmail.com

<https://orcid.org/0000-0003-2707-3085>

Ekaterina S. Skrypnik

*Institute of Oriental Studies of the Russian Academy
of Sciences, Moscow, Russia*

Corresponding author:

esskrypnik@gmail.com

<https://orcid.org/0000-0003-2707-3085>

УДК 93 | НАУЧНАЯ СТАТЬЯ | [HTTPS://DOI.ORG/10.24412/2686-9675-3-2024-131-149](https://doi.org/10.24412/2686-9675-3-2024-131-149)

АННОТАЦИЯ

В статье рассматриваются знамения, зафиксированные, согласно данным главы «Пять фаз» (У син 五行) нормативной истории «Старая книга [об эпохе] Тан» (Цзю Тан шу 舊唐書), в период правления первой и единственной женщины-императора Китая — У Цзэ-тянь 武則天 (624–705). Проведено сопоставление посвящённой У Цзэ-тянь главы «Основных записей» (Бэнь цзи 本紀) и фрагментов главы «Пять фаз», на основании чего выявлены основные ошибки, которые императрица, по мнению конфуцианцев-историографов, совершала в государственном управлении. Делается вывод о том, что упоминание знамений преследовало две цели – выделить кризисные события в жизни империи в данный период и обозначить

ABSTRACT

In this article I examine the omens observed during the reign of the first and only female emperor of China — Wu Ze-tian – as reflected in the Five Phases (Wu xing 五行) chapter of the Old Book of Tang (Jiu Tang Shu 舊唐書). I compare the data on the reign of Wu Ze-tian as reflected in the Basic Records (Ben ji 本紀) and Five Phases chapters of this dynastic history. On the basis of this analysis, I identify the main administrative mistakes that Confucian scholars attributed to the empress. I conclude that the mention of omens served two purposes – to highlight crisis state events of the period and identify the main problems relevant to the reign of Wu Ze-tian. Method of structural analysis of texts in classical Chinese (wenyan) was used in this study. I also provide Russian

основные проблемы, актуальные для правления У Цзэ-тянь. При работе с источниками использовался метод структурного анализа текстов на классическом китайском языке — вэнь-яне. В статье приведены переводы фрагментов «Старой книги [об эпохе] Тан», ранее не переведшиеся на русский и европейские языки.

Ключевые слова. У Цзэ-тянь, У Чжао, Великое Чжоу, знамения, Цзю Тан шу, пять фаз, Тан

Для цитирования: Скрыпник Е.С. Белое солнце и волшебная гора: сведения о правлении У Цзэ-тянь (624–705) в главе «Пять фаз» «Старой книги [об эпохе] Тан». *Современные востоковедческие исследования*. 2024; Том 6 (3). С. 131-149 <https://doi.org/10.24412/2686-9675-3-2024-131-149>

Введение

Согласно традиционным китайским представлениям, знамения были тесно связаны с теорией «небесного повеления» (*тянь-мин* 天命) и являлись своеобразным откликом высших сил на поведение и управленческий стиль правителя Поднебесной (Wu 1989, p. 85–86). Если последний действовал в соответствии с волей Неба, в государстве наблюдались феномены, толкуемые как благие (появление драконов и единорогов, благовещих камней и т. п.), в противном случае происходили события разной степени катастрофичности — от изменений в движении небесных тел до землетрясений, наводнений и прочих стихийных бедствий.

translations of the Old Book of Tang fragments not translated into European languages.

Keywords. Wu Ze-tian, Wu Zhao, Da Zhou, Omens, Jiu Tang Shu, Five Phases, Tang empire

For citation: Skrypnik E.S. The White Sun and the Magic Mountain: Reign of Wu Ze-tian as Reflected in the Five Phases Chapter of the Old Book of Tang. *Modern Oriental Studies*. 2024; Volume 6 (№3). P. 131-149 (In Russ.) <https://doi.org/10.24412/2686-9675-3-2024-131-149>

Интерпретации дурных знамений проводились в двух направлениях — профетическом и пени-тенциарном (как предсказание будущих событий и как наказание за уже совершенные ошибки соответственно) (Wu 1989, 85–86; Зинин 1997, 32). Государю, таким образом, следовало учесть эти события и их трактовки для исправления собственных оплошностей с в противном случае ситуация всё больше усугублялась и дело могло дойти даже до смены правящей династии (Торчинов 2021, 67).

Следствием восприятия дурных знамений как результата ошибок и неудач в различных аспектах политической деятельности правителя стало большое количество упоминаний

таких феноменов в нормативных историях (*чжэн ши* 正史) — сводных трудах, представляющих собой всестороннее описание правления одной или нескольких династий (Доронин 2009, 56). Известно, что авторы этих трудов видели своей целью не только достоверное освещение событий, но и представление их в максимально назидательном ключе, — а упоминания о дурных знаменьях, таким образом, становились своеобразным указателем на неприемлемость (с точки зрения Неба — или, вернее, конфуцианцев-историографов) той или иной инициативы императора или его политики в целом.

Считалось, что ошибки в государственном управлении приводили к нарушениям свойств «пяти фаз» (*у син* 五行) — дерева (*му* 木), огня (*хо* 火), металла (*цзинь* 金), почвы (*ту* 土) и воды (*шуй* 水), — что, в свою очередь, становилось причиной появления различных феноменов. Поэтому сведения о дурных знаменьях в основном содержатся в главах «Пять фаз» разделов «Описания» (*Чжи* 志) нормативных историй. Эти главы, в свою очередь, входят в состав двенадцати из двадцати четырёх таких историй, что свидетельствует о высокой значимости соответствующих данных (Зинин 1997, 34). В данной статье мы рассмотрим знаменья, зафиксированные, согласно данным главы «Пять фаз» «Старой книги [об эпохе] Тан»¹, в период правления У Цзэ-тянь 武則天 (624–705) — первой и единственной жен-

щины, получившей титул августейшего императора (*хуан-ди* 皇帝) и основавшей новое государство — Великое Чжоу (*Да Чжоу*, 690–705).

Общие сведения о главе «Пять фаз» ЦТШ

Структура главы «Пять фаз» ЦТШ соответствует структуре аналогичных глав в других нормативных историях. Она состоит из одного *цзюаня* и содержит 12 874 знака, из них 111 (0,86% текста главы) — краткий исторический экскурс, 639 (4,96% текста главы) — классификация знамений, остальное (12 124 знака, 94,17% текста главы) представляет собой перечисление (иногда — с объёмным комментарием) зафиксированных в эпоху Тан знамений, которые историографы сочли необходимым сохранить в тексте летописи.

Во вступительной теоретической части содержатся указания на корреляцию между сферами, в которых правителем были совершены ошибки, и типами вызываемых этим знамений. Ошибки в экономической сфере (например, несвоевременность в земледелии и охоте), а также наличие у подданных коварных антигосударственных планов приводят к тому, что «дерево не [способно] изгибаться-выпрямляться» (*му бу цюй чжи* 木不曲直); пренебрежение законами, ошибки в назначениях и разжалованиях, убийство наследника престола, установление наложницы в качестве супруги — к тому, что «огонь не [вздыхает]

¹ «Старая книга [об эпохе] Тан» (*Цзю Тан шу* 舊唐書; завершена к 945 г.; далее — ЦТШ) наряду с «Новой книгой [об эпохе] Тан» (*Синь Тан шу* 新唐書; завершена к 1060 г.; далее Ч СТШ) является одним из основных источников для изучения эпохи Тан 唐 (618–907) в целом и данного периода — в частности. Оба труда относятся к категории *чжэн ши*.

языки пламени вверх» (*хо бу янь шан* 火不炎上), оплошности в управлении делами правящего рода, распущенность и недолжное отношение к родственникам (особенно — отцу и старшим братьям) становятся причиной нарушения свойств почвы, в результате чего «посев [хлебов] и уборка [урожая] не завершаются [успехом]» (*цзя сэ бу чэн* 稼穡不成), в управлении войсками и военных действиях — ведут к тому, что «металл не следует изменениям» (*цзинь бу цун гэ* 金不從革)², всевозможные нарушения в сфере государственных жертвоприношений становятся причиной того, что «вода не увлажняет [то, что находится] внизу» (*шуй бу жунь ся* 水不潤下) (Лю 1975, 1345–1346).

Помимо нарушений характеристик «пяти фаз» составители ЦТШ также рассматривают последствия ошибок в так называемых «пяти делах» (*у ши* 五事). Под «пятью делами» подразумеваются следующие характеристики поведения правителя: «манеры именуются почтительными» (*мао юэ гун* 貌曰恭), «речь именуется последовательной» (*янь юэ цун* 言曰從), «видение именуется ясным» (*ши юэ мин* 視曰明), «слух именуется чутким» (*тин юэ цун* 聽曰聰), «мышление именуется пронизательным» (*сы юэ жун* 思曰睿). К нарушению в манерах ведёт «проступок» (*цзю* 咎) «исступления» (*куан* 狂), в видении — «неторопливости» (*шу* 舒), в мышлении — «затуманенности» (*у* 霧), в речи — «злоупотребления» (*цзянь* 僭), в слышании — «вспыльчивости» (*цзи* 急). Также рассматривается осо-

бая характеристика правителя — «августейший предел» или даже «предел августейше-сти» (*хуан-цзи* 皇極)³. Это свойство оказывается утраченным вследствие «мутности взора» (*мао* 眊). Кроме того, в классификационной части главы установлена следующая корреляция между фазами и «делами»: дерево — манеры; огонь — видение; почва — мышление; металл — речь; вода — слух. Особняком здесь стоит «августейший предел», соответствие которого с какой-либо фазой не зафиксировано (Лю 1975, 1346).

В результате нарушений в указанных сферах и качествах на государство обрушиваются всевозможные несчастья — наказания (*фа* 罰), предельные [кары] (*цзи* 極), странности (*яо* 妖), напасти (*не* 孽), бедствия (*хо* 禍), патологии (*кэ* 痾), несчастья и знамения (*шэн сянь* 書祥). Кроме того, в результате утраты «августейшего предела» «солнце и луна хаотично двигаются, звёзды [и] небесные тела двигаются в обратном [направлении]» (*жи юэ луань син, син чэнь ни син* 日月亂行, 星辰逆行) (Лю 1975, 1346).

Несмотря на то, что знамения в ЦТШ распределены по рубрикам, сами рубрики в большинстве случаев не имеют заголовков, поэтому в большинстве случаев не вполне очевидно, к какому конкретно типу феноменов относили летописцы то или иное знамение. Соответственно, не всегда возможно определить, какое конкретно свойство было нарушено или дело — выполнено недолжным образом.

² Т. е. из металла невозможно выковать предметы.

³ Об «августейшем пределе» см. (Сыма 1986, 127).

Сведения о правлении У Цзэ-тянь в главе «Пять фаз» ЦТШ

Воцарение У Цзэ-тянь является уникальным случаем в истории Поднебесной — ни до, ни после женщина не принимала титул августейшего императора и не становилась основателем нового государства. Поскольку такое событие, согласно традиционным китайским представлениям о государственной власти, вопиюще нарушало должный порядок вещей, деятельность У Цзэ-тянь не могла вызвать одобрение у конфуцианцев-историографов — составителей *чжэн ши*. Поэтому неудивительно, что время её царствования отмечено (по данным нормативных историй) большим количеством знамений.

Зафиксированные в период правления⁴ У Цзэ-тянь 14 знамений записаны в 798 знаках, что составляет 6,58% текста перечисления и описания конкретных феноменов. Рассмотрим упоминаемые в данной главе знаменья и сопоставим их с событиями в жизни империи в том виде, в котором они представлены в нормативных историях.

Первое знамение датируется началом 684 г. Описание его звучит следующим образом:

高宗文明後，天下頻奏雌雉化為雄，或半化未化，兼以獻之，則天臨朝之兆。

В поздний [период под девизом правления] Вэнь-мин [в годы царствования] Гао-

цзуна⁵ в Поднебесной докладывали, [что] самки фазанов превращаются в самцов, некоторые наполовину превращались, [наполовину] не превращались, сочетая проявления этого, [видим] предвестник [того, как] Цзэ-тянь «посетила [зал для] аудиенций» (Лю 1975, 1368).

27 декабря 683 г. скончался супруг У Цзэ-тянь — император Ли Чжи. На престол взошёл их сын Ли Чжэ 李哲 (храмовое имя Чжун-цзун 中宗, 656–710, прав. 683, 705–710), императрица же стала регентом и фактической правительницей государства. Ли Чжэ, впрочем, попытался назначать на должности чиновников, не получив предварительного одобрения своей матери. Это разгневало У Цзэ-тянь, и спустя лишь полтора месяца после интронизации Ли Чжэ был низложен, а императором стал другой сын У Цзэ-тянь — Ли Дань 李旦 (храмовое имя Жуй-цзун 睿宗, 662–716, прав. 684–690, 710–712). Таким образом, в начале 684 г. У Цзэ-тянь удалось сконцентрировать в своих руках всю полноту власти в Поднебесной — символом чего и стало чудесное превращение самок фазанов в самцов. В тексте летописи также используется выражение «посетила [зал для] аудиенций» (*линъ чао* 臨朝), что отсылает нас к образу императрицы Хань 漢 (206 г. до н. э. – 220 г. н. э.) — Люй-хоу 呂后 (Люй Чжи 呂雉, 241–180 до н. э., прав. 188–180 гг. до н. э.), известной властолюбием, nepотизмом и жестокостью.

⁴ Под периодом правления У Цзэ-тянь подразумевается временной промежуток с 684 г. (начало её правления в качестве регента) до отстранения от власти в феврале 705 г.

⁵ Подразумевается император Ли Чжи 李治 (храмовое имя Гао-цзун 高宗, 628–683, прав. 650–683). Вэнь-мин 文明 («Просветляя культурой») – 27.02–18.10.684. Таким образом, данный девиз правления был на самом деле объявлен спустя два месяца после смерти Ли Чжи.

Будучи регентом, Люй-хоу много лет фактически управляла империей. У Цзэ-тянь часто сравнивают с ней, хотя ханьской правительнице и не удалось получить формальное подтверждение своих достижений — императорский титул (впрочем, сведений о том, что она к этому стремилась, на данный момент не обнаружено). Описывая узурпацию власти Люй-хоу, историографы использовали формулировку «посетила [зал для] аудиенций, [чтобы] оглашать распоряжения» (*линъ чао чэн чжи* 臨朝稱制).

Следующее знамение было зафиксировано в конце лета 684 г.:

文明元年七月，溫州大水，漂流四千餘家。

В изначальный год [под девизом правления] Вэнь-мин, в седьмом месяце⁶ в Вэньчжоу⁷ [было] великое наводнение, дрейфовали-плыли четыре с лишним тысячи домов (Лю 1975, 1353).

По всей видимости, это знамение предвещало новый политический катаклизм — в сентябре 684 г. началось восстание под руководством известного политического деятеля Сюй Цзин-е 徐敬業 (636–684). Целями мятежа были восстановление на престоле Ли Чжэ и отстранение его амбициозной матери от управления государством. Первоначально мятежники достигли некоторых военных успехов, однако

к концу зимы 685 г. восстание было подавлено (Оуян 1975, 84).

После продолжительного затишья — в 689 г. — произошло новое удивительное событие:

永昌中，華州敷水店西南坡，白晝飛四五里，直抵赤水，其坡上樹木禾黍，宛然無損。

В годы [под девизом правления] Юн-чан⁸ в Хуачжоу⁹, на юго-западном склоне [холма] Фушуйдянь белое дневное [солнце] пролетело четыре-пять ли, прямоком бросилось [в реку] Чишуй, на этом склоне деревья [и] посевы согнулись, однако не имели повреждений (Лю 1975, 1350).

689 г. стал годом непосредственной подготовки У Цзэ-тянь к узурпации императорского титула. Именно тогда были проведены следующие мероприятия, направленные на укрепление политической власти правительницы и формирование идеологического базиса для её последующего воцарения и основания нового государства:

— В водах реки Лошуй 洛水 найдена «драгоценная схема» (*бао ту* 寶圖) — артефакт, призванный установить параллели между У Цзэ-тянь и легендарными правителями древности; согласно данным хроник, «драгоценная схема» была сфальсифицирована племянником императрицы

⁶ 16.08–14.09.684.

⁷ Вэньчжоу 溫州 — область, располагавшаяся на территории одноимённого городского округа в современной провинции Чжэцзян.

⁸ Юн-чан 永昌 («Вечное процветание») — 27.01–17.12.689.

⁹ Хуачжоу 華州 — область, располагавшаяся на территории современного городского округа Вэйнань 渭南 провинции Шэньси.

У Чэн-сы 武承嗣 (649–698);

- завершено строительство главного государственного святилища и политико-идеологического центра империи — «Пресветлого зала» (Минтан 明堂).
- прошли масштабные репрессии, в результате которых было уничтожено множество представителей рода Ли — правящего рода империи Тан. Поводом к репрессиям стало восстание троюродного брата Ли Даня – Ли Чуна 李冲 (?–688), ставшее неудачной попыткой рода Ли вернуть себе власть в государстве.

Знамение, таким образом, было реакцией высших сил на все эти события. Можно предположить, что образ согнувшихся, но не погибших растений символизирует последующую реставрацию Тан и восстановление на престоле Ли Чжэ. Кроме того, 689 г. датируется такое событие:

垂拱已後，東都有契苾兒歌，皆淫艷之詞。
後張易之兄弟有內嬖，易之小字契苾。

После окончания [годов под девизом правления] Чуй-гун¹⁰ в Дунду¹¹ возникла песенка *Ци-би-р*, вся с развратно-любовными словами. После Чжан И-чжи [с] младшим братом возымел фаворитизм внутри [двора], детское имя И-чжи [было] Ци-би (Лю 1975, 1376).

Здесь упоминается фаворит императрицы Чжан И-чжи 張易之 (?–705). Согласно биографии И-чжи, основными его достоинствами были приятная внешность и талант к исполнению музыкальных произведений. Вместе с братом Чжан Чан-цзуном 張昌宗 (?–705) он пользовался благосклонностью императрицы, которая была готова исполнить любые пожелания своих любимцев. Судя по данным хроник, братья Чжан были представлены императрице не ранее 696 г. — соответственно, появление соответствующей песни предупредило об этом событии за семь лет до него (Оуян 1975, 4014).

Глава *У син* содержит данные о ещё одной песне, бывшей в ходу в период правления У Цзэ-тянь. Появилась она в 692 г. и стала предвестником катастрофы, постигшей правительственные войска гораздо позже — в 696 г.

如意初，里歌云：「黃麕黃麕草裏藏，彎弓射爾傷。」後契丹李萬榮叛，陷營州，則天令總管曹仁師、王孝傑等將兵百萬討之，大敗於黃麕谷，契丹乘勝至趙郡。

В начале [годов под девизом правления] Жу-и¹² в деревенской песенке говорилось: «Жёлтая кабарга, жёлтая кабарга схоронилась в траве, [из] натянутого лука стреляют [и] ранят её». После киданец Ли Вань-жун¹³ [поднял] мятеж, занял Инчжоу, Цзэ-тянь приказала *цзун-гуаням*¹⁴ Цао Жэнь-ши, Ван Сяо-цзе¹⁵

¹⁰ Чуй-гун 垂拱 («Опустить [рукава] и сложить [руки]») — 9.02.685–26.01.689.

¹¹ Дунду 東都 («Восточная столица») — одно из именовании Лояна.

¹² Жу-и 如意 («Схожий с устремлениями») — 22.04–23.10.692.

¹³ По всей видимости, историографами здесь допущена ошибка. Восстание было поднято киданскими вождями Ли Цзинь-чжуном 李盡忠 (635–696) и Сунь Вань-жуном 孫萬榮 (640–696), чьи имена в тексте летописи причудливым образом переплелись в одно — Ли Вань-жун 李萬榮.

возглавить войска [числом] миллион, [чтобы] покарать его, [они потерпели] великое поражение в [ущелье] Хуанчжангу¹⁶, кидани воспользовались победой¹⁷ достигли [области] Чжаоцзюнь¹⁸ (Лю 1975, 1376).

Речь здесь идёт о восстании киданей, начавшемся в июне 696 г. и подавленному лишь летом 697 г. За этот год правительственные войска многократно терпели поражение, в том числе — 29 сентября 696 г. в сражении в ущелье Хуанчжангу. Именно тогда упомянутый в записи о знамени Цао Жэнь-ши попал в плен. Что же касается Ван Сяо-цзе, то в биографии этого опытного военачальника, прославившегося многочисленными победами над тибетскими племенами, ничего не сказано о его участии в сражении в Хуанчжангу. Судя по данным летописей, он погиб в ходе сражения с киданями 31 марта 697 г. (Лю 1975, 2977–2978; Оуян 1975, 4148–4149).

Следующее знамение датируется 695 г. Этот год стал в каком-то смысле переломным для правительницы. В 693–694 гг. У Цзэ-тянь уделяла все больше внимания буддийскому

учению и проводила мероприятия, призванные сделать его фундаментом её идеологической политики. Это выразилось и в символическом акте — помещении в здание «Небесного зала» (*Тяньтан* 天堂), входившего в структуру комплекса «Пресветлого зала», статуи Будды. 8 декабря 694 г. Минтан сгорел. Синхронные источники сообщают, что событие последовало непосредственно за проведением в комплексе «Пресветлого зала» буддийской церемонии и вполне могло быть истолковано современниками императрицы как знак недовольства Неба попыткой заменить традиционные китайские символы иноземными буддийскими¹⁹. Вот что говорит запись о пожаре в *Минтане* в главе *У син*:

證聖元年正月十六日夜，明堂火，延及天堂，京城光照如晝，至曙並為灰燼。則天欲避殿徹樂，宰相姚璠以為火因麻主，人護不謹，非天災也，不宜貶損。乃勸則天御端門觀酺，引建章故事，令薛懷義重造明堂以厭勝之。

В изначальный год [под девизом правления] Чжэн-шэн²⁰, в начальный месяц, на шестнадцатый день²¹, ночью [в] *Минтане*

¹⁴ Цзун-гуань 總管 («единоуправляющий») — командующий расквартированными в округе-дао 道 войсками. Кроме того, в начале существования империи Тан так называли командующих войсками, направляемыми в карательные походы (Оуян 1975, 1329).

¹⁵ Цао Жэнь-ши 曹仁師 (7 в.), Ван Сяо-цзе 王孝傑 (?–697) — танские военачальники.

¹⁶ Дословно «Ущелье жёлтой кабарги».

¹⁷ Дословно «оседлали победу».

¹⁸ Чжаоцзюнь 趙郡 — область, располагавшаяся на территории современного уезда Чжаосянь 趙縣 городского округа Шицзячжуан 石家莊 провинции Хэбэй.

¹⁹ Об этих событиях и их представлении в источниках разных типов см. (Скрыпник 2023).

²⁰ Чжэн-шэн 證聖 («Свидетельствование святому мудрия») — 23.11.694–21.10.695.

²¹ 5 февраля 695 г. Эта дата отличается от даты, указанной в «Основных записях» как ЦТШ, так и СТШ, — 8 декабря 694 г.

[возник] огонь, распространился на Тянь-тан, в столичном городе сияние [было] подобно дневному, [когда] дошло до рассвета, также [оба зала] стали золой [и] пеплом. Цзэ-тянь пожелала избежать [использования главного] зала [дворца]²², убрать инструменты, *цзай-сян*²³ Яо Шу²⁴ полагал, [что] огонь [возник] из-за «полотняного хозяина»²⁵, люди в оберегании [его] не [были] усердны, [это] не небесный катаклизм, [потому] не следовало [предаваться] умалению [себя] и [излишней] скромности. Поэтому убедил Цзэ-тянь справиться у наблюдательных [вышек врат] Дуань-мэнь пир. Притянули старые [порядки]-дела [дворца] Цзянь-

чжан²⁶, приказали Сюэ Хуай-и²⁷ повторно создать *Минтан*, чтобы повредить-победить это [дурное предзнаменование] (Лю 1975, 1366).

Минтан действительно вскоре был восстановлен, однако описанные события привели к существенным изменениям в идеологической политике императрицы. Она более не пыталась сделать буддийское учение её фундаментом, а обратилась к традиционным китайским способам легитимации власти правителя. Видимо, эта перемена, с точки зрения историографов, понравилась Небу, поэтому до следующего знамения прошло ещё несколько лет — оно датируется 701 г.

²¹ 5 февраля 695 г. Эта дата отличается от даты, указанной в «Основных записях» как ЦТШ, так и СТШ, — 8 декабря 694 г

²² Данная практика известна с эпохи Западное Чжоу (*Си Чжоу* 西周, 1046 до н. э.–771 до н. э.). В случае стихийных бедствий, угрожавших благополучию Поднебесной, правитель и министры облачались в «скромные одежды» (*су фу* 素服), аудиенции проводились не в главном зале, а во второстепенных, а правитель на несколько дней отказывался от разбора государственных дел. Практика получила широкое распространение в империи Хань и оставалась популярной в последующие эпохи (Цзяо 2010, 55).

²³ *Цзай-сян* 宰相 («министр-советник») — императорский советник, получавший эту должность в дополнение к другим административным должностям. В его обязанности входило консультирование императора по разнообразным вопросам (Оуян 1975, 1182–1183).

²⁴ *Яо Шу* 姚璠 (632–705) — известный танский сановник. Его биографию см.: (Оуян, 1975, 3979–3981).

²⁵ Судя по всему, подразумевается та самая статуя Будды. Известно, что она была выполнена в технике *цзя-чжу* 夾紵 («сжимание полотном»). При применении этой техники вылепленную из глины форму с помощью лака оклеивают полотном, после высыхания повторно многократно покрывают лаком, а затем — извлекают глиняную основу, оставляя лаковый предмет (*Ханьюй Да Цыдянь* 1988, 1505). По версии Яо Шу, сначала загорелась статуя, а после — всё остальное.

²⁶ В своей речи Яо Шу приводит в пример ханьского императора Лю Чэ 劉徹 (храмовое имя У-ди 武帝, 156–87 до н. э., прав. 141–87 до н. э.) и построенный им в пригороде столицы дворец Цзянь-чжан. У-ди проводил там аудиенции и занимался делами управления. В этом качестве У Цзэ-тянь использовала и построенный ею *Минтан*. Яо Шу, сопоставляя У-ди и У Цзэ-тянь, указывает, что первый известен как добродетельный и славный правитель, а *Минтан* использовался для тех же целей, что и дворец Цзяньчжан 建章 и, таким образом, проводимые в «Пресветлом зале» мероприятия не могли вызвать гнев Небес (Лю 1975, 2902–2903).

²⁷ *Сюэ Хуай-и* 薛懷義 (662–695) — фаворит императрицы. Летописи утверждают, что именно он сжёг первый *Минтан* из ревности к другому любимцу У Цзэ-тянь — лекарю Шэнь Нань-цю 沈南璆 (Оуян 1975, 3483).

大足元年，虔州別駕得六眼龜，一夕而失。

В изначальный год [под девизом правления] Да-цзу²⁸ бе-цзя²⁹ Цяньчжоу³⁰ обрёл шестиглазую черепаху, в одну ночь утратил [её] (Лю 1975, 1371).

Судя по данным летописей, важнейшим событием данного года стала казнь внука императрицы Ли Чун-жуня 李重潤 (682–701, её внучки Ли Сянь-хуэй 李仙蕙 (685–701), а также внучатого племянника У Янь-цзи 武延基 (680–701). Все они были оклеветаны упоминавшимся выше фаворитом Чжан И-чжи. Указанное знамение, таким образом, могло маркировать очередное убийство представителей рода подлинных (с точки зрения историографов) правителей Поднебесной.

Следующий год обошёлся, судя по данным ЦТШ, без необычных явлений, однако уже в 703 г. Небо снова выразило недовольство ситуацией в государстве:

長安三年，寧州大霖雨，山水暴漲，漂流二千餘家，溺死者千餘人，流尸東下。十七日，京師大雨雹，人有凍死者。

В третий год [под девизом правления] Чан-ань³¹ в Нинчжоу³² [был] великий затяжной дождь, горные воды стремительно поднялись, дрейфовали-плыли [по течению] более 2000 домов, тех, кто умер [от] утопления, было тысяча с лишним человек, тела плыли вниз [по течению] на восток. На семнадцатый день в столичном городе [был] великий дождь с градом, [среди] людей имелись те, кто умер от холода (Лю 1975, 1353).

Хроники не оставили нам указаний на то, какие конкретно действия императрицы вызвали гнев высших сил. 703 г., судя по данным «Основных записей»³³ ЦТШ и СТШ, был довольно спокойным с точки зрения как внутривнутриполитических, так и внешнеполитических процессов. Возможно, это событие должно было восприниматься читателем летописи как отдалённое предвестие будущей катастрофы, которая постигла императрицу в начале 705 г.

Ощущению читателями летописи общей напряжённой атмосферы способствовало также включение в перечень знамений описаний новых природных катаклизмов, обрушившихся

²⁸ Да-цзу 大足 («Великая достаточность») — 15.02.701–25.11.701.

²⁹ Бе-цзя 別駕 («отдельно запрягающий») — чиновник местной военной администрации (Рыбаков 2009, 452).

³⁰ Цяньчжоу 虔州 — область, располагавшаяся на территории современного городского округа Ганьчжоу 贛州 в провинции Цзянсу.

³¹ Чан-ань 長安 («Долгий покой») — 26.11.701–февраль 705. Третий год под девизом правления Чан-ань — 22.01.703–9.02.704.

³² Нинчжоу 寧州 — область, располагавшаяся на территории современного уезда Хуанин 華寧 городского округа Юйси 玉溪 провинции Юньнань.

³³ Бэнь цзи 本紀 («Основные записи») — разделы нормативных историй, содержащие биографии императоров.

на Поднебесную в конце 704 г. Тучи сгустились не только над столицей, но и над самой У Цзэ-тянь — и в результате 5 февраля 705 г. она была отстранена от власти, а на престол вернулся опальный император Ли Чжэ:

[長安] 四年，自九月至十月，晝夜陰晦，大雪。都中人畜，有餓凍死者。令開倉賑恤

На четвертый год [под девизом правления Чан-ань], с девятого месяца до десятого месяца³⁴ дни [и] ночи было сумрачно [и] темно, [шёл] великий дождь со снегом. В [столичном] городе [среди] людей [и] живности были те, кто умер от голода [и] холода. [Было] приказано открыть хранилища, [чтобы] поддержать и помочь [им] (Лю 1975, 1353).

長安四年九月後，霖雨並雪，凡陰一百五十餘日，至神龍元年正月五日。誅二張，孝和反正，方晴霽

На четвёртый год [под девизом правления] Чан-ань, после девятого месяца³⁵ [был] затяжной дождь вместе со снегом, всего [было] сумрачно сто пятьдесят с лишним дней, [вплоть] до пятого дня начального месяца [под девизом правления] Шэн-лун³⁶. [Когда же] казнили двух Чжанов, Сяо-хэ³⁷ [вернулся на престол, и государство] обратилось [к] подлинно-

му [правлению], [по всем] сторонам [стало] солнечно [и] просветлело (Лю 1975, 1363).

Очевидно, речь здесь идёт об одном природном катаклизме, однако первое сообщение утверждает, что оно длилось всего лишь месяц, тогда как второе говорит о 150 днях. Возвращению власти в руки законного императора сопутствовала смена аномальных погодных условий на благоприятные³⁸.

В главе «Пять фаз» упомянуты также четыре знамения, не привязанные к конкретным датам. Первое из них касается чудесного появления горы в уезде Синьфэн:

則天時，新豐縣東南露臺鄉，因大風雨電震，有山踴出，高二百尺，有池周三頃，池中有龍鳳之形、禾麥之異。則天以為休徵，名為慶山。荊州人俞文俊詣闕上書曰：「臣聞天氣不和而寒暑隔，人氣不和而疠贅生，地氣不和而堆阜出。今陛下以女主居陽位，反易剛柔，故地氣隔塞，山變為災。陛下以為慶山，臣以為非慶也。誠宜側身修德，以答天譴。不然，恐災禍至。」則天怒，流於嶺南。

Во времена [правления У] Цзэ-тянь в [деревне] Лутайсян на юго-востоке уезда Синьфэн³⁹ по причине великого ветра, дождя, града, [земле]трясения возник-

³⁴ 4 октября — 1 ноября 704 г.

³⁵ С 4 октября 704 г.

³⁶ 3 февраля 705 г.

³⁷ Т. е. Ли Чжэ.

³⁸ Отметим, впрочем, что политическая ситуация в государстве стабилизировалась ненадолго — борьба за влияние при дворе не только не прекратилась, но и активизировалась, в результате чего Ли Чжэ был отравлен своей супругой, а на престол повторно взшёл его старший брат Ли Дань.

ла гора, [которая] пробилась [и] вышла [на поверхность], высота [её составила] двести *чи*, возник пруд окружностью [площадью] три *цина*, посередине пруда возникли формы дракона [и] феникса, разнообразие хлебов и злаков. Цзэ-тянь посчитала [это] счастливым признаком, [дала горе] имя Циншань⁴⁰. Человек из Цзинчжоу⁴¹ Юй-вэнь Цзюнь прибыл ко двору, [подал] Высочайшему документ, гласивший: «Сановник слышал, [что когда] пневма Небес [находится] не в гармонии, холод и зной разделяются, [когда] пневма Человека [находится] не в гармонии, бородавки [и] наросты рождаются, [когда] пневма Земли [находится] не в гармонии, бугры [и] холмы выходят [на поверхность]. Ныне Ваше Величество в качестве женщины-правителя пребывает на янской позиции, перевёрнуто-изменено твёрдое [и] мягкое⁴², по этой причине пневма Земли разделена-засыпана, [поэтому] изменение горы является катаклизмом. Ваше величество полагает, [что это] «Благословенная [Небом] гора», сановник полагает, [что это] не является благословением. Поистине следует склонять тело, совершенствовать добро-

детель, чтобы отозваться на кару Небес. [Если] не [сделать] так, боюсь, стихийные бедствия [и] бедствия, [созданные] человеком, придут». Цзэ-тянь разгневалась, сослала [его] в Линнань⁴³ (Лю 1975, 1350).

Это знамение также упомянуто в «Основных записях» *СТШ* и датируется 24 октября 686 г. (Оуян 1975, 85). Несмотря на то, что политическая жизнь империи в 686 г. также не была отмечена катастрофическими событиями, ситуация, при которой у кормила власти находилась женщина, по всей видимости, должна была вызвать негодование Неба — что и выразилось в данном чудесном явлении.

Следующее знамение касалось двоюродного племянника императрицы — Цзун Цинь-кэ 宗秦客 (?–691):

則天時，宗秦客以佞幸為內史，受命之日，無雲而雷聲震烈，未周歲而誅。

Во времена [правления У] Цзэ-тянь Цзун Цинь-кэ посредством лесты [получил] высочайшую благосклонность [и] стал *нэй-ши*⁴⁴, в день получения повеления не было облаков, но звуки грома гремели-ярились, не [прошло и] круглого года, [как Цзун Цинь-кэ был] казнён (Лю 1975, 1361).

³⁹ *Синьфэн* 新豐 — уезд, располагавшийся в столичном округе Чанъани 長安.

⁴⁰ Т. е. «Благословенная [Небом] гора».

⁴¹ *Цзинчжоу* 荊州 — область, располагавшаяся на территории одноимённого городского округа в современной провинции Хубэй.

⁴² Т. е. мужское и женское.

⁴³ *Линнань* 嶺南 — область, располагавшаяся на территориях современных провинций Хайнань и Гуандун, Гуанси-Чжуанского автономного района, а также частично — провинций Хунань и Цзянси.

⁴⁴ *Нэй-ши* 內史 («внутренний чиновник») — с 684 г. то же, что *чжун-шу-лин* 中書令 («начальник над средними документами») — глава Приказа средних документов, в 684–705 гг. именовавшегося Фениксовыми палатами (*Фэн-гэ* 鳳閣) (Рыбаков 2009, 250; Оуян 1975, 1210–1214).

СТШ сообщает, что Цзун Цинь-кэ был ближайшим сподвижником У Цзэ-тянь, настаивавшем на том, что правительнице необходимо принять титул «августейшего императора» нового государства Великое Чжоу (Оуян, 1975, 4102). Он получил должность *нэй-ши* спустя четыре дня после основания Великого Чжоу (Оуян, 1975, 91). Данное знамение, таким образом, можно датировать 20 октября 690 г. — а спустя месяц Цзун Цинь-кэ был разжалован за взяточничество. Правда, СТШ утверждает, что императрица не казнила Цинь-кэ, а только отравила в ссылку, где он позже и умер (Оуян, 1975, 4102). Как мы видим, звуки грома предупредили о назначении на высокую должность не соответствующего ей человека — что и привело последнего к печальному (но закономерному) концу.

Следующее знамение также касалось родственника императрицы — её двоюродного племянника У Ю-нина 武攸寧 (?–ок.705 г.):

則天時，建昌王武攸寧置內庫，長五百步，二百餘間，別貯財物以求媚。一夕為天災所燔，玩好並盡。

Во времена [правления У] Цзэ-тянь Цзяньчан-ван У Ю-нин учредил внутренний склад, длиной пять сотен шагов, [с] двумястами с лишним помещений, особа запас предметы богатства, чтобы изыскать [возможность] заискивать [перед императрицей]. Однажды ночью из-за [посланного] Небом бедствия [хранилище

сгорело]-изжарилось, вместе [с тем] пристрастие исчерпалось (Лю 1975, 1366).

Как и в предыдущем случае, летописцы указывают, что Ю-нин получил должность отнюдь не за управленческие таланты. Упоминание «[посланного] Небом бедствия» позволяет предположить, что помещение сгорело в том самом пожаре, который уничтожил «Пресветлый зал». Отметим, впрочем, что «Основные записи» обеих летописей свидетельствуют об утрате У Ю-нином расположения императрицы несколько раньше — в 692 г.

Наконец, последнее чудесное событие рассказывает о фаворите императрицы Чжан И-чжи и его матери:

張易之為母阿臧為七寶帳，有魚龍鸞鳳之形，仍為象床、犀簾。則天令鳳閣侍郎李迥秀妻之，迥秀不獲已，然心惡其老，薄之。阿臧怒，出迥秀為定州刺史。

Чжан И-чжи для матушки А-цзан сделал «полог семи сокровищ», [там] имелись фигуры рыбы, дракона, [фениксов] *луань* [и] *фэн*, следом [было и] ложе, [инкрустированное] слоновой [костью], циновка [из кожи] носорога. Цзэ-тянь приказала *фэн-гэ ши-лану*⁴⁵ Ли Цзюнь-сю жениться на ней, Цзюнь-сю не довёл [это дело] до конца, естественно в сердце [чувствовал] тошноту [от] её старости, пренебрёг ею. А-цзан разгневалась, выдворили Цзюнь-сю [из столицы], сделали *цы-ши* Динчжоу (Лю 1975, 1377).

⁴⁵ Фэн-гэ ши-лан 鳳閣侍郎 («служитель-придворный Фениксовых палат») — один из двух помощников руководителей Фениксовых палат.

Судя по всему, под знаменем здесь понимается создание дивного полога, богато украшенного драгоценностями («семью сокровищами») и чудесными фигурами. В главе «Пять фаз» *СТШ* также есть сообщение об этом событии, однако авторы *СТШ* ограничиваются лишь рассказом о пологе, не упоминая о матримониальных планах Чжан И-Чжи и его матери. «Основные записи» *СТШ* также указывают, что Ли Цзюнь-сю 李迥秀 (7–8 в.) был осуждён за взыточничество и выслан из столицы в 704 г. Впрочем, на этом карьере Ли Цзюнь-сю не закончилась — он был возвращён ко двору и получил

высокие должности после повторного прихода к власти Ли Чжэ (Оуян 1975, 3913–3914).

Отметим, что 12 из 14 знамений, упомянутых в «Пяти фазах» *ЦТШ*, присутствуют в аналогичных главах *СТШ*. В отличие от ранней летописи, в *СТШ* указывается, к знамени какого типа относится каждый феномен. Учитывая эти данные, а также упомянутую выше корреляцию между оплошностями, фазами и «делами», попробуем установить соответствие между знаменьями из *ЦТШ* и ошибками в государственном управлении, совершёнными, по мнению летописцев, первой женщиной-императором.

Знамение	Год	Рубрика в <i>СТШ</i>	«Дело»/фаза	Сфера
Самки фазанов превращаются в самцов	684	Напасть с пернатыми тварями (юй-чун не 羽蟲之孽)	Видение	Пренебрежение законами, ошибки в назначениях и разжалованиях, убийство наследника престола, установление наложницы в качестве супруги
Наводнение	684	Вода не увлажняет [то, что находится] внизу	Вода	Государственные жертвоприношения
Волшебная гора	686	Дерево, огонь, металл, вода вредят почве (му хо цзинь шуй ли ту 木火金水 渗土)	Мышление	Управлении делами правящего рода
Белое солнце	689	Нет в <i>СТШ</i>		

Табл. 1. Соотношение между ошибками в управлении и вызываемыми этим знаменьями

Table 1. The correlation between errors in governance and the signs caused by it

Знамение	Год	Рубрика в <i>СТШ</i>	«Дело»/фаза	Сфера
Песенка Ци-би-р	689	Странности с песнями (<i>ши яо</i> 詩妖)	Речь	Управление войсками
Звуки грома и Цзун Цинь-кэ	690	Странности с барабанами (<i>гу яо</i> 鼓妖)	Слух	Государственные жертвоприношения
Песенка о жёлтой кабарге	692	Странности с песнями	Речь	Управление войсками
Пожар в Минтане	695	Огонь не [вздывает] языки пламени вверх	Огонь	Пренебрежение законами, ошибки в назначениях и разжалованиях, убийство наследника престола, установление наложницы в качестве супруги
Пожар в сокровищнице и У Юнин	694/695			
Шестиглазая черепаха	701	Черепашья напасть (<i>гуи не</i> 龜孽)	Манеры	Экономика и заговоры
Дождь и наводнение	703	Вода не увлажняет [то, что находится] внизу	Вода	Государственные жертвоприношения
Чжан И-чжи и полог «семи сокровищ»	704	Странности с одеждой (<i>фу яо</i> 脂妖)	Мышление	Управлении делами правящего рода
Дождь со снегом	704	Постоянная пасмурность (<i>чан инь</i> 常陰)	Августейший предел	Нет соответствия
Дождь со снегом	704–705			

Табл. 1. Соотношение между ошибками в управлении и вызываемыми этим знаменами (продолжение)

Table 1. The correlation between errors in governance and the signs caused by it (continued)

Мы видим, что знамения, соответствующие пренебрежению законами, ошибкам в назначениях и разжалованиях, убийству наследника престола и установлению наложницы в качестве супруги, маркируют два ключевых эпизода данного периода — воцарение У Цзэ-тянь в качестве регента с последующим отстранением императора, а также пожар в *Минтане* после проведения там буддийской церемонии. Инцидент с сокровищницей в *СТШ* записан в том же подпункте, что и пожар в *Минтане*, что доказывает связь этих событий (поздняя летопись, правда, не сообщает о том, что сокровищница принадлежала У Ю-нину). В данном случае летописцы, вероятно, видели проблему в благосклонности императрицы к некомпетентному родственнику.

Феномены, соответствующие нарушениям в сфере государственных жертвоприношений, соотносятся с тремя эпизодами — началом регентства У Цзэ-тянь (что представляется логичным), услышанными Цзун Цинь-кэ звуками грома (это произошло, как уже говорилось выше, спустя несколько дней после основания Великого Чжоу — сопутствующие этому событию ритуалы, очевидно, воспринимались летописцами как действия нелегитимные), а также с некими происшествиями 703 г. Мы предполагаем, что в данном случае указание на ошибки в жертвоприношениях может фиксировать два типа проблем. Во-первых, к этому моменту здоровье престарелой императрицы было уже не таким крепким, поэтому она, вероятно, уже не

могла принимать столь же активное участие во всех официальных мероприятиях, включая государственные ритуалы⁴⁶. С другой стороны, проблемы со здоровьем могли сподвигнуть её к обращению к альтернативным способам prolongation жизни — даосским ритуалам, свидетельства интереса правительницы к которым в последние годы царствования наличествуют в синхронных источниках⁴⁷.

Зафиксированные в 686 г. ошибки в управлении делами правящего рода, вероятно, указывают на ненормальность ситуации в целом — поскольку женщина, согласно традиционным китайским представлениям, править не могла. Связь сделанного по заказу Чжан И-чжи чудесного полога с ошибками в рассматриваемой сфере, возможно, подразумевает постоянную борьбу при дворе за благосклонность императрицы на завершающем этапе её правления. В этой борьбе участвовали сановники, фавориты правительницы и её родственники из родов Ли и У.

Соотнесение появления песни *Ци-би-р* и последующего возвышения Чжан И-чжи с управлением войсками кажется неочевидным, однако здесь, судя по всему, имеет место адресация к ещё одному событию — в год, в который было зафиксировано знамение, также произошло восстание представителей рода Ли. Восстание было подавлено, что, как видится, могло рассматриваться конфуцианцами-историографами как событие печальное. Связь же появления песенки о жёлтой кабарге,

⁴⁶ Косвенным образом об этом свидетельствуют многочисленные сообщения о поездках императрицы в загородные дворцы, присутствующие в обеих нормативных историях.

⁴⁷ Подробно об этом см., например, (Скрыпник, 2020).

последующего разгрома правительственных войск тибетцами — и ошибок в военной сфере — вопросов не вызывает.

Как уже говорилось выше, основным событием 701 г. было разоблачение «заговора» нескольких родственников императрицы и казнь последних, что также соответствует описанию ошибок, приводящих к появлению подобных знамений. Под заговором, очевидно, летописцы понимали клевету Чжан И-чжи, а не деятельность самих фигурантов дела (в случае, если даже она действительно имела место).

Что касается последних описанных знамений, то все они говорят о возникновении проблем с «августейшим пределом», утрата которого (если предположить, что летописцы в принципе признавали за У Цзэ-тянь его наличие) привела к отстранению императрицы и краху Великого Чжоу.

Заключение

Знамения, зафиксированные в главе «Пять фаз» ЦТШ, позволили историографам решить две задачи. Во-первых, с помощью сетки событий данного типа они «подсветили» ключевые события в жизни империи — начало регентства У Цзэ-тянь при сыновьях и отстранение Ли Чжэ, восстание Сюй Цзин-е, построение императрицей идеологической основы для своего воцарения в качестве императора, убийства представителей рода Ли, пожар в Минтане и смена идеологической направленности в легитимационной политике правительницы, восстание киданей, отречение императрицы. Во-вторых, содержание сообщений о знамениях

позволяет предположить, что летописцы стремились также выделить основные проблемы государства в период правления У Цзэ-тянь. К таковым, безусловно, относилось нахождение женщины у власти (а впоследствии — и на императорском престоле), репрессии в отношении представителей правящего рода, возвышение родственников, фаворитизм, отход от традиционной модели легитимации власти, а также проблемы во взаимоотношениях с неханьскими народностями⁴⁸. При этом отдельные знамения могли выполнять сразу две функции — предсказывать будущие бедствия и маркировать период, в который они были зафиксированы, как критический. Всё вышеперечисленное должно было служить выполнению одной из задач традиционного летописания — представить читателям нормативных историй пример правителя несправедливого и нелегитимного, царствование которого не могло завершиться ничем, кроме катастрофы.

Список литературы

1. Wu H. *The Wu Liang Shrine: The Ideology of Early Chinese Pictorial Art*. Stanford: Stanford University Press, 1989. 412 p.
2. Зинин С. В. *Протест и пророчество в традиционном Китае: жанр яо с древности до XVII века н. э.* Москва: ИВ РАН, 1997. 225 с.
3. Торчинов Е. А. *Пути Востока и Запада. Познание запредельного.* Санкт-Петербург, Москва: Пальмира, 2021. 464 с.
4. Доронин Б. Г. *Династийные истории.*

⁴⁸ Последнее должно было явиться свидетельством управленческих провалов У Цзэ-тянь.

- Духовная культура Китая: энциклопедия: в 5 т. Т. 4. *Историческая мысль. Политическая и правовая культура*. Ред. М. Л. Титаренко. Москва: Восточная литература, 2009. 935 с. С. 56–58.
5. Лю Сюй (劉昫). *Старая книга [об эпохе] Тан (舊唐書)*. Пекин: Чжунхуа шуцзюй, 1975. 5407 с. (на кит. яз.)
 6. Сыма Цянь. *Исторические записки: («Шицзи»)*. Т. V. Пер. с кит., вступит. ст. и прил. Р. В. Вяткина. Москва: Восточная литература, 1986. 364 с.
 7. Оуян Сю (歐陽修), Сун Ци (宋祁). *Новая книга [об эпохе] Тан (新唐書)*. Пекин: Чжунхуа шуцзюй, 1975. 6472 с. (на кит. яз.)
 8. Скрыпник Е.С. Концепт чакравартина и другие буддийские понятия в идеологической политике У Цзэ-тянь. *Миссия синолога и классический Китай: к 90-летию М. В. Крюкова*. Гл. ред. А. И. Кобзев. Москва: ИВ РАН. 2023. 526 с. С. 373–418.
 9. Цзяо Пэймин (焦培民). Изначальное исследование [церемонии] избегания [зала] Чжэн-дянь, [проводившейся] по причине бедствий, в эпоху Хань (汉代因灾避正殿初探). *Вестник Педагогического института Шанцю (商丘师范学院学报)*. 2010. № 5 (26). С. 53–55. (на кит. яз.)
 10. *Большой китайский словарь (汉语大词典)*. В 12 томах. Том 2. Ред. Ло Чжунфэн (罗竹风). Шанхай: Ханьюй Да Цыдянь чубаньшэ, 1988. 1662 с. (на кит. яз.)
 11. Рыбаков В. М. *Танская бюрократия. Часть 1: Генезис и структура*. Санкт-Петербург: Петербургское Востоковедение, 2009. 512 с.
 12. Скрыпник Е. С. Золотая табличка У Цзэтянь (624–705). *Восток. Афро-азиатские общества: история и современность*. 2020. Выпуск 2. С. 212–223.
- ## References
1. Wu H. *The Wu Liang Shrine: The Ideology of Early Chinese Pictorial Art*. Stanford: Stanford University Press, 1989. 412 p.
 2. Zinin S. V. *Protest and Prophecy in Traditional China: the Yao Genre Since Ancient Times till XVII Century*. Moscow: IV RAN, 1997. 225 p. (In Russ.)
 3. Torchinov E. A. *Paths of East and West. Knowledge of the Beyond*. Saint-Petersburg, Moscow: Palmira, 2021. 464 p. (In Russ.)
 4. Doronin B. G. *Dynastic Histories. Spiritual culture of China: Encyclopedia: in 5 Vol. Vol. 4. Historical Thought. Political and Legal Culture*. Ed. M. L. Titarenko. Moscow: Vostochnaya literatura, 2009. 935 p. P. 56–58. (In Russ.)
 5. Liu Xu. *Old Book of Tang*. Beijing: Zhonghua shuju, 1975. 5407 p. (in Chinese)
 6. Sima Qian. *Historical Records: («Shiji»)*. Vol. V. Translation, Introduction and Appendix by R. V. Vyatkin. Moscow: Vostochnaya

literatura, 1986. 364 p. (In Russ.)

7. Ouyang Xiu, Song Qi. *New Book of Tang*. Beijing: Zhonghua shuju, 1975. 6472 p. (In Chinese)
8. Skrypnik E. S. The Chakravartin Concept and Other Buddhist Concepts in the Ideological Policy of Wu Ze-tian. *Sinologist's Mission and Classical China: To the 90-th Anniversary of M. V. Kryukov*. Ed. A. I. Kobzev. Moscow: IV RAN. 2023. 526 p. P. 373–418. (In Russ.)
9. Jiao Peiming. Initial Study of the Zhengdian Avoidance [Ceremony] Due to Disasters during the times of Han. *Bulletin of Shangqiu Pedagogical Institute*. 2010. № 5 (26). P. 53–55. (In Chinese)
10. *Big Chinese Dictionary*. In 12 Vol. Vol 2. Ed. Luo Zhufeng. Shanghai: Hanyu Da Cidian chubanshe, 1988. 1662 p. (In Chinese)
11. Rybakov VM. Tanskaya byurokratiya. Part 1: Genezis i struktura. Saint-Petersburg: Peterburgskoe Vostokovedenie, 2009. 512 p. (In Russ.)
12. Skrypnik E. S. Golden Tablet of Wu Zetian (624–705). *Vostok (Oriens)*. 2020. Выпуск 2. С. 212–223. (In Russ.)

Сведения об авторе

Скрыпник Екатерина Сергеевна,

Канд. ист. наук, научный сотрудник

Институт востоковедения РАН

107031, Москва, ул. Рождественка, д.12

esskrypnik@gmail.com

Information about the author

Ekaterina S. Skrypnik

Cand. Hist., Researcher

Institute of Oriental Studies RAS

esskrypnik@gmail.com

Информация о статье

Поступила в редакцию: 10.09.24

Одобрена после рецензирования: 21.09.24

Принята к публикации: 30.09.24

Information about the article

The article was submitted 10.09.24

Approved after reviewing 21.09.24

Accepted for publication 30.09.24

Review of the Historical Sources On the South and Southwest of Yunnan Province

Обзор исторических источников

по югу и юго-западу провинции Юньнань

Завидовская Екатерина Александровна

*Институт Китая и Современной Азии РАН,
Москва, Россия*

Автор, ответственный за переписку:

katushaza@yahoo.com

<https://orcid.org/0000-0002-8369-7776>

Ekaterina A. Zavidovskaya

*Institute of China and Contemporary Asia RAS,
Russia, Moscow*

Corresponding author:

katushaza@yahoo.com

<https://orcid.org/0000-0002-8369-7776>

УДК 913 | НАУЧНАЯ СТАТЬЯ | [HTTPS://DOI.ORG/10.24412/2686-9675-3-2024-150-166](https://doi.org/10.24412/2686-9675-3-2024-150-166)

АННОТАЦИЯ

Данное исследование преследует цель восполнить лакуны, содержащиеся в уникальном рукописном альбоме о провинции Юньнань (шифр Хул.Ф-25) из собрания Восточного отдела Научной библиотеки СПбГУ, который не содержит карт и описаний южных и юго-западных рубежей этой заселенной некитайскими народами провинции, исторически граничившей с Бирмой (совр.Мьянма), тайскими государствами, Лаосом и Вьетнамом. Отсутствие сведений об этих областях Юньнани может быть объяснено тем, что карты и тексты данного альбома отражают административную систему провинции 60-х гг. XVII в., когда эти области фактически еще не были включены в систему

ABSTRACT

The paper aims to replenish the lacuna existing in the unique hand-written album stored at the academic library of the Saint-Petersburg State University (No. Xyl.F-25), the album introducing Yunnan province comprises 1 map of the entire Yunnan and 75 maps of its administrative units, but the album lacks maps and detailed descriptions of the southern and southwestern areas of Yunnan. The province has historically been populated by the non-Han ethnic groups, the areas not shown in the album have been bordering on Burma, Tai polities, Laos and Vietnam. The reason for absence of these areas in the album is that its original texts and maps are dated by approximately the 60s of the XVII century, a period when the

имперской администрации. Важно то, что область с китайским названием Сишуанбаньна, населенная тайским народом, с XII по середину XX вв. сохраняла черты самостоятельного государства, ставшего данником Китая и Бирмы. Статья широкими мазками отображает вехи истории региона, а также приводит характеристики основных касающихся его источников и карт. Освещаемые далее источники разделены на две группы: 1) материалы по истории тайских народов в разных частях Юньнани; 2) материалы, касающиеся территорий юга Юньнани (Сишуанбаньна, Пуэр и проч.). Весомую часть источников составляют официальные китайские историко-географические сочинения, датируемые периодом от Тан до Цин. Не менее важны хроники и генеалогии государства Сишуанбаньна, написанные на местном варианте тайского языка. Автор делает вывод о том, что китайские источники об этносах Юньнани по-разному именовали тайцев, а также нередко слабо разграничивали тайцев, бирманцев и даже ицзу. Исторические источники о юге Юньнани почти не содержат формулировок, указывающих на самостоятельную государственность у тайцев Сишуанбаньна.

Ключевые слова: Китай, Юньнань, Сишуанбаньна, Бирма, тайцы, источники, государственность, эпохи Мин-Цин.

Для цитирования: Завидовская Е.А. Обзор исторических источников по югу и юго-западу провинции Юньнань. *Современные востоковедческие исследования*. 2024; Том 6 (3). С. 150-166 <https://doi.org/10.24412/2686-9675-3-2024-150-166>

southern areas have not yet been completely incorporated in the Chinese administrative system. Importantly, the area named 'Sipsòng Panna' (Ch. Xishuangbanna) inhabited by the Tai has been preserving its comparative independence from the Chinese state starting from its foundation in the XII century until 1950, yet it had to accept a status of a tributary state of both Burma and China. The paper first broadly outlines the facts of the regional history, further introduces the main sources in Chinese and Tai languages helpful for understanding the area under study. The author suggests sorting the sources into two groups: 1) Chinese sources focusing on Tai ethnic groups living in different parts of Yunnan; 2) sources on the south of Yunnan (Xishuangbanna, Puer etc). The largest bulk of sources are not surprisingly in Chinese, mostly being gazetteers and other official documents produced from Tang to Qing periods, while chronicles and genealogies of Xishuangbanna written in the local Tai language and translated into Chinese and English offer an alternative view of the region. The paper concludes that the Chinese sources tend to name the Tai using different terms and mix up the Tai, the Burmese and the Yizu. The sources addressing the south of Yunnan hardly contain mentions of the sovereign Tai polity that existed in Xishuangbanna.

Keywords: China, Yunnan, Xishuangbanna, Burma, the Tai, sources, statehood, Ming-Qing periods.

For citation: Zavidovskaya E.A. Review of the Historical Sources on the South and Southwest of Yunnan Province. *Modern Oriental Studies*. 2024; Volume 6 (№3). P. 150-166 (In Russ.) <https://doi.org/10.24412/2686-9675-3-2024-150-166>

Введение

В собрании Восточного отдела Научной библиотеки СПбГУ хранится уникальный рукописный альбом о провинции Юньнань (шифр Хул.Ф-25), который был исследован автором в рамках гранта РФФ № 22-28-00119/2022 в 2022-2023 гг. Альбом без авторства, названия и дат содержит карту всей провинции (Рис.1) и 75 разворотов с описаниями округов, областей, уездов, а также картой данной местности и картиной, изображающей некую местную специфику (промыслы, обычаи, природные явления).

Предположительный период создания текстов этих описаний — 1660-1666 гг., а конкретно этот альбом, скорее всего, является копией более раннего экземпляра и был создан примерно в 1830-40 гг. в Пекине. Изучение карт этого рукописного альбома привлекло внимание автора к тому, что южная часть провинции не представлена в данном альбоме, граница карты проходит вдоль течения реки Меконг. На общей карте всей провинции (Рис.1) в ряд указаны топонимы с запада до юга Юньнани, формирующие границу, ниже которой показано

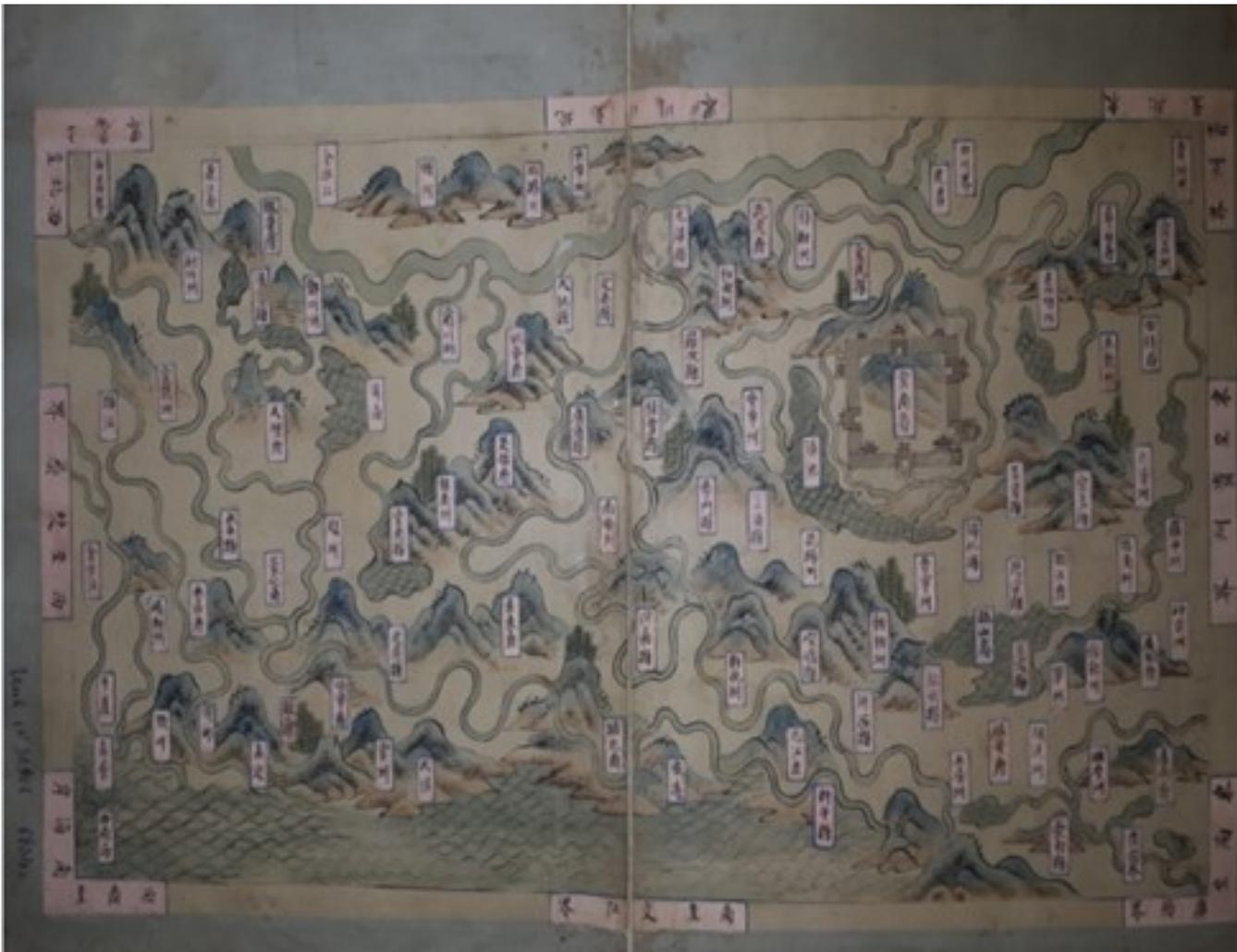

Рис.1. Общая карта провинции Юньнань. Альбом Хул.Ф-25. Собрание НБ СПбГУ (фото автора).

Fig.1. General Map of Yunnan. Album Хул.Ф-25. Holdings of Saint-Petersburg State University Library (Author's photo).

«Юго-Западное море» 西南海¹. Для этих пунктов в альбоме нет отдельной карты и описания: Мэндин 孟定 (запад), Дахоу 大侯 (запад), Лунчунань 隴川 (запад), Ваньдянь 灣甸 (запад), Мэнъян 孟養 (юго-запад), Луцзян 路江 (юго-запад), Вэйюань 威遠 (юг).

В альбоме Хул. F-25 отсутствуют описания самых южных окраин провинции, в частности, расположенных вдоль рек Салуин (в пределах Китая — Нуцзян 怒江) и Меконга (в пределах Китая — Ланьцанцзян 澜沧江) уездов, областей и округов Вэйюань 威遠, Пуэр 普洱, Талан 他朗 (踏浪), Сымао 思茅, Чэли 車里 (Сишуанбаньна 西雙版納), Кайхуа 開化 и проч. Объяснить это можно тем, что тексты альбома датируются примерно 60-ми гг. XVII в., когда часть этих территорий еще не была официально инкорпорирана в состав цинской империи². Но эти области указаны на исторической карте, отражающей устройство Юньнани в цинский период после 1770 г., на которой мы выделили данный регион прямоугольником (Рис.2).

Южный регион Юньнани представляет особый интерес для исследования по той причине, что его включение в состав китайской империи проходило медленно, там дольше всего сохранялась традиция собственной государственности. Населенный в основном тайскими народами регион имел особое политико-

Рис.2. Современная карта провинции Юньнань эпохи Цин [Собрание исторических карт Китая 1975, с.36-37].

Fig.2. Modern Historical Map of Qing dynasty Yunnan [Collection of the historical maps of China 1975, p.36-37].

социальное устройство, исторически был тесно связан с тайскими политическими центрами к югу и юго-западу от Китая, а также с государственными образованиями на территории современной Мьянмы. На Рис.3 представлена карта расселения тайских народов в Юньнани, проживавших в основном на юго-западе и юге провинции. Данное исследование ставит задачу систематизировать китайские и локальные

¹ Схожая интерпретация географии региона представлена на карте провинции Юньнань (середина Цин) из собрания Национального музея Гугун (Тайвань) [Карта провинции Юньнань (Гугун, Тайвань) URL], в связи с отсутствием демаркации границ вплоть до годов Даогуан (1821-1850) на картах Юньнани не была четко обозначена линия границы с Бирмой и Вьетнамом.

² В настоящее время исследуемый регион на юге Юньнани - это территория, граничащая с Лаосом, Бирмой и Вьетнамом, на территории современной КНР расположена Автономная область народности дайцзу Сишуанбаньна 西雙版納傣族自治州, муниципальный округ города Пуэр 普洱市, автономные области народов хани и ицзу Хунхэ 紅河哈尼族彝族自治州, народов мяо и чжуан Вэньшань 文山壯族苗族自治州.

источники по данному региону, населенному в основном тайцами, хани, лаху, булан, цзино и мяо (хмонгами). Сначала представим краткую историческую справку о важных вехах в истории региона.

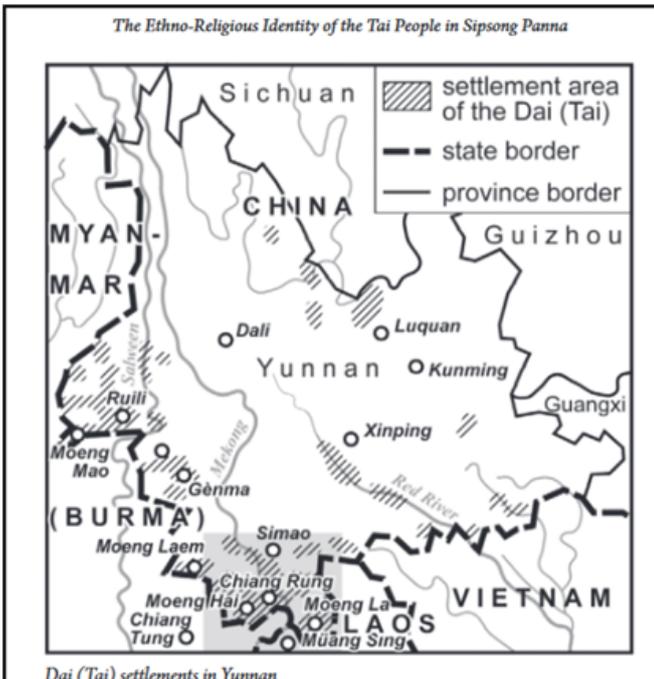

Рис.3. Карта зон расселения тайских народов в Юньнани [Grabowsky 2019, p.293].

Fig.3. Map of Tai-inhabited Areas in Yunnan [Grabowsky 2019, p.293].

1. Краткие сведения об истории юго-западных и южных областей Юньнани

Тайские народы переселялись с севера на юг Юньнани несколькими волнами, начиная с VII в. С XII в. они занимали высокогорный регион северо-запада современной Мьянмы, севера Таиланда, северо-запада современного Ла-

оса, юг Юньнани, говорили на юго-западной группе тайских языков, кадайской группы, что делает их родственными тайцам Таиланда и лаосцам. В Юньнани бытует два диалекта тайского языка, письменность которых на основе пали различается, это *тай-яй* (Tai-Yai) на западе Юньнани в области Дэхун得宏 и *тай-люэ* (Tai-Lue, кит. дайля傣泐) в Сишуанбаньна³. Населявшие обширные области тайские народы взаимодействовали с государствами Наньчжао (738-902) и Дали (937-1253), расположенными на западе и в центре Юньнани, власть в них принадлежала тибето-бирманскому народу, в настоящее время получившему единое название *ицзу*彝族. Экспансию на юг и юго-запад активно вел правитель Наньчжао Гэлофэн (閻羅鳳712-779). Покорив Юнчан永昌, он начал возводить укрепленные города вдоль верхнего течения Иравади (название на территории Китая — Дацзиньшацзян 大金沙江, Лишуй 麗水), значительно расширив тем самым государство на юго-запад. Гэлофэн начал продвижение в верховья Иравади и Меконга на фоне ослабления Тан и создания союза Наньчжао с Тибетом. К середине IX в. Наньчжао управляла этими южными территориями с опорой на обнесенные стенами города, которыми руководили военные губернаторы (*цзеду*節度). К южным территориям относились сегодняшний Инцзян 盈江 (тайское государственное образование — Муонг Ла, Moeng La), верховья реки Иравади, Юнчан永昌, Кайнань開南. Эти

³ Тайваньский антрополог Се Шичжун 謝世忠 подчеркивает, что тайские народы, проживавшие на западе и юге Юньнани, объединенные после 1949 года названием дайцзу傣族, исконно жили изолированно друг о друга и мало связаны друг с другом [Hsieh 1995, p.319]. О тайцах, проживающих в пограничье Юньнани и Мьянмы см. [Santasombat 2001].

области прилегали к землям домена правящего дома Наньчжао — Мэншэ 蒙舍, откуда границы государства продвигались в верховья Меконга [Daniels 2021, p.198, 202]. Государство Наньчжао установило контроль над десятью западными тайскими племенами, которые в китайских источниках обозначались как «золотозубые» (цзиньчи 金齒), «чернозубые» (хэйчи 黑齒), «с покрытыми лаком зубами» (цичи 漆齒), «с татуированными ногами» (сюцзяо 繡腳), «с татуированными лицами» (сюмянь 繡面), «с татуированными лбами» (дяоти 雕題) «буддистские старцы», (сэнци 僧耆) и проч., они перечислены в 4 цзюане труда танского посланника в Наньчжао Фань Чо 樊绰 «Описание Юньнани» (Юньнаньчжи 雲南志, цинское название — Маньшу 蠻書 «Книга о варварах-мань») [Daniels 2021, p.200].

В юго-западной области современной Юньнани в XIII- XV вв. существовало тайское государство Муонг Мау (Moeng Mau, кит. Мэнмао 孟卯). Государственное образование, существовавшее с 1256 по 1444 гг., в китайских источниках именовалось Лучуань 麓川, в 1382 г. здесь был основан Комиссариат по умиротворению Лучуань и Пиндянь 麓川平緬宣慰使司, который возглавил местный правитель Сы Луньфа (思倫發, ум.1399). В 1438-1454 гг. армия Мин в ответ на неповиновение местных правителей разгромила это тайское государство, но власть туземных чиновников тусы 土司 из числа тайцев была сохранена (подробнее о военной кампании в Лучуань см. [Liew 1996]). В 1524-1527 гг. они вторглись в бирманское царство Ава, утвердив там тайское правление

на 28 лет. В 1557 г. бирманская экспансия в этот регион положила конец государственности в Муонг Мау.

Что касается южных тайцев-люэ, то около 1180 г. они образовали государство Сипсонг Панна (Sipsong Panna, тай. назв. Муонг Люэ (Moeng Lue), кит. Сишуанбаньна⁴), занимавшее немалые территории, выходящие за современные границы Китая. Под их властью находился Цзинхун 景洪, Мэнляо 孟膠 (север совр. Вьетнама), Мэнфань 孟潘 (часть совр. Лаоса), Мэнсува 孟蘇瓦(совр. Луанг Пробанг), Шан 撣邦 (штат совр. Бирмы, шаны — тайский народ) и Лово 羅渦 (Лопбури, часть совр. Таиланда). Основателем правящей династии тай-люэ считался Пхая Кoenг (Phaya Coeng, кит. Па Чжэнь 叭真 1180-1192), столица располагалась в городе Цзинхун 景洪, на китайском языке государство называлось Цзинлун цзиньдяньго 景隴金殿國. Се Шичжун сообщает, что данных о взаимодействии этого государства с Китаем с танского до юаньского периода почти нет. Сипсонг Панна была покорена монгольской армией в 1293 г., в 1296 было учреждено Военно-гражданское управление Чэли 徹里軍民總管府, при Мин в 1384 г. преобразовано в Военно-гражданский комиссариат по умиротворению Чэли 車里軍民宣慰使司, возглавлять регион продолжали представители правящей тайской династии, на китайском называемой Чжаопяньлин 召片領. Се Шичжун характеризует XIII-XIV в. как период адаптации Сипсонг Панна к взаимодействию с Китаем, тайское централизованное государство установило официальные отношения с минским Китаем в 1382 г., то есть, по мнению

⁴В источниках топоним Сишуанбаньна встречается со второй половины XVI в.

исследователя, военного захвата этого государства Минами не было [Hsieh 1995, p.309, 310]. В 1570 г. государство попало в вассальную зависимость от Бирмы, когда было поделено на двенадцать частей (*баньна* 版納, то есть название страны можно перевести как «двенадцать частей») [Grabowsky 2008, p.17].

Расширение влияния минского Китая в этом регионе выразилась в том, что в конце XIV – начале XV вв. власти Мин основали Комиссариаты по умиротворению *сюаньвэйсы* и *сюаньвэйфу* в Чэли, Бабай 八百 (тайское государство Лан На), Лаово (тайское государство Ланг Санг, совр. Лаос), Мэнлянь 孟連 (тайское государство Муонг Лаем), что также отражено на карте Рис.4. С усилением бирманского государства Таунгу (сер. XVI – сер. XVIII вв.) большинство тайских государств в верховьях рек Меконг и Салуин подчинились правителю Байиннауну (годы правл. 1551– 1581), став вассалами Бирмы. При этом Сипсонг Панна и Муонг Лаем стали вассалами Бирмы и Китая [Grabowsky 2008, p.11].

На фоне ослабления Мин в 1626-1627 гг. царство Таунгу атаковало Сишуанбаньну, захватив правителя, аристократов и простой народ [Giersch 2006, p.37]. С XVI в. до колонизации Бирмы британцами в 1885 г. Сишуанбаньна платила дань Бирме и Китаю, с начала XIX в. они посылали также дань в Сиам (ныне Таиланд). Определенная автономия Сишуанбаньна под властью той же династии правителей сохранялась до 1950 г.

На фоне ослабления Мин в 1626-1627 гг. царство Таунгу атаковало Сишуанбаньну, за-

Рис.4. Тайские государства вокруг Сипсонг Панна [Hsieh 1995, p.308].

Fig.4. Tai Polities bordering Sipsong Panna [Hsieh 1995, p.308].

хватив правителя, аристократов и простой народ [Giersch 2006, p.37]. С XVI в. до колонизации Бирмы британцами в 1885 г. Сишуанбаньна платила дань Бирме и Китаю, с начала XIX в. они посылали также дань в Сиам (ныне Таиланд). Определенная автономия Сишуанбаньна под властью той же династии правителей сохранялась до 1950 г.

Что касается округа Пуэр-фу (тайское гос.образование Муонг Маен), то при переходе власти в Юньнани к маньчжурской династии Цин в 1660-1680 гг. в ходе военных кампаний полководца У Саньгуя (吳三桂 1612-1678) в 1661 г. регион Пуэр был разделен так, что часть была подчинена Чэли 車里, а области включая Пуэр 普洱, Сымао 思茅, Путэн 普藤,

включая Пуэр普洱, Сымао思茅, Путэн普藤, Чашань茶山, Мэнъян孟養, Мэннуань猛爓, Мэнпэн猛捧, Мэнла猛臘, Мэнсе猛歇, Мэнвань猛萬, Мэнъу猛烏, Удэ烏得 были отведены в подчинение округа Юаньцзян-фу 遠江府, через три года все области были переведены в ведомство Чэли. По инициативе получившего от императора большие полномочия маньчжурского генерала Ортая (鄂爾泰 1677-1745) власть туземных чиновников была ограничена. Округ Пуэр-фу 普洱府 был учрежден в 1729 г. на территории туземных управлений *тусы* «шесть баньна» 六版納 во внутренних землях вдоль течения реки Меконг, выведенных из-под юрисдикции Восточного департамента по умиротворению *сюаньвэйсы*. В 1736 г. к округу была добавлена территория *тусы* «шесть баньна» из внешних земель вдоль течения Меконга. При Цин тут располагалась управа Южной дороги, размещался воинский контингент.

На основании «Китайско-французского соглашения из десяти пунктов по Вьетнаму» (Чжунфа хуэйдин юэнань тяюэ шикуань 中法會訂越南條約十款) от 1895 г. одна из частей Сишуанбаньна отошла к французскому Индокитаю, в 1916 г. Франция учредила так Пятую военную территорию (Cinquième Territoire Militaire), сделав ее провинцией Пхонгсали Лаоса [Grabowsky 2008, p. 17].

Приведенные выше краткие сведения указывают, что тайские народы запада Юньнани гораздо раньше вступили во взаимодействие с ицзу и ханьцами, а тайцы южной части провинции (Сишуанбаньна) длительное время сохраняли большую автономию.

Интересующие нас источники по этой части Юньнани могут делиться на две группы: 1) по принципу этнической принадлежности, то есть материалы об обычаях тайских народов в разных частях Юньнани; 2) материалы, касающиеся территорий юга Юньнани, где наиболее влиятельным был народ *тай-люэ*. Сначала приведем обзор китайских источников о тайских народах Юньнани.

2. Источники о тайских народах Юньнани

1) Выше уже было упомянуто сочинение IX в. Фань Чо «Книга о варварах-мань» (*Маньшу* 蠻書), которое в 4 цзюане содержит данные о различных народах, и, в частности, о разных группах тайских народов, обозначаемых как «варвары-мань» 蠻:

«Варвары-мань с черными зубами, с золотыми зубами, с серебряными зубами, татуированными ногами, татуированным лицом в Юнчане, Кайнани, виды смешаны. Чернозубые *мань* чернят зубы лаком, золотозубые вставляют зубы в золотые оправы. Когда по делу идут с кем-то повидаться, то это как украшение. Когда едят, их снимают. У всех на макушке узел волос, тело обернуто в темную ткань, также темная ткань одета наискосок. У варваров с татуированными ногами вся лодыжка сверху вниз покрыта узором, одежда темно-красная, украшаются темной тканью. Варвары с татуированными лицами в первый месяц после рождения иглой делают порезы на лице, на них накладывают порошок из извести и индиго. Буддисты-

старцы *сэнци* издавна относятся к обнесенному стеной городу Сиань-чэн 西安城, всех их вобрала Наньчжао, победив в бою» [Книга о варварах-мань URL].

Таким образом, отмечена включенность этих этнических групп, обозначаемых как *мань*, в состав Наньчжао, упоминаний их форм самоуправления нет.

3) Сочинение 1395 г. «Биографии *байи*» (*Байичжуань* 百夷傳), или «Краткая история *байи*» (*Байицзилюэ* 百夷紀略), сохранилось в двух редакциях: Цянь Гусюня 錢古訓 (годы жизни неизв.) и Ли Сыцуна 李思聰 (годы жизни неизв.). Сочинение посвящено географии, обычаям народов, транспортным артериям упомянутого выше региона Лучуань на границе с Бирмой. Это личный опыт поездки двух авторов, направленных императором Чжу Юаньчжаном (朱元璋 1328–1398) с документом к правителю Лучуань. Вариант Ли Сыцуна был включен в историко-географические описания Юньнани минского периода, при Цин сочинение включено в «Сыкуцюаньшу» 四庫全書. В сочинении дается деление на «больших *байи*» из Дэхуна и «малых *байи*» из Сишуаньбаньна: об обычаях тайцев приведены следующие данные:

«У мужчин одежда похожа на одежду северных варваров, либо халаты с широкими рукавами, не знают брюк. Головы у всех бритые, голени все в отметинах [татуировке]. Не обрившего голову убивают, нетатуированного публично осмеивают, сравнивая с женщиной. У женщин волосы в пучке сзади, не знают румян и пудры, одежда с узкими рукавами, юбка ко-

нусом, белая повязка на лбу, белые обмотки на ногах, ходят босиком. В их обычаях презрение к женщинам, уважение к мужчинам. Пахота, ткачество и трудовые повинности, даже старики и женщины не отдыхают. При браке не смотрят на клан, не придают значения девственности. Девушка, еще не достигшая зрелости, сходится с парнем, даже приходит в его дом, мать мужчины моет ей ноги, оставляет на пять-шесть ночей, затем провожает ее в родной дом, приглашают сваху, выставляют дары и берут ее в жены. При рождении ребенка ценного [мальчика] купают дома, презренного [девочку] купают в реке, через несколько дней передает сына мужу, [женщина] по-прежнему работает, не ведая усталости. У вождя десятки жен, более сотни наложниц, будь то жена или наложница — завидовать нечему. Мужчины и женщины купаются в реке, даже старухи и старики не ведают стыда. У потомства есть должностные титулы, получаемые на коленях от отца или старшего брата. После смерти родителей, [на похоронах] женщины делают подношения, родные и соседи подносят вино и мясо, собираются в круг вокруг тела, поют, танцуют, радуются, женщины стучат пестиком по крупорушке, так до рассвета. Погребают через несколько дней. Гроб похож на кормушку для лошадей, без крышки, туда крадут тело, несут до места погребения, человек с ножом ведет всех за собой. Погребают с телом все вещи, которые использовали при жизни. В их обычаях

отсутствие жертвоприношений предкам, не почитают Будду, нет монахов, Малые байи живут на северо-восточных окраинах, учатся у ачанов 阿昌 или пуманей 蒲⁵, либо подражают большим байи, обычаи у всех разные» [Биографии байи URL].

Таким образом, данный документ знакомит со спецификой устройства социума западных тайцев.

4) Важное собрание сведений о податных народах цинской империи — «Изображения данников правящей династии Цин» (*Хуанцин-чжигунту* 皇清職貢圖, первое издание 1751–1761 гг.) содержит парные картины с изображением мужчины и женщины 35 народов Юньнани, в числе которых есть описание народа бо-и 爨夷:

«Бо-и из Цюйцзина или другой области 曲靖等府爨夷. Бо-и 爨夷 также известны под названием байи 擺夷. Во времена Хань жили в месте под названием Поцзаодянь, в танские времена — в двух местах: Бусюн и горы Сиз. В начале правления династии Юань они стали вассалом Китая. Их племена граничат с Мяньюдянь и Чэли. Сейчас их можно найти во всех 15-ти регионах: Юньнани, Цюйцзине 曲靖, Линьане 臨安, Удине 武定, Гуаннани 廣南, Юаньцзяна 元江, Кайхуа 開化, Чжэньюаня 鎮沅, Пуэре 普洱, Дали 大理, Чусюне 楚雄, Яоане 姚安, Юнбэе 永北, Лицзяне 麗江, Цзиндуне 景東. Племена кочуют по всем относящимся к ним землям и [ими] заодно ведают. Живут

вместе с простолюдинами Китая. Мужчины обвязывают головы синей тканью, украшают их цветами, плетут бамбуковое лыко с использованием разноцветных нитей и носят его в качестве шапок. Носят простые платья, белой тканью оборачивают голени. Постоянно носят в руках платки. Женщины убирают волосы в прически, цветной тканью со свешивающимися пучками цветных нитей обвязывают их. В уши вставляют серьги в виде серебряных колец. Носят нарядные кофты и юбки. [С собой носят] два-три кошелечка с серебряными монетами внутри. Иногда держат их навесу. Выращивают пять культур. Платят натуральный налог гречихой. Часто занимаются торговлей на рынке» (неизданный перевод Д.И. Маяцкого, по ксилографу из НБ СПбГУ).

Столь широкая география расселения бои на севере и западе Юньнани заставляет поставить под сомнение, что этим термином автор обозначал только тайцев. Можно отметить некоторые черты сходства в описании костюма бои с данными из более ранних источников.

5) «Альбомы о варварах Дянь» (*Дяньи ту* 滇夷圖) — это название рукописных иллюстрированных альбомов с изображениями и описаниями народов Юньнани, с конца XVIII в. количество упоминаемых в них народов выросло с 44 до примерно 104 ко второй половине XIX в. [Завидовская, Маяцкий 2023]. Самый ранний доступный автору альбом «Картины варваров и из Дянь с пояснениями» (*Дяньитушо* 滇夷說

⁵ Современное название этого народа Юньнани — булан 布朗.

圖, ок. 1661–1735, Библиотека Фу Сынянь Академии Синика, Тайвань) содержит описания 47 народов. Среди них описание народа *бои* 僂彝 – самое пространное, на иллюстрации изображен едущий на слоне правитель, можно считать, что речь идет про проживавших в области Шан тайцев, нежели бирманцев, приведем перевод отрывка описания:

«Вид *бои* 僂彝 проживает за пределами реки Хэйшуй, зовутся «байи» 百彝 [сотня и], что похоже по звучанию, откуда возникает ошибка. По натуре хорошо переносят влажную жару, живут в нездоровой сырости в колючках, а потому селятся там, где колючки или бывали люди. На юго-западе Юньнани просторно и очень тепло, там живут *бои*, которых насчитывается десять видов, обычаи незначительно различаются, названия имеют особенности. Среди них бирманцы- *мяндыньчжэ* 緬甸者 — благородные...» [Сунь Гуаньюй 1991, с.65].

Упоминание бирманцев в качестве «благородных» указывает на подчиненное Бирме положение южных и юго-западных тайцев. Далее приведены подробные описания роскошных одежд и украшений правителя и чиновников, обычай управлять слонами, по их законам в случае воровства убивают всю семью преступника, за разбой – карают всю деревню, что можно также считать свидетельством сурового инородного управления. Сведения о похоронном обряде близки к приведенным выше данными из «Байи чжуань». В конце сделано важное добавление о том, что *бои* живут в девятнадцати областях в разных частях Юньнани, толь-

ко обычаи и 彝 [ицзу] - другие. Живущие в таких местах, как Мэнлянь 孟連, Чэли 車里, Лао-во 老撾 [Лаосе] имеют некоторое сходство с теми, что в Бирме. Именно эти строки указывают на две группы тайских народов. В остальном автор описания в этом альбоме склонен обозначать одним этнонимом разные народы. Такое смешение тайских и тибето-бирманских народов в ранних китайских источниках отчасти объясняет долгое сохранявшееся в этнографии мнение о том, что ицзу — это тайский народ.

Альбом Хул. F-25 из НБ СПбГУ в описании округа Юаньцзян-фу 元江府, населенного в том числе и тайскими народами, содержит краткие данные о народе *байи* 擺衣; «Когда нет службы, заняты земледелием, основное занятие — [выращивание] бетеля. Торговлей заняты только женщины».

Обзор описаний из «альбомов о варварах» указывает на разночтения в выборе иероглифов для этнонима, обозначающего тайцев — «байи» 百夷, 擺衣, «бои» 僂夷. Китайские этнографические источники ничего не сообщают о собственной государственности тайцев, что определяется тем, как официальный дискурс воспринимал представителей окраинных варварских народов.

3. Обзор источников, посвященных югу Юньнани

К моменту написания текстов альбома Хул. F-25 уже было накоплено значительное количество китайских источников о провинции Юньнань, о чем мы уже писали в предыдущих

работах [Завидовская 2023]. Упомянем лишь основные общие описания провинции эпох Мин и Цин: 1) Официальные историко-географические описания Юньнани эпохи Мин - «Описание Юньнань с картами годов Цзинтай» (10 цз.), «Описание Юньнани» (44 цз.) годов Чжэндэ [1506–1521]; 3) «Общее историко-географическое описание Юньнани годов Ваньли [1573–1620]» (17 цз.); 4) материалы эпохи Цин, в частности, «Сводное описание провинции Юньнань [годов Цяньлун]: в тридцати и одном вводном цзюанях» (1736), энциклопедия Чэнь Мэнлэя (1650–1741) «Высочайше учрежденное полное собрание книг древности и современности» (1726). Список источников по Юньнани этим далеко не исчерпан.

«Общее описание Юньнани годов Ваньли» в цз. 4 содержит сведения об окраинах Юньнани, где на юге и юго-западе тогда располагались в основном туземные управления: округ Гуаннань-фу 廣南府 (юго-восток), Военно-гражданский комиссариат по умиротворению Чэли 車里軍民宣慰使司 (юг), Военно-гражданский комиссариат по умиротворению Мубан 木邦軍民宣慰使司 (юго-запад), Военно-гражданский комиссариат по умиротворению Мэнъян 孟養軍民宣慰使司 (запад), Военно-гражданский комиссариат по умиротворению Лаово (Лаос) 老撾軍民宣慰使司 (юг), округа Мэндин-фу 孟定府, Мэнгэнь-фу 孟艮府 (юг) и другие. Каждая административная единица имеет краткое описание с разделами: «история», «с чем граничит», «горы, реки», «обычай», «продукция». Так описание комиссариата Чэли не содержит упоминания местного правителя, в разделе обычай сказано:

«Податное население — все бои 僂夷, по натуре весьма искренние, на лбу татуировка принадлежности к знамени. Музыку исполняют, ударяя в длинный барабан, обтянутый бараньей кожей, в промежутках бьют в медные пластины, медные барабаны, кастаньеты. Когда в деревне пирушка, то бьют в большой барабан, дуют на тростниковой дудочке» [Общее описание Юньнани годов Ваньли URL].

Безусловно, династийные истории от Юань до Цин, «Подлинные записи» Мин и Цин также содержат разделы, посвященные туземным чиновникам, географии, истории управления югом Юньнани, китайские ученые издали выборки из «Подлинных записей Цин по провинции Юньнань, а также Бирме, Таиланду, Лаосу [Собрание исторических материалов об Юньнаи из «Подлинных записей Цин», 1984; Собрание исторических материалов о Бирме, Таиланде, Лаосе из «Подлинных записей Цин», 1986].

Немалую ценность для исследования юга Юньнани представляют историко-географические описания *чжи* 志 отдельных областей и уездов юга Юньнани, в частности: 1) «Общее описание округа Пуэр-фу» (普洱府志, авт. Чжэн Шаоцянь 鄭紹謙, 1851), а также современное собрание материалов по Пуэр-фу [Исторические материалы по округу Пуэр, 2020]. Сюда же относятся «Общее описание округа Кайхуа-фу» (開化府志, 1758, 1829), «Общее описание округа Линьянь-фу» (臨安府志, 1799), «Общее описание округа Чжэньюань-фу» 鎮沅府 и проч. Все эти памятники были

переизданы в КНР или на Тайване, некоторые есть в открытом доступе. Кроме того, местные власти КНР опубликовали современные историко-географические описания уездов Цзинхун 景洪 (2000), Мэнхай 孟海 (1997), Мэнла 猛臘 (1994).

Немало письменных памятников оставило государство Сишуанбаньна, обладавшее своей письменностью. Основным среди них считается «Историческая хроника Сишуанбаньна» (*Сишуанбаньна лидай бяньняньши* 西雙版納歷代編年史, или *Лэши* 勐史), охватывающая историю правящей династии. В своей рецензии на английский перевод этого источника К.Дэниэлс уточняет, что оригинал текста на тайском языке был написан предположительно в конце XIX – начале XX вв., а утерян в 1944-1946 гг. Его перевод на английский язык осуществлялся с китайского варианта в переводе Ли Фуи 李拂一, опубликованного в 1947 г. Четыре варианта хроники сообщают о правителях государства Моунг Люэ с момента начала династии в 1180 г. до середины XVI в., когда тайские государства были завоеваны бирманцами, отражено установление отношений с Китаем при втором правителе Тао Кай Ноунге (Тао Khai Noeng, годы правл. 1192–1211), начало отправки вассальных даров в Бирму в правление Као Но Моунга (Сао Nò Moeng, годы правл. 1530–1568), после чего государство Сипсонг Панна оказалось с вассальной зависимости от двух сильных соседей [Daniels 2013, p. 256, 257]. Еще один источник «Генеалогия комиссаров Чэли» (*Чэлисюаньвэй шиси* 車里宣慰世系) освящает родовые

связи правящего дома Сипсонг Панна, также вышел ряд современных исследований этого источника [Ли Фои, 1947; Сборник толкований генеалогий комиссаров Чэли, 1989].

Заключение

Данное исследование является первым приближением к проблемам этнической истории и местных практик управления в юго-западной и южной областях Юньнани, где государственные образования создавали тайцы, на протяжении веков взаимодействовавшие с ицзу, ханьцами, бирманцами и другими локальными народами. В работе были показаны особенности взаимодействия тайских государственных образований, прежде всего Сишуанбаньна, с окружающими государствами их стремление отстоять как можно больше независимости. Обзор китайских источников о тайских народах запада и юга Юньнани указывает на отсутствие у китайских наблюдателей глубоких познаний об устройстве их социума, в некоторых источниках видна склонность к смешению ицзу, бирманцев и тайцев и обозначению их общим названием *бои* (𨾏彝, 𨾏夷). Статья содержит обзор источников по югу Юньнани на китайском и тайском языках, который требует дальнейших дополнений.

⁶ Перевод «Исторической хроники Сишуанбаньна» на английский язык [Foon Ming, Grabowsky, Reno, 2012].

Список литературы

1. Карта провинции Юньнань (Гугун, Тайвань). <https://theme.npm.edu.tw/exh105/GreenBorderlands/ch/page-2.html#main> (дата обращения 20.06.2024) (на кит.яз.).
2. Собрание исторических карт Китая. Шанхай: Чжунхуа дитусюэшэ (中國史地圖集). 上海: 中華地圖學社, 1975. Том 8. С. 36-37 (на кит.яз.).
3. Grabowsky, Volker. The Ethno Religious Identity of the Tai People in Sipsong Panna and Its Resurgence in Recent Manuscripts. *Engaging Asia: Essays on Laos and Beyond in Honour of Martin Stuart-Fox*. Deseley Goldman ed. NIAS Press, 2019, pp. 290- 322.
4. Hsieh, Shih-chung. On the Dynamics of Tai/Dai-Lue Ethnicity. *Cultural Encounters on China's Ethnic Frontiers*. Steven Harrell ed. Seattle and London: University of Washington Press, 1995, pp. 301-328.
5. Santasombat, Yos. *Lak Chang: A Reconstruction of Tai Identity in Daikong*. Canberra: Pandanus Books, 2001. 181 p.
6. Daniels, Christian. Nanzhao as a Southeast Asian Kingdom. *Journal of Southeast Asian Studies*, 2021, 52(2), pp 188–213.
7. Liew Foon Ming. The Luchuan-Pingmian Campaigns (1436–1449) in the Light of Official Chinese Historiography. *Oriens Extremus*, 1996, Vol. 39, No. 2, pp. 162-203.
8. Grabowsky, Volker. The Tai Polities in the Upper Mekong and Their Tributary Relationships with China and Burma. *Aséanie* 21, 2008, pp. 11-63.
9. Giersch, C. Patterson. *Asian Borderlands: The Transformation of Qing China's Yunnan Frontier*. Harvard University Press, 2006, 308 p.
10. Книга о варварах-мань (蠻書). <https://ctext.org/wiki.pl?if=gb&chapter=641568> (дата обращения 20.06.2024) (на кит.яз.).
11. Краткое описание Юньнани (雲南志略). <https://ctext.org/wiki.pl?if=gb&chapter=360003> (дата обращения 17.06.2024) (на кит.яз.).
12. Биографии байу (百夷傳). <https://zh.wikisource.org/zh/%E7%99%BE%E5%A4%B7%E5%82%B3> (дата обращения 18.06.2024) (на кит.яз.).
13. Завидовская Е.А., Маяцкий Д.И. Типы цинских альбомов о провинции Юньнань и их значение как источника о Юго-Западном Китае. *Восток (Oriens)*. 2023. № 5. С. 189–200.
14. Сун Гуанъюй (宋光宇). *Каталог картин народов окраин юга Китая*. Тайбэй: Голичжунъян тушугуань, 1991 (華南邊疆民族圖錄). 台北: 國立中央圖書館). С. 98 (на кит.яз.).
15. Завидовская Е.А. Цинские альбомы о провинции Юньнань как источник сведений об истории и этнографии региона. *Тезисы докладов XXIV Международной научной конференции «Китай и Восточная Азия: философия, литература, культура»*, Москва, 7-8 июня, 2023. ИКСА РАН, С.80-88.
16. Общее историко-географическое описание Юньнани годов Ваньли (萬曆雲南通

- 志). <https://zh.wikisource.org/wiki/%E8%90%AC%E6%9B%86%E9%9B%B2%E5%8D%97%E9%80%9A%E5%BF%97/%E5%8D%B704#%E8%BB%8A%E9%87%8C%E8%BB%8D%E6%B0%91%E5%AE%A3%E6%85%B0%E4%BD%BF%E5%8F%B8> (дата обращения 19.06.2024) (на кит.яз.).
17. *Собрание исторических материалов об Юньнаи из «Подлинных записей Цин»*. Куньмин: Юньнань жэньминь чубаньшэ, 1984 (《清實錄》有關雲南史料彙編。昆明: 雲南人民出版社, 1984) (на кит.яз.)
 18. *Собрание исторических материалов о Бирме, Таиланде, Лаосе из «Подлинных записей Цин»*. Куньмин: Юньнань жэньминь чубаньшэ, 1986 (《清實錄》越南緬甸泰國寮國史料摘錄。雲南人民出版社, 1986) (на кит.яз.)
 19. *Исторические материалы по округ Пуэрфу*. Куньмин: Юньнань жэньминь чубаньшэ, 2020 (普洱府史料。昆明: 雲南人民出版社, 2020) (на кит.яз.)
 20. Daniels, Christian. *Chronicle of Sipsong Panna: History and Society of a Tai Lü Kingdom Twelfth to Twentieth Century* by Liew-Herres Foon Ming, Volker Grabowsky and Renoo Wichasin (Chiang Mai, Mekong Press, 2012) (Book Review). *Journal of the Siam Society*, Vol. 101, 2013, pp. 255-262.
 21. Ли Фои (李佛一). *Критическое исследование генеалогии комиссаров Чэли*. Куньмин: Голи юньнань дасюэ синань вэньхуа яньцзюши, 1947 (車里宣慰世系考訂。昆明: 國立雲南大學西南文化研究室, 1947) (на кит.яз.)
 22. *Сборник толкований генеалогий комиссаров Чэли*. Куньмин: Юньнань миньцзу чубаньшэ (車里宣慰世系集解。昆明: 雲南民族出版社, 1989)
 23. Liew-Herres Foon Ming, Volker Grabowsky, Renoo Wichasin *Chronicle of Sipsong Panna: History and Society of a Tai Lü Kingdom Twelfth to Twentieth Century*. Chiang Mai: Mekong Press, 2012.
- ## References
1. Map of Yunnan Province (Gugong, Taiwan). <https://theme.npm.edu.tw/exh105/GreenBorderlands/ch/page-2.html#main> (accessed: 20.06.2024) (In Chin.)
 2. Collection of the historical maps of China. Shanghai: Zhonghua ditu xueshe (中國史地圖集。上海: 中華地圖學社), 1975. Vol. 8. pp. 36-37 (In Chin.)
 3. Grabowsky, Volker. The Ethno Religious Identity of the Tai People in Sipsong Panna and Its Resurgence in Recent Manuscripts. *Engaging Asia: Essays on Laos and Beyond in Honour of Martin Stuart-Fox*. Deseley Goldman ed. NIAS Press, 2019, pp. 290- 322.
 4. Hsieh, Shih-chung. On the Dynamics of Tai/Dai-Lue Ethnicity. *Cultural Encounters on China's Ethnic Frontiers*. Steven Harrell ed. Seattle and London: University of Washington Press, 1995, pp. 301-328.
 5. Santasombat, Yos. *Lak Chang: A Reconstruction of Tai Identity in Daikong*. Canberra: Pandanus Books, 2001. 181 p.

6. Daniels, Christian. Nanzhao as a Southeast Asian Kingdom. *Journal of Southeast Asian Studies*, 2021, 52(2), pp 188–213.
7. Liew Foon Ming. The Luchuan-Pingmian Campaigns (1436–1449) in the Light of Official Chinese Historiography. *Oriens Extremus*, 1996, Vol. 39, No. 2, pp. 162-203
8. Grabowsky, Volker. The Tai Polities in the Upper Mekong and Their Tributary Relationships with China and Burma. *Aséanie* 21, 2008, pp. 11-63.
9. Giersch, C. Patterson. *Asian Borderlands: The Transformation of Qing China's Yunnan Frontier*. Harvard University Press, 2006, 308 p.
10. Book of Man barbarians (蠻書). <https://ctext.org/wiki.pl?if=gb&chapter=641568> (accessed: 20.06.2024) (In Chin.).
11. Short Description of Yunnan (雲南志略). <https://ctext.org/wiki.pl?if=gb&chapter=360003> (accessed: 17.06.2024) (In Chin.).
12. *Baiyi Biographies* (百夷傳). <https://zh.wikisource.org/zh/%E7%99%BE%E5%A4%B7%E5%82%B3> (accessed: 18.06.2024) (In Chin.).
13. Zavidovskaya E.A., Mayatsky D.I. Classification of Qing Dynasty Albums on Yunnan Province and their Importance as Sources on Southwestern China. *Vostok (Oriens)*. 2023.No. 5. Pp. 189–200. (In Rus.)
14. Sun Guangyu(宋光宇). *Illustrated Catalogue of the Peoples of the Southern Borderlands of China*. Taipei: National Central Library, 1991. (華南邊疆民族圖錄。台北：國立中央圖書館) (In Chin.).
15. Zavidovskaya E.A. Qing Dynasty Albums on Yunnan Province as a Source on History and Ethnography of the Region. *Proceedings of the XXIV International Conference "China and East Asia: Philosophy, Literature, Culture"*. Moscow, June 7-8, Moscow: ICCA RAS. 2023, pp. 80-88 (In Rus.)
16. General Yunnan Gazetteer of Wanli years (萬曆雲南通志). <https://zh.wikisource.org/wiki/%E8%90%AC%E6%9B%86%E9%9B%B2%E5%8D%97%E9%80%9A%E5%BF%97/%E5%8D%B704#%E8%BB%8A%E9%87%8C%E8%BB%8D%E6%B0%91%E5%AE%A3%E6%85%B0%E4%BD%BF%E5%8F%B8> (accessed: 19.06.2024) (In Chin.).
17. *Collection of Historical Sources on Yunnan from "The Veritable records of the Great Qing"*. Kunming: Yunnan renmin chubanshe, 1984 (《清實錄》有關雲南史料彙編。昆明：雲南人民出版社, 1984) (In Chin.)
18. *Collection of Historical Sources on Burma, Thailand, Laos "The Veritable records of the Great Qing"*. Kunming: Yunnan renmin chubanshe, 1986 (《清實錄》越南緬甸泰國寮國史料摘錄。雲南人民出版社, 1986) (In Chin.).
19. *Historical Materials of Puer-fu Prefecture* Kunming: Yunnan renmin chubanshe, 2020 (普洱府史料。昆明：雲南人民出版社, 2020) (In Chin.).
20. Daniels, Christian. Chronicle of Sipsòng

Panna: History and Society of a Tai Lü Kingdom Twelfth to Twentieth Century by Liew-Herres Foon Ming, Volker Grabowsky and Renoo Wichasin (Chiang Mai, Mekong Press, 2012) (Book Review). *Journal of the Siam Society*, Vol. 101, 2013, pp. 255-262.

21. Li Foyi (李佛一). Critical Study of the Genealogy of the Cheli Commissioners. Kunming: Guoli yunnan daxue xinan wenhua yanjiushi, 1947 (車里宣慰世系考訂。昆明: 國立雲南大學西南文化研究室, 1947) (In Chin.).
22. *Collection of interpretations of Cheli Commissioners' Genealogies*. Kunming: Yunnan minzu chubanshe (車里宣慰世系集解。昆明: 雲南民族出版社, 1989) (In Chin.).
23. Liew-Herres Foon Ming, Volker Grabowsky, Renoo Wichasin *Chronicle of Sipsong Panna: History and Society of a Tai Lü Kingdom Twelfth to Twentieth Century*. Chiang Mai: Mekong Press, 2012.

Сведения об авторе

Завидовская Екатерина Александровна,

Канд. филол. наук, ведущий научный сотрудник

Институт Китая и Современной Азии РАН
Москва, Россия,

katushaza@yahoo.com

Information about the Author

Ekaterina A. Zavidovskaya

Candidate of Philology, Lead researcher
Institute of China and Contemporary Asia
of the RAS,

Moscow, Russia

katushaza@yahoo.com

Информация о статье

Поступила в редакцию: 10.09.24

Одобрена после рецензирования: 21.09.24

Принята к публикации: 30.09.24

Information about the article

The article was submitted 10.09.24

Approved after reviewing 21.09.24

Accepted for publication 30.09.24

**The chronicle of Kazan Turkology of the late 19th – early 20th century:
«I am currently compiling a comprehensive index of literature about the
Chuvash people» (letters of N. F. Katanov to N. I. Ashmarin, 1903–1921)**

**Из летописи казанской тюркологии
конца XIX – первых десятилетий XX в.: «Я ныне составляю большой
указатель литературы о чувашах» (письма Н. Ф. Катанова Н. И. Ашмарину,
1903–1921 гг.)**

Лю Лицю¹,

Валеев Рамиль Миргасимович²,

Валеева Роза Закариевна³,

Гюлькан Иналджик⁴,

Курочкин Руслан Владимирович⁵

¹Нанкинский университет науки и технологии,

г. Нанкин, Китайская Народная Республика

<https://orcid.org/0009-0001-2154-1485>

²Казанский федеральный университет,

г. Казань, Российская Федерация

<https://orcid.org/0000-0003-3462-6469>

³Казанский инновационный университет им.

В. Г. Тимирязова,

г. Казань, Российская Федерация

<https://orcid.org/0000-0001-6347-0710>

⁴Университет Мармара, г. Стамбул, Турция

<https://orcid.org/0000-0003-3577-6338>

⁵Казанский инновационный университет им.

В. Г. Тимирязова,

г. Казань, Российская Федерация

<https://orcid.org/0009-0008-0964-3543>

Автор, ответственный за переписку:

valeev200655@mail.ru

Liqiu Liu¹,

Ramil M. Valeev²,

Roza Z. Valeeva³,

Inaljik Gulkan⁴,

Ruslan V. Kurochkin⁵

¹Nanjing University of Science and Technology,

Nanjing, China

<https://orcid.org/0009-0001-2154-1485>

²Kazan Federal University,

Kazan, the Russian Federation

<https://orcid.org/0000-0003-3462-6469>

³Kazan Innovative University named after V. G.

Timiryasov,

Kazan, the Russian Federation

<https://orcid.org/0000-0001-6347-0710>

⁴Marmara University, Istanbul, Turkey

<https://orcid.org/0000-0003-3577-6338>

⁵Kazan Innovative University named after

V. G. Timiryasov,

Kazan, the Russian Federation

<https://orcid.org/0009-0008-0964-3543>

Corresponding author:

valeev200655@mail.ru

АННОТАЦИЯ

Изучение историко-культурного и научного наследия российских тюркологов, в том числе профессоров-тюркологов, ярких представителей казанской тюркологической школы конца XIX – первых десятилетий XX в. Н. Ф. Катанова и Н. И. Ашмарина, остается перспективным направлением современных гуманитарных и историко-научных исследований.

В статье представлен обзор и осуществлена публикация ряда неизданных писем профессора Н. Ф. Катанова своему современнику и коллеге-тюркологу, преподавателю татарского языка, основоположнику чувашского языкознания и лексикографии, в будущем члену-корреспонденту АН СССР Н. И. Ашмарину (1929 г.). Эти письма — яркий пример личных и профессиональных отношений двух известных востоковедов-тюркологов, научных поисков и итогов, и в целом эпистолярного жанра из летописи истории тюркологии не только в Казани, но и в России на переломе общественно-политических и исследовательских процессов первых двух десятилетий XX в. В настоящее время письма Н. Ф. Катанова бережно хранятся в научном архиве Чувашского государственного института гуманитарных наук (номер IV-151).

Ключевые слова: Россия, Восток, Казань, востоковедение, тюркология, Н. Ф. Катанов, Н. И. Ашмарин.

Для цитирования: Лю Лицю, Р. М. Валева, Р. З. Валеева, Г. Иналджик, Р. В. Курочкин. Из летописи казанской тюркологии конца XIX – первых десятилетий XX в.: «Я ныне составляю большой указатель литературы о чуваш-

ABSTRACT

The study of the historical, cultural and scientific heritage of Russian Turkologists, including professors of Turkology, prominent representatives of the Kazan school of Turkologists of Russia at the end of the 19th century and the first decades of the 20th century, N. F. Katanov and N. I. Ashmarin represents a promising area of modern humanitarian and historical research.

The article presents a review and publication of a number of previously unpublished letters of Professor N. F. Katanov to his contemporary and colleague, a Turkologist, teacher of the Tatar language, founder of Chuvash linguistics and lexicography, and future corresponding member of the USSR Academy of Sciences N. I. Ashmarin (1929). These letters provide a compelling illustration of the personal and professional relations between two prominent orientalists and Turkologists, as well as their scientific pursuits and outcomes. They also offer insights into the broader context of Turkology in Kazan and Russia during the pivotal socio-political and research transitions of the early 20th century. At the present time, the letters of N. F. Katanov are meticulously preserved in the scientific archive of the Chuvash State Institute of Humanities (number IV-151).

Keywords: Russia, East, Kazan, Oriental studies, Turkology, N. F. Katanov, N. I. Ashmarin.

For citation: Liqiu Liu, R. M. Valeev, R. Z. Valeeva, G. Inalcik, R. V. Kurochkin. The chronicle of Kazan Turkology of the late 19th – early 20th century: «I am currently compiling a comprehensive index of literature about the Chuvash people» (letters of N. F. Katanov to N. I. Ashmarin,

шах» (письма Н. Ф. Катанова Н. И. Ашмарину, 1903–1921 гг.). *Современные востоковедческие исследования*. 2024; Том 6 (3). С. 175-195 <https://doi.org/10.24412/2686-9675-3-2024-175-195>

Благодарность

Исследование осуществлено при финансовой поддержке РНФ и Кабинета Министров Республики Татарстан в рамках научного проекта № 23-28-10046 и в соответствии с Программой стратегического академического лидерства Казанского (Приволжского) федерального университета.

Введение

Перефразируя первые строки памятной статьи академика В. А. Гордлевского о Ф. Е. Корше (Гордлевский 1968, с. 378–395): Катанов, Ашмарин и Малов ... «какая блестящая нераздельная триада, которая воскрешает свернувшуюся золотую страницу» истории казанского центра российской тюркологии конца XIX – первых десятилетий XX в.

В 2025 г. будут отмечаться 155-летний юбилей известного тюрколога и чувашевода, члена-корреспондента РАН Н. И. Ашмарина (1870–1933) и 130-летняя памятная дата начала его преподавания татарского языка в крещено-татарской школе в Казани. Также важно отметить, что более 100 лет тому назад (Вып. 1–2, 1910–1912 гг.) в Казани началось издание его классических «Словарей чувашского языка». Он сформировал академическую традицию в российской тюркологии в сфере чувашского языкознания, лексикографии, фразеологии, исто-

1903–1921). *Modern Oriental Studies*. 2024; Volume 6 (№3). P. 175-195 (In Russ.) <https://doi.org/10.24412/2686-9675-3-2024-175-195>

Acknowledgements

The research was carried out with the support of the RSF and Cabinet of Ministers of the Republic of Tatarstan (project No. 23-28-10046) and in accordance with the Program of Strategic Academic Leadership of Kazan (Volga Region) Federal University.

рии, этнографии и культуры одного из самобытных народов России. В истории российской тюркологии, в частности академиком А. Н. Самойловичем¹ в письме академику В. В. Бартольд, «Словарь» Н. И. Ашмарина оценен «драгоценным» (Благова 2002, 109). В современной турецкой тюркологии его словарь оценивается «монументальным вкладом в чувашский язык», где собраны образцы чувашской народной литературы (Eren 2018, 106).

2027-й — год празднования 165-летнего юбилея со дня рождения известного хакасского ученого-тюрколога, педагога, путешественника и просветителя Н. Ф. Катанова (1862–1922). Не можем не отметить, что в 2024 г. отмечаются символические рубежи в его жизнедеятельности — 140-летие со дня поступления на восточный факультет Санкт-Петербургского университета, 135-летие поездки в Туву и 130-летие начала педагогической, научной и общественной деятельности в Казанском университете

(Валеев, Тугужекова 2008–2009; Наследие российской тюркологии 2017; Эпистолярное наследие Н. Ф. Катанова 2016).

Научные заслуги Н. Ф. Катанова со студенческих лет в Петербурге (1884–1888 гг.), периодов экспедиции в Южную Сибирь и Восточный Туркестан (1889–1892 гг.) и преподавательской работы в Казани (1894–1922 гг.) будут связаны с комплексным исследованием языков, традиционных и новых форм экономической и социальной жизни, быта, фольклора и духовной жизни тюркских народов Саяно-Алтая, Сынцзяна, Поволжья и Приуралья.

В будущем член-корреспондент АН СССР (1939 г.), тюрколог С. Е. Малов (1880 – 1957) писал С. Ф. Ольденбургу 27 января 1917 г. из Казани: «Живу здесь с 30 декабря. Подал прошение в Историко-филологический факультет Казанского Университета о допущении меня к пробным лекциям на звание приват-доцента. С проф. Н. Ф. Катановым у меня наилучшие отношения» (Бухарин, Поникаровская 2017, 439).

Оригинальное научное и просветительское наследие Катанова и Ашмарина в новый период развития российского государства и общества (особенно тюркского мира) остается востребованным и актуальным не только в российской тюркологии, но и, например, в современной турецкой литературе и историографииⁱⁱ.

Творческая биография и наследие выпускников известных востоковедческих центров России Катанова (1888 г.) (восточный факультет Санкт-Петербургского университета) и Ашмарина (1894 г.) (Лазаревский институт

восточных языков) позволяют изучать истоки и настоящее развития гуманитарных наук, в частности востоковедения и тюркологии в России и Европе.

Перспективным остается востребованность поиска, систематизации и введения в научный и общественный оборот из российских научных, культурных и архивных центров фондов, собраний и материалов, особенно эпистолярного наследия, посвященных биографии и наследию Катанова и Ашмарина, их коллег-востоковедов и современников. Их научно-исследовательская, педагогическая, просветительская и общественная деятельность внесла огромный вклад в российскую и европейскую ориенталистику (тюркологию) и культуру народов России XIX–нач. XXI вв.

В период работы в Казани, в первые десятилетия XX в., они олицетворяли тип российского востоковеда, по образному выражению С. Ф. Ольденбурга, считающего, «что у каждого культурного народа, независимо от того, западный ли он или восточный, есть свое понимание своей культуры, считаться с которым и во многих случаях даже руководствоваться с которым всякий обязан, кто задается целью научно исследовать данную культуру». Во многом творчество Катанова и Ашмарина объединяла творческая свобода поиска, мысли и духа, кстати, эти черты заметны в деятельности С. Е. Малова, яркого представителя нового поколения казанского востоковедения, в целом российской тюркологии. В то же время они остались учеными-тюркологами-одиночками, которые творили в условиях отсутствия полноценного статуса

востоковедения и комплексной науки о Востоке в Казани на рубеже XIX и XX вв. Они внесли свой неповторимый вклад в отечественную историю тюркологических знаний и во многом влияли на формирование общественного сознания о феномене Востока, в том числе тюркского мира. Их наследие стало катализатором развития национальных гуманитарных школ и направлений, в частности Татарстана, Чувашии и Хакасии.

Современная оценка вклада Катанова и Ашмарина — продолжателей научных исследований тюркских народов Волго-Уральского региона и в целом Евразии — имеет огромное гуманистическое значение для современной отечественной тюркологии, ее школ и возрождения научных и культурных традиций. Их неопределимое наследие ярко отражает традиции и новации российской ориенталистики, тюркологии, в том числе в казанском центре в дореволюционный период (1894–1917 гг.) и в первые годы ранней советской власти (1917 – 1920-е гг.). Их наследие и творчество отличаются общественным и гуманистическим темпераментом.

В казанский период они являлись вполне сложившимися российскими национальными крупными учеными-тюркологами и общественными деятелями, сформировавшими новые исследовательские направления и темы. Языки, фольклор, лексика, история и культура тюркских народов Волго-Уральского региона, Сибири и Восточного Туркестана были в центре их исследований в Казани. Их деятельность объединяли характерные для российской тюркологии рубежа XIX–XX вв. принципы и черты:

знание основных классических тюркских языков, комплексные полевые экспедиции, сравнительно-сопоставительный и сравнительно-исторический подход в области языкознания, фольклора и этнографии, профессиональное знакомство с отечественной, европейской и восточной литературой и арабо-мусульманскими источниками, опора на фундаментальные тюркологические словари и др. Они явились ключевыми представителями послеоктябрьской и ранней советской казанской тюркологии.

9 ноября 1893 г. по докладу министра народного просвещения император назначил Н. Ф. Катанова «преподавателем восточных языков в Казанском университете» (Государственный исторический архив Санкт-Петербурга. Ф. 14. Оп. 1. Д. 8933. Л. 50). Это назначение стало началом казанского периода творчества, завершившегося его земной смертью в марте 1922 г. Однако академический и просветительский интерес к его наследию только усиливался к рубежу XX–XXI вв.

Соратник и коллега Н. Ф. Катанова и И. И. Ашмарина, выдающийся тюрколог и во многом ученик Катанова С. Е. Малов описал жизненную и профессиональную обстановку послеоктябрьской Казани в своем письме А. Н. Самойловичу от 30 августа 1922 г.: «Нам всем троим — людям одной специальности (Катанову, Ашмарину и мне), никогда не было тесно в Казани, жили мы все согласно и дружно, и тем тяжелее мне приходится чувствовать здесь свое одиночество» (Благова 2002, 109).

После официального закрытия восточного разряда Казанского университета в 1854–1855 гг. и образования восточного факультета Санкт-Петербургского университета (1855 г.) в 60 – 80-х гг. XIX в. Министерство народного просвещения пыталось восстановить казанское университетское востоковедение некоторыми официальными организационными мероприятиями. Эти меры, прежде всего, были связаны с введением преподавания в университете арабского, персидского, турецко-татарского и финно-угорских языков на историко-филологическом факультете. Практика преподавания восточных языков только «для желающих» в 80-х гг. XIX – начале XX в. не позволила полностью возродить уникальное комплексное историко-филологическое, культурологическое и источниковедческое наследие казанского университетского востоковедения первой половины XIX в.

В конце XIX – первые десятилетия XX в. в Казани классические основы российской тюркологии были представлены Н. Ф. Катановым и Н. И. Ашмариным: преподавание и изучение тюркских языков, научные путешествия в тюркоязычные регионы России, поиск, изучение и публикация тюркских письменных и материальных источников и памятников, подготовка и публикация оригинальных текстов и статей и др. В первое десятилетие XX в. к ним присоединяется С.Е. Малов.

В педагогической и научной деятельности преподавателя восточных языков в звании экстраординарного профессора Н. Ф. Катанова (1894–1922 гг.) и в судьбе выпускника Лазаревского института восточных языков (1894 г.),

преподавателя татарского языка в Казанской центральной крещено-татарской школе (1895–1899 гг.), наставника (1896 г.) и учителя географии (1900–1919 гг.) в Казанской инородческой учительской семинарии Н. И. Ашмарина наиболее полно отразились отсутствие статуса востоковедения как предмета университетского преподавания и науки и академического статуса ориенталистики в Казани. В меньшей степени повлияла суровая и драматическая общественно-политическая реальность, личные житейские невзгоды в их творчестве конца XIX – первых десятилетий XX в.

С их именами и деятельностью будут связаны новые институциональные центры возрождения востоковедения в Казани в начале XX в.: Северо-Восточный археологический и этнографический институтⁱⁱⁱ, реорганизованный в Восточную академию, и Восточный педагогический институт, Общество археологии, истории и этнографии при Казанском университете и др. Эти факторы также повлияли на отъезд Н. И. Ашмарина в Симбирск для преподавания в Чувашском институте народного образования (1920–1923 гг.) и его работу на восточном факультете Азербайджанского университета (1923–1926 гг.)^{iv}. Неопубликованные письма Катанова Ашмарину 1921 г. связаны с его пребыванием в Симбирске.

После учебы на восточном факультете Санкт-Петербургского университета (1884–1888 гг.), путешествия в Южную Сибирь и Сынцзянь (1889–1893 гг.) важным этапом историко-культурного изучения Н. Ф. Катановым тюркских народов стал период 1894–

1922 г. Эти годы связаны с началом его преподавательской и научной работы в Казанском университете. В его творчестве наиболее символическими научными рубежами стали защита докторской диссертации («Опыт исследования урянхайского языка...», 1903 г.), издание оригинальных текстов «Наречия урянхайцев, абаканских татар и карагасов» в 9-м томе «Образцов народной литературы тюркских племен» В. В. Радлова (1907 г.) и драматические годы в его судьбе (1917–1922 гг.). Объективным свидетельством сотрудничества старшего поколения тюркологов Катанова — Ашмарина и Малова является их эпистолярное наследие.

Первая вступительная лекция профессора императорского Казанского университета Н. Ф. Катанова «Этнографический обзор турецко-татарских племен» (29 января 1894 г.) стала значимым этапом в биографии ученого-тюрколога и в развитии университетской традиции преподавания тюркологических дисциплин и курсов. Его новаторский вклад в отечественную тюркологию и университетскую традицию изучения тюркских народов на рубеже XIX–XX вв. заключается в изложении оригинальной комплексной исследовательской программы. Лекция «Этнографический обзор турецко-татарских племен» стала значимым университетским опытом изложения объекта, предмета и направления углубления дисциплин в тюркологии после периода деятельности профессоров и преподавателей восточного разряда Казанского университета первой половины XIX в. В сфере его комплексного изучения тюркских народов Евразии были их языки, географические зоны расселения, религия, пись-

менность, образ жизни, хозяйство, антропология, тюркские государства, а также источники и уровень сведений по языкознанию, лингвистике, статистике, этнографии, истории и культуре тюрков России и зарубежной Азии.

По свидетельству Н. И. Ашмарина, в Казани он «поселился по окончании курса Института в 1894 г.» (Ашмарин онлайн). Появление в Казани выпускника знаменитого центра московского востоковедения — Лазаревского института восточных языков Н. И. Ашмарина (Лебедев, Родионов, Семёнова, Касимов 2020, с. 27–36) (годы учебы – 1891–1894 гг.) стало уникальным явлением. В истории гуманитарных исследований в институтах Казани рубежа XIX–XX вв. это единственный факт и событие, имеющее огромное историко-научное, культурное и науковедческое значение в феномене казанского центра тюркологии в России. В первые десятилетия XX в. он углубил классическую базу изучения чувашской филологии, лексикографии, этнографии, истории и культуры, представленную в XIX в.

Ярким научным и общественным признанием заслуг Н. И. Ашмарина стало избрание его членом-корреспондентом АН СССР в 1929 г.

В 1941 г. известный тюрколог и его коллега С. Е. Малов писал: «В историю тюркологии Н. И. Ашмарин войдет как крупное лицо, как выдающийся деятель науки. Он один охватил во всем объеме изучение чувашского языка. И мы долго еще не получим исследователя чувашского языка с таким широким кругозором» (Малов 1941, 140).

В 1956 г. академик-тюрколог, выпускник Лазаревского института восточных языков и Московского университета В. А. Гордлевский в памятной статье, посвященной 85-летию Н. И. Ашмарина, писал: «В Казани, центре Поволжья, этого неиссякаемого источника для исследований, затрагивающих судьбы финно-тюркского мира, Ашмарин, уроженец Поволжья, и нашел себя. Богатая этнографическая обстановка давно захватила его, и не школе, а исключительно себе и пытливости своего ума, расположенного к лингвистике, обязан Ашмарин, нащупавший потом в Казани и методы, и темы и мучившийся нередко от плохой оборудованности провинциальных библиотек» (Гордлевский 1956, 268–276).

Научная биография Н. И. Ашмарина связана со следующими значимыми преемственными периодами: московским («лазаревским») (1891–1894 гг.), первым казанским (1894–1919 гг.), симбирским (1919–1923 гг.), бакинским (1923–1926 гг.) и последним казанским (чебоксарским) (1926–1933 гг.).

Институциональные, структурные и социокультурные традиции миссионерской идеологии и практики в Казани на рубеже XIX–XX вв. повлияли на следующее личностное событие. Ученый-востоковед Н. И. Ашмарин «Советом Братства святителя Гурия» был назначен учителем в Казанскую центральную крещено-татарскую школу (КЦКШ) (Лебедев, Родионов, Семёнова, Касимов 2020, 65)^v 17 декабря 1895 г., а 12 января 1896 г. был допущен к исправлению обязанностей наставника Казанской учительской семинарии»^{vi}.

Эти рубежные годы и последующие десятилетия до смерти профессора Н. Ф. Катанова в марте 1922 г. связаны со знакомством, личным и профессиональным общением двух российских востоковедов-тюркологов, получивших классическое образование в востоковедческих центрах Санкт-Петербурга и Москвы.

Личные письма Н. Ф. Катанова своему соратнику Н. И. Ашмарину, сохранившиеся в научном архиве Чувашского государственного института гуманитарных наук, относящиеся к 1903–1921 гг. (Научный архив Чувашского государственного института гуманитарных наук (далее — НА ЧГИГН). Отд. IV. Ед. хр. 151. Инв. № 48), полно описывают их взаимоотношения и направления научной работы и личных связей, а также события и оценки этих переломных годов. Они раскрывают ряд обстоятельств их жизненного пути и в целом социальной и культурной повседневности. Во многом в этих письмах особенно заметны также социальные и культурные аспекты творчества тюркологов Казани. Можно вычлениить и ценностные ориентиры их научной и общественной деятельности.

К сожалению, не известны и еще не обнаружены ответные послания Н. И. Ашмарина Н. Ф. Катанову.

Сохранилось полных три автографа-письма Катанова Ашмарину периода 1903–1917 гг., написанных из Тетюш и Казани (НА ЧГИГН. Отд. IV. Ед. хр. 151. Инв. № 48. Лл. 98; 185; 248–249). Первое письмо датировано 13 июня 1903 г., второе — 20 мая 1907 г., в третьем письме указан только 1917 г.

Между тем, для истории отечественной тюркологии, в том числе казанской тюркологии также интересным остается переписка Н. И. Ашмарина^{vii} с другими российскими академическими учеными-востоковедами. Известный российский тюрколог Г. Ф. Благова обратила свое исследовательское внимание на то, что «в научном архиве Чувашского государственного института гуманитарных наук (Ф. IV. Д. 151. Инв. № 273) хранятся шесть писем А. Н. Самойловича к Н. И. Ашмарину» (1916–1930 гг.), а также писем европейских востоковедов Б. Мункачи^{viii} и К. Грэнбека^{ix}, написанные Н. И. Ашмарину (Благова 2002, 109)^x.

Огромный интерес представляют хорошо сохранившиеся и неплохо читаемые три письма, датируемые мартом — ноябрем 1921 г.: первое письмо из Казани (11/24.03.1921 г. Лл. 200 – 201 об.), второе — из Казани (21.05.1921 г. Лл. 194 – 195 об.), третье — тоже из Казани (28.11.1921 г. Лл. 155–156). Эти письма Н. Ф. Катанова в перспективе будут напечатаны с соответствующими комментариями.

В основном в дореволюционных письмах излагается тема печатания чувашско-русского словаря; о некоторых арабо-мусульманских текстах, представляющих научный интерес; о планируемой поездке Дьюла Мессароша^{xi} к чувашам и его благодарности Ашмарину; о желании учителя русско-татарского училища в Тетюшах Г. Н. Ахмарова^{xii} встретиться с ним и другие жизненные реалии этих годов.

Последние три письма Катанова Ашмарину 1921 г. показывают драматическую картину, когда традиции и новации в казанском восто-

коведении сплелись в единый узел в революционные и послеоктябрьские годы. Исторические события 1917–1918 гг. и новые общественно-политические и социокультурные реалии существенно повлияли на гуманитарное, особенно востоковедческое, образование и науку в Казани в 1920-е гг. В это время прослеживаются попытки возрождения традиций казанского востоковедения XIX в. и формирование новых направлений и структуры ориентального образования и науки.

Накануне революционных общественных перемен казанское университетское востоковедение переживало институциональный кризис и рубеж желаний возрождения. Наиболее ярко это отражено в письме бывшего директора Казанской инородческой учительской семинарии (1892–1905 гг.), попечителя Оренбургского учебного округа (1906–1908 гг.), члена Совета Министерства народного просвещения (1909–1917 гг.) Н. А. Бобровникова (1854–1921) к академику (с 1900 г.) и заслуженному профессору Московского университета (с 1893 г.) Ф. Е. Коршу (1843 – 1915). По итогам встречи с С. Ф. Ольденбургом Н. А. Бобровников 30 апреля 1910 г. писал: «... я виделся с С. Ф. Ольденбургом, и он поручил мне сказать Вам, что было бы возможно еще в настоящем году возбудить вопрос об ассигновании средств... на усиление ориентализма в России. С. Ф. Ольденбург выразил предположение, что Академия наук могла бы в силу своих прав войти с представлением о внесении в смету на 1911 г. сумм на открытие некоторых кафедр на восточном факультете С.Петербургского университета, об открытии восточного отделения на историко-филологическом

факультете Казанского университета, об открытии школ для практического изучения восточных языков (первая из них — Казанская, проект коей Вы изволили читать и проч.)» (Баскаков 1989, 147–148).

В 1911–1912 гг. по инициативе профессора Н. Ф. Катанова был разработан проект «Положения о курсах для практического изучения восточных языков» (Государственный архив Республики Татарстан. Ф. 420. Оп. 1. Д. 199. Л. 14). Окончательный вариант, предложенный им, был выработан на заседании Комитета по делам печати 28 октября 1912 г. В этих проектах основными востоковедными предметами курсов были признаны: «а) казанское наречие татарского языка и отношение его к другим наречиям того же языка..., б) арабский язык и его элементы в наречиях татарского языка..., в) персидский язык и его элементы в наречиях татарского языка..., г) география, этнография и история (угорских и) татарских племен..., д) история распространения ислама среди народов семитических, арио-европейских и турецко-татарских..., е) мусульманское право вообще и право семейственное, общественное и наследственное в частности..., з) постановления, узаконения и распоряжения Правительства касательно Российских инородцев вообще и инородцев мусульман в частности..., и) практика татарского языка...» (Государственный архив Республики Татарстан. Ф. 420. Оп. 1. Д. 199. Л. 5).

В 1916–1919 гг. был разработан проект создания на историко-филологическом факультете восточного отделения с двумя разрядами: тюрко-татарским и финно-угорским, и даже вопрос открытия самостоятельного восточного

факультета неоднократно обсуждался на Совете Казанского университета (Государственный архив Республики Татарстан. Ф. 977. Оп. ИФФ. Д. 2496. Л. 25). По свидетельству С. Е. Малова, 8 июня (н. с.) 1918 г. Совет университета единогласно постановил ходатайствовать перед центральным комиссариатом об учреждении на историко-филологическом факультете восточного отделения с двумя разрядами (турецким и финно-угорским) с 8 новыми профессорами и 3 доцентами «согласно с представлением о том историко-филологического факультета» (Санкт-Петербургский филиал Архива РАН. Ф. 1079. Оп. 2. Д. 77. Л. 3).

В ноябре 1917 г. университетской комиссией была подготовлена «Записка об открытии при историко-филологическом факультете Казанского университета Восточного отделения, с разрядами турецко-татарским и угрофинским» (Государственный архив Республики Татарстан. Ф. 977. Оп. ИФФ. Д. 2496. Л. 14–20). Справка включила в себя краткий материал «о закрытии бывшего некогда в Казани Восточного факультета» и «о попытках для расширения преподавания востоковедения при историко-филологическом факультете». Основным итогом работы комиссии стало единогласное решение о том, что: «во-первых, открытие целого Восточного факультета при Казанском университете по материальным соображениям, а также, быть может, по невозможности заместить сразу все кафедры подходящими лицами, пока не осуществимо и что, во-вторых, может состояться открытие в ближайшее время в составе историко-филологического факультета лишь двух разрядов Восточного отделения:

турецко-татарского и угро-финского...» (Государственный архив Республики Татарстан. Ф. 977. Оп. ИФФ. Д. 2496. Л. 17 об.). К сожалению, данный проект и другие предложения и идеи в предреволюционные и послеоктябрьские дни не были реализованы в Казанском университете и Казани. Исключение представляет кратковременный период деятельности Северо-Восточного археологического и этнографического института и последующие его преобразования в институты, где трудились Н. Ф. Катанов, Н. И. Ашмарин и другие казанские профессора и преподаватели.

Общая атмосфера неустроенности в профессиональной сфере прослеживается в строках С. Е. Малова С. Ф. Ольденбургу в письме от 4 ноября 1917 г.: «Позвольте обратиться к Вам, глубокоуважаемый Сергей Федорович, с покорнейшей просьбой. При случае, не поимеете ли меня в виду на какое-либо подходящее для меня место, — напр. в какую-либо библиотеку, Музей или что-либо другое? С Казанью я подумываю уже расстаться...» (Бухарин, Поникаровская 2017, с. 443).

Сложная институциональная ситуация в сфере высшего образования, в том числе востоковедения, и жизненные обстоятельства сыграли ключевую роль в том, что в 1919–1923 гг. Н. И. Ашмарин стал профессором и работал на кафедре чувашеведения в Чувашском институте народного образования в Симбирске^{xiii}.

Атмосфера послеоктябрьских реорганизаций высших учебных заведений в Казани и образование Восточного педагогического инсти-

тута, куда не был избран профессором С. Е. Малов, он описал в своем письме к академику С. Ф. Ольденбургу (от 20 ноября 1922 г.). «С сентября ликвидирован факультет общественных наук (т. е. бывший историко-филологический и юридический факультеты). Вместо него (+ Восточная академия + Высший институт народного образования) возник Восточный педагогический институт (ВПИ). Я утвержден Государственным Ученым Советом преподавателем этого Института по кафедре языкознания. Представлялся же я Правлением Института на утверждение ГУС в качестве профессора по кафедре тюркологии. Служить преподавателем я не нашел для себя возможным среди профессоров, не сдавших магистрантских испытаний, и среди преподавателей, не прошедших средней школы¹, но отнюдь не потому, чтобы я считал себя достойным действительно звания профессора. Администрация института и особенно администрация отделения востоковедения усиленно просила меня остаться, сообщив мне, что на первом же заседании предметных комиссий вновь постановлено просить Московский Наркомпрос об утверждении меня профессором. На этих днях узнал еще новость, что закрываются 3-й и 4-й курсы восточного отделения только что открытого Восточного Педагогического Института за отсутствием на этих курсах студентов (1 или 2 человека). Мои же курсы, главным образом, распределялись на эти старшие группы. Таким образом, я здесь, в Казани, оказался не у дел, как говорится, и обратился и теперь снова обращаюсь к вам с просьбой иметь меня в виду

¹ Эти строки написаны С. Е. Маловым в виде примечания.

при открывшейся вакансии, — подходящей для меня» (Бухарин, Поникаровская 2017, с. 442).

В письме от 27 декабря 1922 г. он снова писал С. Ф. Ольденбургу: «На днях я получил телеграмму от Александра Николаевича [Самойловича] об избрании меня преподавателем Университета. Я очень и очень рад этому обстоятельству» (Бухарин, Поникаровская 2017, с. 443). Эти события привели к отъезду перспективного ученого-тюрколога в истории казанского центра тюркологии.

Последующие строки письма Малова Ольденбургу звучат горестно: «В Казани за смертью дорогого Н. Ф. Катанова и за отъездом Н. И. Ашмарина (в Симбирск) и Б. В. Миллера² (в Москву) мне стало жить и служить как-то сиротливо и неприятно. На смену выбывших востоковедов явились здесь новые ориенталисты от рождения, учебные заведения стали реформировать и сокращать и я, — не то, чтобы не ужился, совершенно нет, — я со всеми, могу похвалиться, был в хороших отношениях, а просто я отошел в сторону и задумал перейти в Петроград, чтобы быть вблизи всех вас, дорогих и уважаемых ориенталистов» (Бухарин, Поникаровская 2017, с. 443).

Одно из писем Катанова Ашмарину — свидетельство того, что он, известный чувашевед и тюрколог, последователь «булгарской теории» происхождения чувашей Н. И. Ашмарин, по инициативе казанского профессора уехал и преподавал на восточном факультете Бакинского университета (1923–1926 гг.).

В Азербайджанском университете он получил «звание доктора филологии» (1925 г.). Соответствующий отзыв был дан А. Н. Самойловичем. Кроме чувашского и татарского он хорошо владел турецким и азербайджанским языками.

Приезд Н. И. Ашмарина в Баку в 1923 г. отразился в письме известного тюрколога А. Н. Самойловича академику В. В. Бартольду (от 20 ноября 1923 г.): «На днях сюда переселился Н. И. Ашмарин со своим чувашским словарем, единственный, по моему крайнему разумению, специалист по чувашелогии во всей России, но жизнь сильно потрепала этого достойнейшего и скромнейшего человека, и он пока нуждается, прежде всего, в отдыхе...» (Благова 2002, 109).

Оценивая свой непродолжительный бакинский период работы, Н. И. Ашмарин писал: «Состоя в период 1923–26 гг. профессором Азерб[айджанского] гос[ударственного] университета, я занялся изучением наречия азери, а также принял участие в организационной работе по собиранию словаря тюркских говоров Азербайджана. Для последней цели мною была написана брошюра: «Инструкция и программа для собирания материалов, необходимых для составления тюркских говоров Азербайджана» (до моего отъезда из г. Баку по этой программе было заполнено около 12 500 карточек), а результатом изучения этих говоров явилась книга: «Общий обзор народных тюркских говоров г. Нухи», изданная Обществом обследования и изучения Азербайджана в 1926

² О деятельности ираниста Б. В. Миллера см.: (Б. В. Миллер 1956; Валеев 2011; Валеев, Валеева, Кириллина, Коняшкина 2023) и др.

г.» (Ашмарин онлайн).³

В Казани в 1924–1925 гг. происходили мероприятия, связанные с обсуждением в Обществе археологии, истории и этнографии и Правлении Казанского университета вопроса «О восстановлении в срочном порядке Восточного факультета при Казанском гос [ударственном] университете»⁴. Даже был подготовлен проект официального обращения Татарского Совнаркома в Центральный исполнительный комитет СССР «О восстановлении Восточного факультета при Казанском гос [ударственном] университете» (Валеев, Валеева, Хайрутдинов 2020, с. 65–90).

Завершающий период жизнедеятельности и научного наследия Н. И. Ашмарина в Казани и выдающихся заслуг в области тюркологии и чувашских исследований (1926–1933 гг.) после возвращения из Баку связан с его плодотворной учебной, научной и общественной деятельностью в Восточном педагогическом институте. В своих воспоминаниях в 1926 г. он написал: «В настоящее время, по возвращении в Казань, я вернулся снова к своей основной работе – исследованиям в области чувашского языка, обработке и преподаванию чувашского языка студентам-чуваши, прерванному в Симбирске. < > Вся моя деятельность протекала в течение более тридцати лет в области народного просвещения и научной работы, преимущественно посвященной изучению языка, истории и духовной культуры чувашской народности» (Ашмарин онлайн).

Завершая бакинский период, в 1926 г. Н. И. Ашмарин в своем докладе «Кое-что о прошлом тюркологии и ее нынешнем состоянии» в Первом тюркологическом съезде в Баку, отмечая завершение «героического периода» тюркологии, выделял некоторые настоящие и перспективные задачи науки о тюркских народах: «Необходимо собирать и изучать народную словесность, старые рукописи, редкие книги, эпитафии, древние надписи на стенах зданий и т. п. Следует собирать сведения о памятниках старинного письма, находить и издавать эти памятники. Тюркология может идти быстрыми шагами, если будет уделено должное внимание провинциальным работникам. Даже разумное собирание сырых материалов и издание их может оказать развитию тюркологии огромную услугу» (Первый Всесоюзный тюркологический съезд 1926, 146).

В целом, феномен тюркологического и общественного наследия Катанова-Ашмарина-Малова в Казани и в частности неопубликованные письма Катанова Ашмарину и другие планируемые совместные исследования позволяют углублять изучение актуальных проблем истории востоковедных центров СССР, России и суверенных государств на постсоветском пространстве. В центре наших архивных поисков – реализация проектов и исследований, посвященных изучению традиций и новаций центров, направлений и итогов развития советской университетской ориенталистики в 1917–1930-е гг., изучение взаимодействия

³ Уже в 1928 г. Н. И. Ашмарин опубликовал в Баку работу (Ашмарин 1928).

⁴ Скорее всего, этот собранный материал был передан В. И. Анучиным академику С. Ф. Ольденбургу. На титульном листе данного архивного дела есть приписка карандашом «от С. Ф. Ольденбурга 13.IV.1928» (Архив востоковедов ИВР РАН, Разряд III. Оп. 3. Д. 17).

с академическим и практическим востоковедением и неопределенного вклада в историю и культуру народов современной России и стран СНГ.

Источники

- I. Архив востоковедов ИВР РАН, Разряд III. Оп. 3. Д. 17.
- II. Государственный архив Республики Татарстан. Ф. 420. Оп. 1. Д. 199.
- III. Государственный архив Республики Татарстан. Ф. 977. Оп. ИФФ. Д. 2496.
- IV. Государственный исторический архив Санкт-Петербурга. Ф. 14. Оп. 1. Д. 8933.
- V. Санкт-Петербургский филиал Архива РАН. Ф. 1079. Оп. 2. Д. 77.
- VI. Научный архив. Чувашский государственный институт гуманитарных наук. Отд. IV. Ед. хр. 151. Инв. № 48.

Литература

1. Ашмарин Н.И. Болгарские надписи, найденные около села Тукмакла // Известия общества обследования и изучения Азербайджана. 1928. № 4. С. 16–21.
2. Ашмарин Н.И. Незаконченные рукописи / Н. И. Ашмарин // Слово = Сăмах: 1993: исследования и тексты / Чуваш. гос. ин-т гуманитар. наук. Чебоксары, 1994. С. 85–96.
3. Ашмарин Н.И. Мои воспоминания. URL: http://www.nbchr.ru/Virt2/pdf/1.1.1_ashmarin.pdf (дата обращения: 20.07.2024 г.).
4. Б. В. Миллер (1877–1956) // Советское востоковедение. 1956. № 5. С. 158–159.
5. Баскаков Н. А. Академик Ф. Е. Корш в письмах современников: К истории русской филологической науки. Москва: Наука, 1989. 279 с.
6. Благова Г. Ф. История среднеазиатско-тюркских литератур и история литературных языков в трудах А. Н. Самойловича послеоктябрьского периода // Вопросы языкознания. 2002. № 5. С. 96–115.
7. Бухарин М. Д., Поникаровская М. В. Письма С. Е. Малова к С. Ф. Ольденбургу // Вестник истории, литературы, искусства. 2017. Т. 12. С. 435–448.
8. Валеев Р. М. О кончине Н. Ф. Катанова. Письмо Б. В. Миллера С. Ф. Ольденбургу // Восточный архив. 2011. № 2(24). С. 44–47.
9. Валеев Р. М., Валеева Р. З., Хайрутдинов Д. Р. Востоковедение в Казани: Восточный факультет должен существовать при Казанском государственном университете. 1924–1925 // Гасырлар авазы — Эхо веков. 2020. № 3. С. 65–90.
10. Валеев Р. М., Валеева Р. З., Кириллина С. А., Коняшкина Т. А. Ираноязычные народы Кавказа в наследии Б. В. Миллера. К 145-летию со дня рождения профессора МГУ // Вестник Московского ун-та. Серия 13. Востоковедение. 2023. Т. 67, № 2. С. 201–208.
11. Валеев Р. М., Тугужекова В. Н. и др. Н. Ф. Катанов и гуманитарные науки на

- рубеже веков. Очерки истории российской тюркологии. Казань–Абакан, 2008–2009. 354 с.
12. Гордлевский В. А. Ф. Е. Корш (1843–1915) // Академик В. А. Гордлевский. Избранные сочинения. Этнография, история востоковедения, рецензии. Т. IV. М.: Изд-во «Наука», 1968. С. 378–395.
 13. Лебедев Э. Е., Родионов В. Г., Семёнова И. П., Касимов Е. В. Н. И. Ашмарин — корифей чувашской филологии. Биографическая серия «Замечательные люди Чувашии». Чебоксары: Чувашское книжное изд-во, 2020. 269 с.
 14. Малов С. Е. Памяти Н. И. Ашмарина // Записки Чувашского НИИЯЛИ. 1941. Вып. 1. С. 136–140.
 15. Наследие российской тюркологии XIX в.: «Путешествие по Сибири, Дзунгарии и Восточному Туркестану». Дневник путешествия, совершенного по поручению Императорского Русского Географического Общества в 1890 г. членом-сотрудником оною Н. Ф. Катановым / отв. и науч. ред.: Р. М. Валеев, В. Н. Тугужекова, Д. Е. Мартынов. Введение Р. М. Валеева, Д. Е. Мартынова, Ю. А. Мартыновой и В. Н. Тугужековой. Подготовка к изданию, составление, комментарии, указатели Д. А. Данькиной, Р. М. Валеева, Р. З. Валеевой, Д. Е. Мартынова, Ю. А. Мартыновой, Ф. Г. Миниханова, М. С. Минеевой, В. Н. Тугужековой. Вступ. статьи А. М. Сибэгатуллина, И. Г. Смолиной, И. Р. Гафурова. Казань: Изд-во «Артифакт», 2017. 734 с.
 16. Первый Всесоюзный тюркологический съезд. 26 февраля – 5 марта 1926 г. (стенографический отчет). Баку: [Б.и.], 1926. 426 с.
 17. Эпистолярное наследие Н. Ф. Катанова (к 155-летию со дня рождения) / Сост. Валеев Р. М., Тугужекова В. Н., Чочиева А. С., Ермилова В. В., Рябцева А. М. 2-е изд., доп. Абакан: Бригантина, 2016. 84 с.
 18. Eren Hasan. Türklük Bilimi Sözlüğü. I. Yabancı Türkologlar // Türk Dil Kurumu Yayınları, Ankara, 2018.
 19. İnalçık Gülcan «Nikolay Fedoroviç Katanov'un Hayatı, Kütüphanesi ve Türkoloji Alanındaki Eserleri» (Жизнь, библиотека и труды Николая Федоровича Катанова в области тюркологии). İstanbul Üniversitesi, Sosyal Bilimler Enstitüsü, Yayınlanmamış Doktora Tezi, İstanbul, 2022.
- ## References
- ### Sources
- I. Archive of Orientalists. The Institute of Oriental Manuscripts RAN, Saint-Petersburg. Part III. Op. 3. D. 17. (In Russian).
 - II. The State Archive of the Republic of Tatarstan. F. 420. Op. 1. D. 199. (In Russian).
 - III. The State Archive of the Republic of Tatarstan. F. 977. Op. IFF. D. 2496. (In Russian).

- IV. The State Historical Archive of St. Petersburg. F. 14. Op. 1. D. 8933. (In Russian).
- V. St. Petersburg Branch of the Archive of the Russian Academy of Sciences. F. 1079. Op. 2. 77. (In Russian).
- VI. Scientific archive. Chuvash State Institute of Humanities. Rev. IV. Ed. hr. 151. Inv. No. 48. (In Russian).

Literature

1. Ashmarin N.I. Bulgarian inscriptions found near the village of Tukmakla // Proceedings of the Society for the Survey and Study of Azerbaijan. 1928. No. 4. P. 16–21. (In Russian).
2. Ashmarin N. I. Unfinished manuscripts: research and texts. Cheboksary: Chuvash. state Institute of Humanities. Sci., 1994. Pp. 85–96. (In Russian).
3. Ashmarin N.I. My Memories. URL: http://www.nbchr.ru/Virt2/pdf/1.1.1_ashmarin.pdf (accessed: 20.07.2024). (In Russian).
4. *Baskakov N. A.* Academician F. E. Korsh in letters of contemporaries: On the history of Russian philological science. Moscow: Nauka, 1989. 279 p. (In Russian).
5. *Blagova G. F.* The history of Central Asian-Turkic literatures and the history of literary languages in the works of A. N. Samoilovich after the October period // Questions of linguistics. 2002. No. 5. Pp. 96–115. (In Russian)
6. *Bukharin M. D., Ponikarovskaya M. V.* Letters of S. E. Malov to S. F. Oldenburg // Bulletin of history, literature, art. 2017. Vol. 12. Pp. 435–448. (In Russian).
7. The epistolary legacy of N. F. Katanov (To the 155th anniversary of his birth) / Comp. Valeev R. M., Tuguzhekova V. N., Chochieva A. S., Ermilova V. V., Ryabtseva A. M. 2nd ed., add. Abakan: Brigantina Publ., 2016. 84 p. (In Russian).
8. *Eren Hasan.* Türklük Bilimi Sözlüğü. I. Yabancı Türkologlar // Türk Dil Kurumu Yayınları, Ankara, 2018. (In Turkish).
9. The first All-Union Turkological Congress. February 26 – March 5, 1926 (verbatim report). Baku: [S.n.], 1926. 426 p. (In Russian).
10. Gordlevsky V. A. F. E. Korsh (1843–1915) // Academician V. A. Gordlevsky. Selected works. Ethnography, history of Oriental studies, reviews. Vol. IV. M.: Izd-vo «Nauka», 1968. Pp. 378–395. (In Russian).
11. İnalçık Gülcan «Nikolay Fedoroviç Katanov'un Hayatı, Kütüphanesi ve Türkoloji Alanındaki Eserleri» (Жизнь, библиотека и труды Николая Федоровича Катанова в области тюркологии). İstanbul Üniversitesi, Sosyal Bilimler Enstitüsü, Yayınlanmamış Doktora Tezi, İstanbul, 2022. (In Turkish).
12. Lebedev E. E., Rodionov V. G., Semenova I. P., Kasimov E. V. N. I. Ashmarin is the coryphaeus of Chuvash philology. Biographical series "Wonderful people of Chuvashia". Cheboksary: Chuvashskoe knizhnoe izd-vo , 2020. 269 p. (In Russian)

13. The legacy of Russian Turkology of the XIX century: "A journey through Siberia, Dzungaria and East Turkestan". Diary of a journey made on behalf of the Imperial Russian Geographical Society in 1890 by a member of its staff N. F. Katanov / Rev. and scientific ed.: R. M. Valeev, V. N. Tuguzhekova, D. E. Martynov. Introduction by R. M. Valeev, D. E. Martynov, Yu. A. Martynova and V. N. Tuguzhekova. Preparation for publication, compilation, comments, indexes by D. A. Dankina, R. M. Valeeva, R. Z. Valeeva, D. E. Martynova, Yu. A. Martynova, F. G. Minikhanov, M. S. Mineeva, V. N. Tuguzhekova. Introduction. articles by A. M. Sibagatullin, I. G. Smolina, I. R. Gafurov. Kazan: Artifakt Publ., 2017. 734 p. (In Russian).
14. Malov S. E. In Memory of N. I. Ashmarin // Notes of the Chuvash Research Institute. 1941. Issue 1. Pp. 136–140. (In Russian).
15. [Obituary]: B. V. Miller (1877–1956) // Soviet Oriental Studies. 1956. No. 5. Pp. 158–159. (In Russian).
16. Valeev R. M., Tuguzhekova V. N. and others. N. F. Katanov and the humanities at the turn of the century. Essays on the history of Russian Turkology. Kazan–Abakan, 2008–2009. 354 p. (In Russian).
17. Valeev R. M. About the death of N. F. Katanov. Letter from B.V. Miller to S.F. Oldenburg // Eastern Archive. 2011. No. 2(24). Pp. 44–47. (In Russian).
18. Valeev R. M., Valeeva R. Z., Khairutdinov D. R. ulty should exist at Kazan State University. 1924–1925 // Gasyrlar avazy — Echo of centuries. 2020. No. 3. Pp. 65–90. (In Russian).
19. Valeev R. M., Valeeva R. Z., Kirillina S. A., Kon-yashkina T. A. Iranian-speaking peoples of the Caucasus in the legacy of B. V. Miller. To the 145th anniversary of the birth of a professor at Moscow State University // Bulletin of Moscow University. Series 13. Oriental studies. 2023. Vol. 67, no. 2. Pp. 201–208. (In Russian).
- i. Самойлович Александр Николаевич (1880–1938) выдающийся российский востоковед-тюрколог, ученик П. М. Мелиоранского, Н. И. Веселовского, В. А. Жуковского, В. Р. Розена, В. В. Радлова и В. В. Бартольда; действительный член Русского археологического общества и Русского географического общества (1908 г.), профессор Петроградского университета (1917 г.), член-корреспондент (1925 г.), действительный член АН СССР (1929 г.), директор Института востоковедения АН СССР (1934 г.). В 1916 г. впервые и в 1925 г. в последний раз посетил Казань. В 1929–1933 гг. академик-секретарь Отделения гуманитарных наук Академии наук СССР, в 1934–1937 гг. директор Института востоковедения Академии наук СССР. В октябре 1937 г. академик А. Н. Самойлович был арестован по ложному обвинению и 13 февраля 1938 г. погиб.
- ii. Среди этих публикаций особо выделяем докторскую работу (İnalçık 2022) и ряд

- интересных новых публикаций в турецких журналах о наследии Катанова и Ашмарина. Среди публикаций см.: Nacioğlu Sevim. «Tuva Diyarının Tasvirî» (Описание Тувинской земли) // *Türkiyat Mecmuası*. 2011. 21/1 (Haziran). s. 449–450; İnan Abdülkadir. «N. İ. Aşmarin: Çuvaş Dili Lugatı» (Н. И. Ашмарин: Словарь чувашского языка) // *Türkiyat Mecmuası* 3, 2010. Aralık. s. 300–301; Bülent Bayram. «Çuvaş Türkçesinin Sözlükleri» (Словари чувашского тюркского языка) // *Türk Dünyası Dil ve Edebiyat Dergisi*. 2019. Sayı: 47. Bahar. s. 35–76; Sinan Güzel. «Çuvaş Dil Bilimi Çalışmalarının Büyük İsmi [Doğumunun 150. Yılı Münasebetiyle]» (Великое имя чувашского языкознания [К 150-летию со дня рождения]) // *Tehlikedeki Diller Dergisi (Journal of Endangered Languages)*. 2020. Yaz 2020. s. 457–459 и др.
- iii. 22 августа 1922 г. на заседании президиума коллегии центрального органа управления профессиональным образованием Наркомпроса РСФСР (1920–1930 гг.) было принято решение создать в Казани централизованную высшую педагогическую школу – Восточный педагогический институт (ВПИ). В ходе реформы в ВПИ вошли факультет общественных наук Казанского университета, Казанский педагогический институт, Восточная академия (бывший Северо-Восточный археологический и этнографический институт). В структуре ВПИ было образовано восточное отделение, созданное на основе Восточной академии. На ВО ВПИ работали
- профессор Н. Н. Фирсов (руководитель), Н. И. Воробьев, Е. И. Чернышев, представители татарской интеллигенции: Г. С. Губайдуллин, Г. А. Рахим, Г. Шараф, Д. Валиди и др.
- iv. В период работы в Баку Н. И. Ашмарин опубликовал ряд работ, посвященных языкам народов Поволжья. Среди них см.: Подражание в языках Среднего Поволжья // *Известия Азербайджанского университета. Общественные науки*. Баку, 1925. Вып. 1–2. С. 143–158 и Подражание в языках Среднего Поволжья // *Известия Азербайджанского университета. Общественные науки*. Баку, 1925. Вып. 4. С. 75–99 и др.
- v. Центральная крещено-татарская школа в Казани — неполное среднее (в первые годы деятельности — начальное) учебное заведение. Создана Н. И. Ильминским и В. Т. Тимофеевым в 1863 г. (официальная дата – 1864 г.). После закрытия в 1918–1929 гг. в здании находились кряшенские педагогические курсы и кряшенский педагогический техникум.
- vi. Казанская учительская семинария (Казанская инородческая учительская семинария) — учебное заведение (1872–1918 гг.), готовила учителей мари-инских, мордовских, чувашских, удмуртских и крещено-татарских школ.
- vii. Одним из первых напечатанных публично писем Н. И. Ашмарина своим коллегам,

скорее всего, стал «Отрывок из письма Н. И. Ашмарина М. П. Петрову от июня 1925 г.», связанный с болгарской теорией происхождения чувашей, представленной в приложении № 2 к его работе 1925 г. См.: Петров М. П. О происхождении чуваш. Доклад читанный 26 февраля 1925 г. на заседании II сессии Облисполкома V созыва и 15 марта т.г. на заседании Общества изучения местного края Чуваш. Авт. Области. Чебоксары: Чувашское государственное издательство, 1925. С. 60–61. Н. И. Ашмарин писал следующие строки: «...знаю, что чувашаи получили республику и что среди них теперь идут толки даже о замене имени чуваш другим — болгар. Вот с последним я бы никогда не мог примириться. < > Все данные языка и истории говорят за то, что чувашаи — потомки древних болгар: но если это так, то следует думать, что древние волжские болгары были известны под этим именем только у других народов, сами же называли себя чувашами».

viii. Мункачи Бернат (Munk Bernat, Munkacsi Bernat) (1860–1937) — известный венгерский языковед, этнограф, литературовед и фольклорист. Академик Венгерской Академии наук (1910 г.). Изучал тюркские и финно-угорские народы Поволжья и Приуралья, Западной Сибири (татары, чувашаи, удмурты, ханты, манси и др.). Впервые приехал в Казань в апреле 1885 г., отправленный Академией наук Австро-Венгрии. В марте 1888 г. отправился в экспедицию в Западную Сибирь и на обрат-

ном пути снова посетил Казань (1889 г.). Основатель и редактор венгерского журнала *Keleti Szemle* («Восточное обозрение») (1900 г.). См.: Загребин А. Е. Казань как центр финно-угорской этнографии // *Studia Slavica Finlandensia*, 2005. Т. 22. С. 96–117. Загребин А. Е. Финно-угорские этнографические исследования в России (XVII – первая половина XIX в.). Ижевск: УИИЯЛ УрО РАН, 2006. 321 с.; Kozmacs I. The life of Bernvt Munkacsi. Budapest: Pytheas, 2010. 203 p. и др.

ix. Грэнбек Коре (*Grønbech Kaare*) (1901–1957) — датский тюрколог, профессор Копенгагенского университета. Автор первых изданий факсимиле памятника «Кодекс Куманикус» (*Codex Cumanicus*) с описанием языка, графики и других сведений (1936, 1941 г.). Профессор истории религии Копенгагенского университета (1915–1943 гг.). Он был сыном Вильгельма Петера Грэнбека (1873–1948), известного датского историка культуры.

x. В этой статье Г. Ф. Благова опубликовала два письма А. Н. Самойловича Н. И. Ашмарину: первое — от 25 февраля 1925 г. из Ленинграда, второе — от 18 апреля 1930 г. тоже из Ленинграда. См. (Благова 2002, с. 110–113).

xi. Мессарош Дьюла (*Mészáros Gyula*) (1883–1957) — известный венгерский этнограф, антрополог и фольклорист, исследователь духовной и материальной культуры народов Среднего Поволжья.

- xii. Ахмаров Г. Н. (1864–1911) — татарский историк и этнограф. Автор работ по истории, языку и этнографии татар. Собрал оригинальные языковедческие, этнографические и археологические материалы по истории татарского народа.
- xiii. В личном фонде С. Е. Малова в Архиве РАН (Ф. 1079) сохранилась единственная открытка Н. И. Ашмарина, направленная Малову из Симбирска от 18 апреля 1921 г. (Ф. 1079. Оп. 3. Д. 34).
- xiv. Основные вехи реорганизаций в Казани Учительского института (образован в 1876 г.) до 1934 г.: Казанский педагогический институт (1918 г., вновь с 1921 г.); Высший институт народного образования (1919 г.); «единая высшая педагогическая школа» – Восточный педагогический институт (1922 г.); в 1929 г. преобразуется в Восточно-педагогический институт; в 1931 г. переименовывается в Татарский педагогический институт, в 1934 г. — Казанский государственный педагогический институт.
- xv. Н. И. Ашмарин в своей рукописи «Исторические предания и песни», сохранившейся в архиве Чувашского государственного института гуманитарных наук и напечатанной В. Г. Радионым в 1994 г., писал: «К произведениям народной словесности, из которых можно почерпнуть сведения о прошлом чувашского народа, относятся исторические предания, легенды, обыкновенно связываемые с названиями урочищ и именами основателей селе-

ний, сказки, песни, пословицы, народные молитвы. К этому в общем обильному материалу, пока еще недостаточно изученному, следует прибавить словарное богатство языка, который в отдельных своих выражениях иногда дает вам возможность бросить взгляд на исторические события или на старый, уже забытый уклад жизни в тех случаях, когда молчат письменные памятники и ничего не говорит устное предание» (Ашмарин 1994).

Сведения об авторах

Лю Лицю

Нанкинский университет науки и технологии,
г. Нанкин, Китайская Народная Республика

Валеев Рамиль Миргасимович

доктор исторических наук, профессор
Казанский (Приволжский) федеральный университет
г. Казань, Российская Федерация
valeev200655@mail.ru

Валеева Роза Закариевна

Казанский инновационный университет
им. В. Г. Тимирязова,
г. Казань, Российская Федерация

Гюлькан Иналджик

Университет Мармара, г. Стамбул, Турция

Курочкин Руслан Владимирович

Казанский инновационный университет
им. В. Г. Тимирязова,
г. Казань, Российская Федерация

Information about the authors

Liu Liqiu

Nanjing University of Science and Technology,
г. Nanjing, People's Republic of China

Ramil M. Valeev

Doctor of Historical Sciences, Professor
Kazan (Volga Region) Federal University
г. Kazan, Russian Federation
valeev200655@mail.ru

Roza Z. Valeeva

V. G. Timiryasov Kazan Innovation University,
Kazan, Russia. V.G. Timiryasov Kazan
Innovation University,
г. Kazan, Russian Federation

Inaljik Gulkan

Marmara University, Istanbul, Turkey

Ruslan V. Kurochkin

V. G. Timiryasov Kazan Innovation University,
Kazan, Russia. V.G. Timiryasov Kazan
Innovation University,
г. Kazan, Russian Federation

Информация о статье

Поступила в редакцию: 10.09.24

Одобрена после рецензирования: 21.09.24

Принята к публикации: 30.09.24

Information about the article

The article was submitted 10.09.24

Approved after reviewing 21.09.24

Accepted for publication 30.09.24

Review of the book: Kryukov V.M., Kryukov M.V. (2023) Neizvestnyj Sun Yatsen. Tom I (1866-1913) [Unknown Sun Yat-sen. Volume I (1866-1913), ed. by A.I. Kobzev. Moscow: Institut vostokovedeniya RAN, 2023. 552 pp. (Uchenye zapiski Otdela Kitaya IV RAN; Vyp. 45). ISBN 978-5-907543-75-7. Kryukov V.M., Kryukov M.V. Neizvestnyj Sun Yatsen. Tom II (1913-1925) [Unknown Sun Yat-sen. Volume II (1913-1925), ed. by A.I. Kobzev. Moscow: Institut vostokovedeniya RAN, 2023. 512 pp. (Uchenye zapiski Otdela Kitaya IV RAN; Vyp. 46). ISBN 978-5-907543-75-7.

Рецензия: Крюков В.М., Крюков М.В. Неизвестный Сунь Ятсен. Том I (1866-1913) / Отв. ред. А.И. Кобзев. М.: Ин-т востоковедения РАН, 2023. 552 с., ил. (Ученые записки Отдела Китая ИВ РАН; Вып. 45). ISBN 978-5-907543-75-7. Крюков В.М., Крюков М.В. Неизвестный Сунь Ятсен. Том II (1913-1925) / Отв. ред. А.И. Кобзев. М.: Ин-т востоковедения РАН, 2023. 512 с., ил. (Ученые записки Отдела Китая ИВ РАН; Вып. 46). ISBN 978-5-907543-75-7.

*Мартынов Дмитрий Евгеньевич¹,
Мартынова Юлия Александровна¹*

¹Казанский (Приволжский) федеральный университет, Казань, Россия

Автор, ответственный за переписку:
dmitrymartynov80@mail.ru

<https://orcid.org/0000-0001-5385-1915>

*Dmitry E. Martynov¹,
Yulia A. Martynova¹*

¹Kazan (Volga region) Federal University,
Kazan, Russia

Corresponding author:
dmitrymartynov80@mail.ru

<https://orcid.org/0000-0001-5385-1915>

УДК 94(517)+ 655.552 | РЕЦЕНЗИЯ | [HTTPS://DOI.ORG/10.24412/2686-9675-3-2024-188-195](https://doi.org/10.24412/2686-9675-3-2024-188-195)

Рецензия на последнюю монографию В.М. Крюкова (1932 – 2024).

Ключевые слова. История Китая, Сунь Ятсен, империя Цин, Китайская Республика, японо-китайские отношения, советско-китайские отношения, американо-китайские отношения, биографика.

Review of the latest monograph by V.M. Kryukov (1932 – 2024).

Keywords. History of China, Sun Yat-sen, Qing Empire, Republic of China, Japan-China relations, Soviet-Chinese relations, US-China relations, biography.

Для цитирования: Мартынов Д.Е., Мартынова Ю.А. Рецензия: Крюков В.М., Крюков М.В. *Неизвестный Сунь Ятсен. Том I (1866-1913) / Отв. ред. А.И. Кобзев. М.: Ин-т востоковедения РАН, 2023. 552 с., ил. (Ученые записки Отдела Китая ИВ РАН; Вып. 45). ISBN 978-5-907543-75-7. Крюков В.М., Крюков М.В. Неизвестный Сунь Ятсен. Том II (1913-1925) / Отв. ред. А.И. Кобзев. М.: Ин-т востоковедения РАН, 2023. 512 с., ил. (Ученые записки Отдела Китая ИВ РАН; Вып. 46). ISBN 978-5-907543-75-7* *Современные востоковедческие исследования.* 2024; 6 (3). С. 188-195 <https://doi.org/10.24412/2686-9675-3-2024-188-195>

For citation: Martynov D.E., Martynova Yu.A. Review of the book: Kryukov V.M., Kryukov M.V. (2023) *Neizvestnyj Sun Yatsen. Tom I (1866-1913) [Unknown Sun Yat-sen. Volume I (1866-1913), ed. by A.I. Kobzev. Moscow: Institut vostoковedeniya RAN, 2023. 552 pp. (Uchenye zapiski Otdela Kitaya IV RAN; Vyp. 45). ISBN 978-5-907543-75-7. Kryukov V.M., Kryukov M.V. Neizvestnyj Sun Yatsen. Tom II (1913-1925) [Unknown Sun Yat-sen. Volume II (1913-1925), ed. by A.I. Kobzev. Moscow: Institut vostoковedeniya RAN, 2023. 512 pp. (Uchenye zapiski Otdela Kitaya IV RAN; Vyp. 46). ISBN 978-5-907543-75-7. Modern Oriental Studies. 2024; Volume 6 (№3). P. 188-195 (In Russ.) <https://doi.org/10.24412/2686-9675-3-2024-188-195>*

19 июня 2024 г. из Пекина пришли скорбные известия о кончине старейшего русского китаевода Михаила Васильевича Крюкова (12.07.1932–19.06.2024). Случайно это совпало с окончанием рецензии на, как оказалось, последнюю фундаментальную монографию ученого «Неизвестный Сунь Ятсен. Штрихи к портрету». После трагической гибели сына, незаурядного китаевода и литературоведа-русиста В.М. Крюкова, все новые работы М.В. Крюков публиковал под двумя фамилиями. Не стал исключением и данный двухтомник.

Выход в свет нового исследования М.В. Крюкова можно вне всяких сомнений воспринимать как этапное для современной синологии событие. Речь не только о масштабности фигуры, которой посвящен солидно и красиво изданный двухтомник: Сунь Ятсен еще в советское время удостоился собственного издания

«Избранных произведений» в русском переводе, специальных исследований и книги в серии «Жизнь замечательных людей». Дело ещё и в том, что мы постепенно обретаем галерею биографий крупнейших политических деятелей Китая XX в. на русском языке. В этом ряду представлены высококачественные исследования, основанные на солидной литературной и источниковой базе, такие как увесистые «жэзээлки» А.В. Панцова, посвященные Мао Цзэдуну (в 2022 г. переиздана в двух томах), Чан Кайши и Дэн Сяопину, а также творения В.Н. Усова, повествующие об одиозных фигурах экс-императора Пу И и «китайского Берия» Кан Шэна. Биография — весьма благодарный жанр, неизменно востребованный специалистами и профессиональными читателями, но и требующий особого к себе отношения. В своё время С.Л. Тихвинский, рецензируя энциклопедическую

биографию философа и реформатора Кан Ювэя (1858–1927), написанную известным китайским ученым Сяо Гунцюанем (1897–1981), сетовал, что за центральной фигурой, приобретающей эпический масштаб, уже не видно ни эпохи, ни современников. По счастью, «Неизвестный Сунь Ятсен» лишен недостатков подобного рода.

Оценить общий объем трудов, посвященных первому президенту Китая, по-видимому, не представляется возможным. В 1000-страничной «Критической биографии Сунь Ятсена» (孙中山评传), выпущенной Мао Цзяци в 2001 г., констатировалось, что если в начале политики «реформ и открытости» в год вышло по 600 книг и статей, посвящённых революционеру, то к 2000 г. эта величина достигла двух тысяч библиографических единиц. Насколько мы можем судить, публикационный «вал» не снизил напора и в настоящее время. Число заслуживающих внимания биографических исследований, в которых рассматриваются разные стороны деятельности и жизни Сунь Ятсена, перевалило за сотню. На китайский язык переведены классические западные исследования, включая «Революционера поневоле» израильско-американского синоведа Гарольда Цви Шифрина (с которым нам лично довелось переписываться пятнадцать лет назад). На русском языке представлены фундаментальные работы Г.В. Ефимова, Н.Г. Сенина, Г.Д. Сухарчука, Л.Н. Борох, А.В. Меликсетова и С.Л. Тихвинского. Наконец, и французская синология может похвалиться новаторской работой М.-К. Бержер (1994, английский перевод 1998), в которой Сунь Ятсен предстал своего

рода «маркетологом» от большой политики, который стремился «продвигать» себя и свои идеи в любых мыслимых аудиториях и социально-экономических сообществах. Тем более примечательно появление новой книги на русском языке, выпущенной Отделом Китая ИВ РАН.

Скромный подзаголовок «Штрихи к портрету», как нам кажется, характеризует скромность автора, отсылает к традиции, выраженной строками «Быть знаменитым некрасиво...», но едва ли может характеризовать 1000-страничный содержательный, богато иллюстрированный текст. Разделение книги на два тома носит и технический, и содержательный момент, позволив избежать «перекоса», возникающего оттого, что послереволюционные годы для Китая (и для Сунь Ятсена, разумеется) оказались максимально насыщенными и в событийном, и в интеллектуальном отношении, когда считанные годы по своему значению для последующих поколений и событийной наполненности равнялись векам. В структурном отношении, однако, текст един, что выразилось в непрерывной нумерации глав; в каждом из двух томов их по десять. Чтобы не дробить впечатлений от максимально плотного текста, автор не злоупотребил научным аппаратом, разместив в подвалах страниц лишь самое необходимое количество сносок и ссылок, в том числе на опубликованные архивные тексты и новейшие издания. Первый том вводится небольшим разделом «О чем эта книга», призванном как заинтересовать читателей, так и представить концепцию издания. Интригу задает разъяснение портрета героя повествования, помещенного на фронтисписе каждого тома.

Это графическое изображение лица Сунь Ятсена, выполненное классиком новой китайской живописи Сюй Бэйхуном, но запрещенным гоминьдановскими властями как «создающий ошибочный образ великого революционера» (Т. 1, с. 13). Действительно, образ этот полон печали, авторы даже заявляют, что «судьба была слишком строга» к первому китайскому президенту (там же).

Введение к исследованию примечательно еще и тем, что сразу обосновывает широчайшее использование визуальных источников. На с. 14–17 приведены свидетельства ретуширования и применения фотомонтажа для демонстрации высочайшей роли Чан Кайши в окружении Сунь Ятсена еще с первых лет революции. Так складывался визуальный канон, известный любому сколько-нибудь эрудированному китаеведу. Далее речь идет о процессе включения Сунь Ятсена в изобразительный канон вождей и основателей Компартии Китая (КПК), исподволь шедшего со второй половины 1990-х гг. Тем не менее, в «плеяду» (по выражению автора) он так и не вошел, что и сделало возможным обсуждать достоинства и недостатки его личности и деяний, «не опасаясь зубодробительных оргвыводов» (Т. 1, с. 21). Это позволяет плавно перейти к основным целям нового жизнеописания Сунь Ятсена на русском языке. Таковых целей заявлено три: «познакомить читателя с ранее неизвестными ему фактами», высказать собственное мнение исследователей относительно многочисленных споров и дискуссий китайской историографии и, наконец, попытаться «освободиться» от издержек партийности исторической науки (Т. 1, с. 22).

Коль скоро речь шла о визуальных источниках, проиллюстрируем авторский метод и достижения. Говоря о жизни Сунь Ятсена, невозможно обойти стороной его отношения с семьей Сун, и историю женитьбы на Сун Цинлин. К 1910-м годам у будущего президента было несколько жён (на с. 51 второго тома приведено факсимиле письма Ятсена дочерям от 20 декабря 1910 г. с приветом «обоим матушкам», совместное фото которых дано на следующей странице). Поскольку в 1912 г. вторая жена Чэнь Цуйфэнь ушла от политика, авторы пришли к выводу, что ее место должна была занять Сун Айлин — старшая из трех. Вывод этот сделан на основе фотографий, фиксирующих посещение Ятсеном малой родины в мае 1912 г. Интересные суждения высказаны и относительно дальнейших взаимоотношений Сунь Ятсена с Кун Сянси, за которого в 1914 г. Сун Айлин вышла замуж. При этом данный сюжет, который пресловутая Чжан Жун могла бы развернуть до целой главы, является лишь частным по отношению к сложному вопросу: как письмо, адресованное японскому премьер-министру маркизу Окума Сигэнобу, сделалось известным политическим противникам Ятсена, и подлинности этого документа как такового (Т. 2, с. 52–61).

Книга построена на фундаментальной источниковой базе, в общих чертах охарактеризованной во введении к первому тому. Труды М.В. Крюкова уникальны для отечественной историографии в том отношении, что используют фонды архивов КНР и Тайваня, в данном случае – закрытые фонды Комитета по изучению истории Гоминьдана в Тайбэе (Т. 1, с. 23).

В формате рецензии немислимо даже перечислить все узловые вопросы и проблемы, рассмотренные автором. Поэтому ограничимся сугубо субъективной подборкой, исходя из наших собственных синологических интересов. Очень интересна главка про формирование интеллектуальных координат и мировоззрения молодого Сунь Ятсена. Она так и называется: «Неожиданный интерес к агрономии» (Т. 1, с. 40–44), что отсылает к посланию Суня Чжэн Цзаою – отставному послу Цинской империи в Японии и США. Идеи, изложенные в данном послании, были развиты в эссе «Достоинства земледелия», отправленному знаменитому теоретику и практику реформаторства Чжэн Гуаньину, которое включил текст Ятсена в свой сборник «Призыв к процветанию». В этой главке кратко, но ёмко показано взаимообогащение мыслителей. Та же линия выдерживается в главке о посланиях Ли Хунчжану (Т. 1, с. 44–49). Собственно, факт, что в доме Таочжая (Чжэн Гуаньина) Сунь Вэнь был представлен пионеру журналистики в Китае Ван Тао, был проанализирован в диссертации Ли Цифана (Lee Chi-fang. Wang T'ao (1828–1897): His Life, Thought, Scholarship, and Literary Achievement. Madison: University of Wisconsin, 1973), там же утверждалось, что идеи, высказанные в посланиях Сунь Ятсена Ли Хунчжану перекликались с творчеством Чжэн Гуаньина, а по стилю несли отпечаток редактирования Ван Тао. Однако выясняется, что ситуация была многомернее: Сунь Ятсену его влиятельные земляки и их шанхайские друзья предоставили несколько рекомендательных писем, которые отыскивались в архиве только в 1988 г. При этом так и оста-

лось непонятным, произошла ли встреча молодого врача и всесильного министра. Весьма примечателен и сюжет о том, как впервые в 1895 г. пересеклись пути Сунь Ятсена и Кан Ювэя (Т. 1, с. 60–62). В дальнейшем (так как книга построена на принципах строгого историзма) сюжет о взаимоотношениях революционера и реформатора не единожды будет возникать на страницах первого тома, посвящённых эмиграции обоих (Т. 1, с. 131–135, 140–141).

По сравнению со своими аналогами у Л. Шермэна, Г. Шифрина или М.-К. Бержер, намного глубже и многомернее представлена у М.В. Крюкова история лондонского похищения Сунь Ятсена. Собственно, именно в России эта история весьма оперативно была обнародована лондонским знакомцем китайского революционера — Ф. Волховским (*Сен-Ят-Сэн. Невроятнее сказки. Рассказ доктора-китайца о его похищении и заточении в Лондоне // Русское богатство. 1897. № 12*). Глава снабжена картами и многочисленными иллюстрациями, и факсимиле документов, перевод Волховского разобран отдельно (Т. 1, с. 71–121). Примечателен сюжет о получении Сунь Ятсеном американского гражданства в 1904 г. (Т. 1, с. 155–168). Сюжеты, посвященные сотрудничеству, Сунь Ятсена с японскими политиками и спецслужбами (а также обществом «Кокурюкай», которое в русской прессе известно под ошибочным именованьем «Общества чёрного дракона») в принципе заслуживают отдельной рецензии.

Две трети текста посвящены революционным перипетиям, что отвечает и логике, и наличию источников. Здесь можно сказать

о двух важнейших достоинствах разбираемого труда: его методологии и его форме. Нередко приходится слышать, что «жизнь выше литературы». Явно не в этот раз: как раз эпоха китайских революций 1911–1949 гг. интереснее и сложнее любого вымысла, и главное здесь не увлечься поверхностным скольжением по событиям, сосредоточившись на глубинной сути происходящего. Опубликованные и ранее не публиковавшиеся данные позволили открытым текстом говорить про внешнее финансирование Синьхайской революции, участия в ней иностранных спецслужб, и собственных действиях Сунь Ятсена, не слишком совместимых со светлым образом революционера. В содержательном отношении М.В. Крюкову удалось совместить китайскую традиционную биографическую хронику (年谱) с биографической аналитичностью. Важно и то, что, в отличие от многих синологических исследований, выходящих после 1990-х гг., в «Неизвестном Сунь Ятсене» не ощущается разрыва с достижениями советской историографии, чьи свидетельства используются не менее изобильно, нежели западные и китайские ученые труды. Замечательно обоснован тезис, что после Великого Октября именно большевики были заинтересованы в контактах с Сунь Ятсеном, а не наоборот (Т. 2, с. 367).

Если согласиться с постмодернистским тезисом о фабульности истории, то в жанровом отношении «Штрихи к портрету» содержат элементы детектива, так как авторам постоянно приходится сталкиваться с вопросами подлинности тех или иных документов: от послания Сунь Ятсену японскому премьеру Окума с со-

гласием о передаче Маньчжурии, до знаменитого «Политического завещания», которому посвящена известная монография С.Л. Тихвинского, имя которого и портреты не единожды появляются на страницах настоящего издания. Собственно, вся девятнадцатая глава посвящена «Великому перелому», анализирует причины союза китайского революционера с Советской Россией. Начинается глава с анализа отношения В.И. Ленина к вождю китайских народников (именно так Сунь Ятсен характеризовался в ленинских статьях 1910-х гг.). Причины интереса Сунь Ятсена были стандартны (как откровенно писал автор в главе, посвященной молниеносному превращению президента Китая во «временного президента»): «как всегда, оружие и деньги, в которых лидер Гоминьдана постоянно испытывал нужду» (Т. 2, с. 427). Во всех отношениях увлекательной мы должны назвать главку «О предсмертном письме Сунь Ятсена советским руководителям», основанной на изучении подлинника этого документа. Через всю книгу проходит исследование и сопоставление разнообразных подписей Сунь Вэня, которые оставались неизменными в иероглифической форме. Однако и политическое завещание, и предсмертное письмо были кем-то переписаны, и «под ними кто-то расписался за Сунь Ятсена» (Т. 2, с. 505).

Жанр биографической хроники подразумевает отсутствие или предельную краткость заключительной части. Не является исключением и «Неизвестный Сунь Ятсен». Здесь в предельно заостренной форме (как и в финале XX главы) поставлена дилемма: «Кто вы, доктор Сунь?» Содержание книги весьма откровенно

и на большом числе первоисточников доказывает, что Япония в подлинном смысле являлась «второй Родиной» Сунь Ятсена (Т. 2, с. 508, 510), и потому многих китайских исследователей его наследия беспокоит вопрос о границах его патриотизма и готовности «торговать своей Родиной» (Т. 2, с. 509). Сунь Ятсен был профессиональным революционером и политиком по призванию, «с детства привык считать себя вторым Хун Сюцюанем» (там же), и без всяких колебаний был готов принять деньги и оружие от любой стороны. Однако именно его «любовь к Японии осталась неразделенной» (Т. 2, с. 510), более того, паназиатистские идеологические установки препятствовали пониманию истинной сущности японского милитаризма (там же). Не существовало и никакого «принятия идей Великого Октября»: уже после получения помощи из Москвы президент Сунь обратился к Германии. Однако в соответствии с китайской классической традицией заключение содержит моральный посыл: «Превращать живую личность в предмет культа одинаково вредно как для поклонников героя, так и для самого героя» (Т. 2, с. 510–511).

Книга богато иллюстрирована и прекрасно оформлена. Обложка более чем наглядно демонстрирует глубочайшие пропасти и разрывы, таящиеся в личности, Сунь Ятсена и последствия его решений и действий. Лицевая сторона переплета разделена на чёрное и белое поля: с «чёрной» стороны половину лица революционера составляет известная его фотография, правая — «белая половина» — представлена графическим портретом работы Сюй Бэйхуна. Монография издана в составе «Ученых записок

Отдела Китая ИВ РАН» (выпуски 45 и 46), ответственным редактором выступил бессменный глава этого отдела А.И. Кобзев. Это не только достойный центра классических синологических исследований результат, но и дар к юбилею самого А.И. Кобзева: презентация книги состоялась на торжественном заседании в честь 70-летия юбиляра.

Форма и содержание позволяют рекомендовать «Неизвестного Сунь Ятсена» как специалистам, так и начинающим исследователям в качестве введения в предмет и образца для подражания в работе с источниками и историографическим материалом. Книга существенно расширяет горизонты нашего понимания революционных процессов, происходивших в первой трети минувшего столетия в Китае; она также помогает выявить и множество параллелей с событиями и политическими процессами в нашем Отечестве.

Сведения об авторах

Профессор, доктор исторических наук

Мартынов Дмитрий Евгеньевич

Казанский федеральный университет
42008, Казань, ул. Кремлёвская, 18, Россия

Доцент, кандидат исторических наук

Мартынова Юлия Александровна

Казанский федеральный университет
42008, Казань, ул. Кремлёвская, 18, Россия

E-mail: dmitrymartynov80@mail.ru

Information about the Authors

Professor, Doctor of Historical Sciences

Dmitry E. Martynov

Kazan Federal University 420008, Kazan,
Kremlyovskaya str., 18, Russia

Associate Professor, PhD

Yulia A. Martynova

Kazan Federal University 420008, Kazan,
Kremlyovskaya str., 18, Russia

Email: dmitrymartynov80@mail.ru

Информация о статье

Поступила в редакцию: 10.09.24

Одобрена после рецензирования: 21.09.24

Принята к публикации: 30.09.24

Information about the article

The article was submitted 10.09.24

Approved after reviewing 21.09.24

Accepted for publication 30.09.24

КАЗАНСКИЙ (ПРИВОЛЖСКИЙ) ФЕДЕРАЛЬНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

ИНСТИТУТ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ

АССОЦИАЦИЯ ПРЕПОДАВАТЕЛЕЙ КИТАЙСКОГО ЯЗЫКА ПФО

ИНСТИТУТ КОНФУЦИЯ КФУ

Уважаемые коллеги!

Приглашаем Вас опубликовать результаты Ваших научных трудов в нашем издании
«СОВРЕМЕННЫЕ ВОСТОКОВЕДЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ / MODERN ORIENTAL STUDIES»

«Современные востоковедческие исследования» — международный периодический журнал открытого доступа. Целью нашего научного издания является освещения основных научных достижений в области восточной филологии, истории, культуры и философии Востока.

К публикации в журнале принимаются наиболее значимые научные труды, соответствующие тематике, обладающие научной новизной и содержащие материалы собственных научных исследований автора. В журнал принимаются статьи на 8 языках: русском, английском, китайском, турецком, арабском, японском, корейском, вьетнамском.

На основании распоряжения Министерства науки и высшего образования Российской Федерации от 20 июля 2022 г. №314-р журнал включен в Перечень ВАК по 5 научным специальностям и соответствующим отраслям науки:

- 5.6.2. Всеобщая история (исторические науки);
- 5.6.7. История международных отношений и внешней политики (исторические науки);
- 5.7.2. История философии (философские науки);
- 5.9.6. Языки народов зарубежных стран (китайский и турецкий языки) (филологические науки);
- 5.9.8. Теоретическая, прикладная и сравнитель-

но-сопоставительная лингвистика (филологические науки).

Публикация в научном журнале бесплатная. Принимаются ранее не опубликованные научные статьи, обзорные статьи, рецензии, информационные материалы, соответствующие направлениям рецензируемого научного издания (оригинальность научных работ должна составлять не менее 75%).

Все научные статьи, поступившие в редакцию журнала, проходят обязательное слепое рецензирование. Статьи, получившие отрицательную рецензию, снимаются с публикации.

Периодичность выхода журнала: 4 номера в год (март, июнь, сентябрь, декабрь).

Выпуски журнала размещаются в базах РИНЦ (www.elibrary.ru) на основании лицензионного договора с Научной электронной библиотекой, РГБ, ТАСС, Cyberleninka.

Журнал издается с соблюдением всех требований Высшей аттестационной комиссии с целью последующего включения его в перечень ВАК.

Требования к оформлению работ и порядок приема статей прилагаются.

Готовые статьи принимаются только на адрес Редколлегии журнала:

modernorientalstudies@gmail.com

ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ АВТОРОВ

INFORMATION FOR AUTHORS

1. Тип рукописи: научная статья; обзорная статья; редакционная статья; персоналии; рецензия на книгу; рецензия на статью; обзор научной конференции; редакторская заметка; перевод письменного памятника.

2. УДК шифр (обязательно).

3. Заглавие рукописи. Расположение по центру, шрифт полужирный, прописные буквы. В конце заглавия точка НЕ ставится.

В качестве заглавия рецензии может быть приведена библиографическая запись на рецензируемый ресурс. При публикации статьи частями в нескольких выпусках издания части должны быть пронумерованы, и у всех частей следует указывать общее заглавие статьи. Если части имеют, помимо общего, частное заглавие, то его приводят после обозначения и номера части.

4. Автор/ авторы статьи. Данные указываются полностью, в точной последовательности: имя, отчество, фамилия. Расположение по ширине, шрифт полужирный. В случае, если у статьи несколько авторов, их данные указываются в выбранном авторами порядке, через запятую.

5. Название учреждения. Необходимо привести официальное название учреждения (в соответствии с наименованием,

указанным в уставных документах организации, без сокращений и без обозначения организационно-правовой формы юридического лица: ФГБУН, ФГБОУ ВО, ПАО, АО и т. п.)). Добавить **город**, где находится учреждение, **страну**.

В случае, если в написании статьи принимали участие несколько авторов, необходимо указать их данные, используя цифровые индексы в верхнем регистре ⁽¹⁾ после фамилии соответствующих авторов и перед названиями аффилированных с ними учреждений. Если у авторов одно и то же место работы, учёбы, то эти сведения приводятся один раз.

6. Каждому автору необходимо указать свой **e-mail** и **идентификационный номер ORCID**. В конце ORCID точка НЕ ставится. Возможно приведение электронного адреса только одного автора, с которым планируется переписка, или отдельное указание автора для корреспонденции по форме: «Автор, ответственный за переписку:» (“Corresponding author:”).

7. Аннотация должна содержать данные об актуальности, цели, материалах и методах, результатах и выводах исследования. Объем аннотации 100-250 слов.

8. Ключевые слова (от 5 до 10 слов). Расположение по степени значимости

каждого слова, при их перечислении ставится запятая, в конце перечисления точка НЕ ставится.

9. Размещение дополнительной информации: о спонсорстве, благодарностей — по желанию автора / авторов.

10. Для цитирования: Фамилия И.О. Название статьи. *Современные востоковедческие исследования.*

11. Тип рукописи на английском языке: научная статья; обзорная статья; редакционная статья; персоналии; рецензия на книгу; рецензия на статью; обзор научной конференции; редакторская заметка; перевод письменного памятника.

12. Название статьи на английском языке. Расположение по центру, шрифт полужирный, прописные буквы. В конце заглавия точка НЕ ставится.

13. Автор / авторы статьи на английском языке. Данные необходимо указывать в соответствии с заграничным паспортом или так, как указывалось в ранее опубликованных статьях. *Пример: Ivan P. Ivanov*

14. Название учреждения на английском языке. Необходимо указать официальное англоязычное название учреждения без сокращений и указания организационно-правовой формы юридического лица: ФГБУН, ФГБОУ ВО, ПАО, АО и т. п.). Добавить **город**, где находится учреждение, **страну**.

В случае, если в написании статьи принимали участие несколько авторов, необходимо указать их данные, используя цифровые индексы в верхнем регистре ⁽¹⁾ после фамилии соответствующих авторов и перед названиями аффилированных с ними учреждений. Если у авторов одно и то же место работы, учёбы, то эти сведения приводятся один раз.

15. Abstract. Содержание аннотации на английском языке должно соответствовать русскоязычному тексту.

16. Keywords (от 5 до 10 слов). Расположение по степени значимости каждого слова, при их перечислении ставится запятая, в конце перечисления точка НЕ ставится.

17. Размещение дополнительной информации на английском языке: о финансировании (funding / financial support), благодарностей (acknowledgements) — по желанию автора / авторов, в соответствии с русскоязычным текстом.

18. For citation. Фамилия И.О. (на английском языке, в соответствии с заграничным паспортом или так, как указывалось в ранее опубликованных статьях) Название статьи на английском языке. *Modern oriental science.*

19. Полный текст (на русском или английском языках) должен быть структурированным по разделам. Структура полного текста рукописи, посвященной описанию результатов оригинальных исследова-

дований, должна соответствовать общепринятому шаблону и содержать разделы: введение (актуальность), цель и задачи, материалы и методы, результаты, выводы, а также — по желанию автора — тематические подразделы.

20. Сведения о продолжении или окончании статьи указывают при её публикации частями в нескольких выпусках издания в конце каждой части, кроме последней, по форме: «Продолжение (окончание) следует». На странице с началом каждой последующей части статьи в подстрочном примечании или перед текстом ставят пометку «Продолжение (окончание)» и указывают номер (номера) выпуска (выпусков) издания, в котором (которых) были напечатаны предыдущие части статьи.

21. В статье могут быть внутритекстовые, подстрочные и затекстовые примечания. Внутритекстовые примечания помещают внутри основного текста статьи в круглых скобках. Подстрочные примечания помещают внизу соответствующей страницы текста статьи. Затекстовые примечания помещают после основного текста статьи перед «Списком источников» с предшествующим словом «Примечания».

22. Таблицы должны быть помещены в текст статьи и пронумерованы (Таблица 1 — Tabl. 1), иметь четко обозначенные графы, удобные и понятные для чтения. Названия следует давать курсивом на русском и английском языках. Данные таблицы должны соответствовать цифрам

в тексте, однако не должны дублировать представленную в нём информацию. Ссылки на таблицы в тексте обязательны.

23. Рисунки (графики, диаграммы, схемы, чертежи и другие иллюстрации, рисованные средствами MS Office) должны быть контрастными и четкими. Объем графического материала минимальный (за исключением работ, где это оправдано характером исследования). Каждый рисунок должен быть помещен в текст и сопровождаться нумерованной подрисуночной подписью курсивом на русском и английском языках (Рис. 1 – Fig. 1). Должен быть указан источник рисунка (например: издание, сайт, музей, фото автора). Ссылки на рисунки в тексте обязательны.

25. Ссылки в тексте — затекстовые. **!В списке все работы перечисляются в порядке цитирования, а не в алфавитном порядке!**

⇒ Перечень затекстовых библиографических ссылок на русском языке помещают после основного текста статьи с предшествующими словами «**Список источников**».

⇒ Библиографические ссылки на монографии оформляются по примеру: *Фамилия И.О. Название монографии. Город: издательство; год. Количество страниц в монографии.*

⇒ Библиографические ссылки на статьи оформляются по примеру: *Фамилия И.О. Название статьи. Название журнала, где была издана статья. Город: издательство; год. С. (страницы, на которых разме-*

щена искомая статья).

⇒ В случае обращения к электронному ресурсу после вышеуказанных данных прибавляется <https://> (дата обращения:)

⇒ Если работа написана не на английском или русском языке, в скобках в сокращении необходимо указать её язык. Например: (на кит.яз).

⇒ В случае ссылок на работы с использованием нелатинского алфавита или иероглифики в названии, необходимо указать данные на русском языке, в скобках на языке оригинала: ФИО (иероглифика). Название работы (иероглифика).

26. References. Дополнительно приводят перечень затекстовых библиографических ссылок на латинице согласно выбранному стилю оформления перечня затекстовых библиографических ссылок ***Chicago***, принятому в зарубежных изданиях.

⇒ Названия работ переводятся на английский язык, не транслитерируются. В названиях издательств используется транслитерация.

⇒ Если работа не на английском языке, в скобках в сокращении указывается её язык. Например: Roerich Yu. N. *Mongol-Tibetan Relations in the XIII and XIV Centuries. Philology and History of the Mongolian Peoples.* Moscow: Vostochaya literatura, 1958, pp. 333–346. (In Russ.)

⇒ В случае обращения к электронному ресурсу после вышеуказанных данных при-

бавляется <https://> (accessed:)

⇒ В случае ссылок на работы с использованием нелатинского алфавита или иероглифики в названии, необходимо указать данные только на английском языке.

27. Сведения об авторе / авторах. Указывается в статье после списка источников.

Фамилия Имя Отчество,

Сведения об ученой степени, звание, должность (в сокращенной форме)

Наименование организации

Адрес организации

Адрес электронной почты.

28. Information about the author / authors. Указывается в статье после списка источников.

Имя Отчество (сокращённо) Фамилия

Пример: Ivan P. Ivanov

Сведения об ученой степени, звание, должность (в сокращенной форме)

Наименование организации

Адрес организации

Адрес электронной почты.

29. Сведения о вкладе каждого автора, если статья имеет несколько авторов, приводят в конце статьи после «Информации об авторах». Этим сведениям предшествуют слова «**Вклад авторов:**» (“**Contribution of the authors:**”).

После фамилии и инициалов автора в краткой форме описывается его личный вклад в написание статьи (идея, сбор материала, обработка материала, написание статьи, научное редактирование текста и т. д.).

30. Сведения об отсутствии или наличии конфликта интересов и детализацию такого конфликта в случае его наличия приводят в конце статьи после «Информации об авторах». Если в статье приводят данные о вкладе каждого автора, то сведения об отсутствии или наличии конфликта интересов указывают после них.

Например:

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

31. Сведения о дате поступления рукописи в редакцию издания, **дате одобрения** после рецензирования и **дате принятия** статьи к опубликованию приводят в конце статьи после всех других сведений.

Например:

Статья поступила в редакцию 06.12.2021;
одобрена после рецензирования 08.12.2021;
принята к публикации 14.12.2021.

The article was submitted 06.12.2021;
approved after reviewing 08.12.2021;
accepted for publication 14.12.2021.

ОБРАЗЕЦ ОФОРМЛЕНИЯ СТАТЬИ

ARTICLE FORMATTING SAMPLE

Научная статья/другое

Исторические/другие науки

УДК _____

<https://doi.org/>_____

Название статьи

Федоров Антон Витальевич¹, Антонов Виталий Федорович²

¹Казанский (Приволжский) федеральный университет, Казань, Россия

²Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия

Автор, ответственный за переписку: fyodorovav@gmail.com

<https://orcid.org/>_____ (точка в конце не ставится)

Аннотация: Аннотация статьи должна содержать: актуальность, цель, материалы и методы, результаты, выводы; полностью соответствовать содержанию работы. **Объем текста 100-300 слов.**

Ключевые слова: (от 5 до 10 слов). Расположение по степени значимости каждого слова, при их перечислении ставится запятая, в конце перечисления точка НЕ ставится

Размещение дополнительной информации: о спонсорстве, благодарностей — по желанию автора / авторов.

Для цитирования: Федоров А.В., Антонов В.Ф. Название статьи. *Современные востоковедческие исследования*. Год; Том (номер). С. <https://doi.org/>_____

Original article/*other*

History/*other* studies

<https://doi.org/>_____

The article title

Fyodorov A.V.¹, Antonov V.F.²

¹*Kazan (Volga region) Federal University, Kazan, Russia*

²*St. Petersburg State University, St. Petersburg, Russia*

Corresponding author: fyodorovav@gmail.com

<https://orcid.org/>_____

Abstract: Abstract of the article is required to contain: relevance, purpose, materials and methods, results, conclusions; it should be fully consistent with the content of the work. **The volume of an abstract is 100-300 words.**

Keywords: Up to 10 keywords, starting with the most significant ones. When listing them, a comma is put, at the end of the listing, a dot is NOT put

funding / financial support/ acknowledgements: up to the author request

For citation: Fyodorov A.V., Antonov V.F. The article title *Modern Oriental Studies*. Year; Volume (№). P. (In Russ. / *other*) <https://doi.org/>

Текст работы /Full text:

Табл.1. Название таблицы.

Table 1. Table's name.

числа

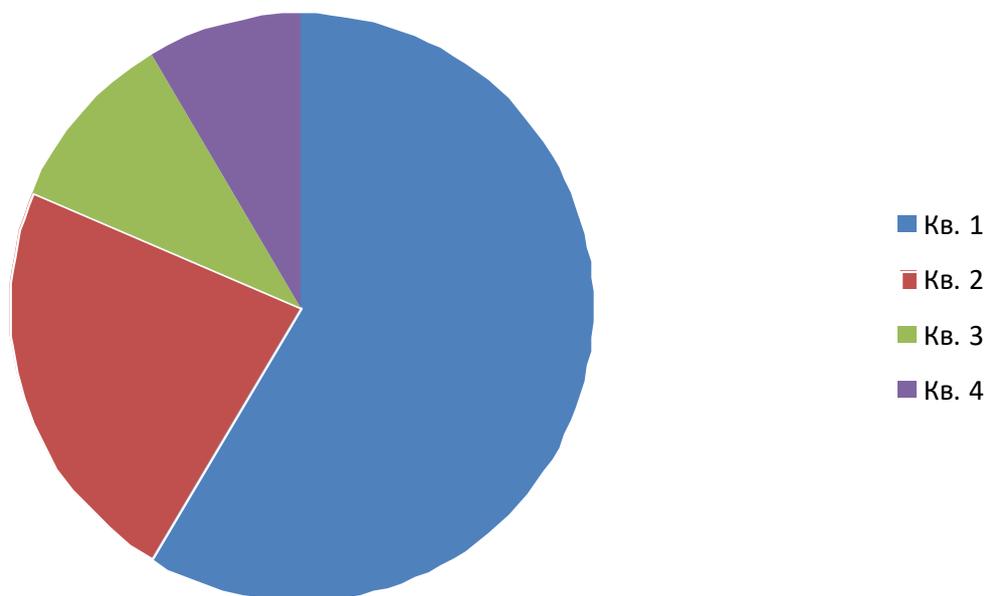

Рис.1. Название рисунка.

Fig. 1. Figure's name.

Список литературы / References:

Список литературы оформляется в соответствии с Чикагским стилем цитирования.

!В списке все работы перечисляются в порядке цитирования, а не в алфавитном порядке!

Внутритекстовые ссылки: текст [Фамилия автора/авторов, год, № страницы]. Пример:
текст [Мартынов, 2021, 56].

Примеры оформления ссылок для списка литературы:

Книги:

Фишер Р.Е. *Искусство буддизма*. Москва: СЛОВО, 2001.

Периодические печатные издания:

Мартынов Д.Е. Персиваль Лоуэлл как исследователь японской культуры. *Учёные записки Казанского университета. Сер. Гуманитарные науки*. 2017; Т.159 (6). С. 1472-1486.

Электронный ресурс:

В случае обращения к электронному ресурсу, после вышеуказанных данных прибавляется

<https://> (дата обращения:)

Мартынов Д.Е. Персиваль Лоуэлл как исследователь японской культуры. *Учёные записки Казанского университета. Сер. Гуманитарные науки*. 2017; Т.159 (6). С. 1472-1486. <https://> (дата обращения 31.10.2021)

Если работа написана не на английском или русском языке, в скобках в сокращении необходимо указать её язык. Например: (на кит.яз).

В случае ссылок на работы с использованием нелатинского алфавита или иероглифики в названии, необходимо указать данные на русском языке, в скобках на языке оригинала: ФИО (иероглифика). Название работы (иероглифика).

Лю Жомэй. (柳若梅) Исследование хранящейся в России копии «Истории государства Российского», переведенной при династии Цин. (俄藏中国清代稿抄本«罗西亚国史»研究) *Россия-Китай: история и культура*. 2022. С. 164-174 (на кит.яз.)

Список «**References**» формируется в том же порядке, что и список литературы.

Названия работ переводятся на английский язык, не транслитерируются. В названиях издательств используется транслитерация

Если работа не на английском языке, в скобках в сокращении указывается её язык:

Roerich Yu. N. Mongol-Tibetan Relations in the XIII and XIV Centuries. *Philology and History of the Mongolian Peoples*. Moscow: Vostochaya literatura, 1958, pp. 333–346. (In Russ.)

В случае обращения к электронному ресурсу после вышеуказанных данных прибавляется

Roerich Yu. N. Mongol-Tibetan Relations in the XIII and XIV Centuries. *Philology and History of the Mongolian Peoples*. Moscow: Vostochaya literatura, 1958, pp. 333–346. <https://> (accessed:31.10.2021) (In Russ.)

В случае ссылок на работы с использованием нелатинского алфавита или иероглифики в названии, необходимо указать данные только на английском языке.

Сведения об авторе / авторах.

Фамилия Имя Отчество,

Сведения об ученой степени, звание, должность (в сокращенной форме)

Наименование организации

Адрес организации

Адрес электронной почты

Information about the author / authors.

(Указывается в статье после списка источников)

Name

Degree, position

Organization

Mailing address

e-mail

Информация о статье

Поступила в редакцию: _____.

Одобрена после рецензирования: _____.

Принята к публикации: _____.

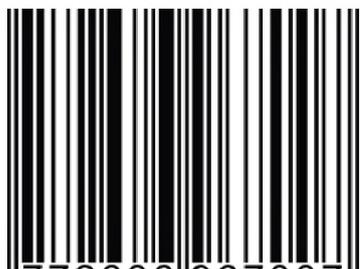
Information about the article

The article was submitted _____;

Approved after reviewing _____;

Accepted for publication _____.

ISSN 2686-9675

9 772686 967007 >